

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

М.В. МОИСЕЕВ, Н.Г. ГИЧЕВА

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Учебное пособие

*(для студентов специальностей 031202.65 «Перевод
и переводоведение» и 031201.65 «Теория и методика
преподавания иностранных языков и культур»)*

2009

УДК 802.0 + 808.2
ББК 81.2Англ. я73+81.2Рус. я73
М 748

*Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом ОмГУ*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Галич*,
кандидат филологических наук, доцент *Г.Г. Семкина*

Моисеев, М.В.

М 748

Сопоставительная лингвокультурология английского и русского языков: учебное пособие (для студентов специальностей 031202.65 «Перевод и переводоведение» и 031201.65 «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур») / М.В. Моисеев, Н.Г. Гичева. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 186 с.

ISBN 978-5-7779-1006-6

Рассматриваются основные проблемы лингвокультурологии. На материале английского и русского языков устанавливаются способы взаимодействия языка и культуры, описываются наиболее важные языковые явления, детерминированные культурой: вербальная реализация концептов, прецедентные феномены, стереотипы. Показано, каким образом язык транслирует и хранит культуру. Выявляются общие закономерности и национально-культурная специфика в отражении и закреплении проявлений культуры народа в языке.

Для студентов специальностей 031202.65 «Перевод и переводоведение» и 031201.65 «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур».

УДК 802.0 + 808.2

ББК 81.2Англ. я73+81.2Рус. я73

ISBN 978-5-7779-1006-6

© М.В. Моисеев, Н.Г. Гичева, 2009

© ГОУ «Омский госуниверситет
им. Ф.М. Достоевского», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	
<i>Задания для самостоятельного изучения материала</i>	7
1.1. Определение лингвокультурологии. Связь лингвокультурологии с другими науками. Понятие культуры	7
1.2. Развитие лингвокультурологии. Антропоцентрическая парадигма	17
1.3. Сопоставительная лингвокультурология	21
1.4. Концептуальная (культурная) и языковая картина мира	25
1.5. Лингвокультурный анализ и перевод	34
<i>Рекомендуемая литература</i>	37
<i>Вопросы для итогового обсуждения</i>	38
<i>Задания для итогового обсуждения</i>	38
<i>Задания для воспроизведения и комментирования изученного материала</i>	38
Глава 2. КОНЦЕПТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	
<i>Задания для самостоятельного изучения материала</i>	41
2.1. Понятие концепта и концептосферы. Базовые характеристики концепта	43
2.2. Структура и содержание концепта	49
2.3. Типология концептов	54
2.4. Анализ и описание концепта	58
2.5. Анализ концептуального пространства текста	62
<i>Рекомендуемая литература</i>	66
<i>Вопросы для итогового обсуждения</i>	67
<i>Задания для итогового обсуждения</i>	67
<i>Задания для воспроизведения и комментирования изученного материала</i>	68
Глава 3. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ	
<i>Задания для самостоятельного изучения материала</i>	73
3.1. Развитие теории прецедентных феноменов	74
3.2. Классификация прецедентных феноменов	81
3.3. Прецедентная ситуация	85
3.4. Прецедентный текст	89
3.5. Прецедентное имя	91
3.6. Прецедентное высказывание	102
<i>Рекомендуемая литература</i>	112
<i>Вопросы для итогового обсуждения</i>	112
<i>Задания для итогового обсуждения</i>	113
<i>Задания для воспроизведения и комментирования изученного материала</i>	114

Глава 4. СТЕРЕОТИПЫ	
<i>Задания для самостоятельного изучения материала</i>	120
4.1. Определение стереотипа	122
4.2. Механизм формирования и функционирования стереотипов.....	129
4.3. Источники получения информации для изучения стереотипов	143
4.4. Виды стереотипов	152
<i>Рекомендуемая литература</i>	167
<i>Вопросы для итогового обсуждения</i>	168
<i>Задания для итогового обсуждения</i>	168
<i>Задания для воспроизведения и комментирования изученного материала</i>	169
РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	176
ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ	181
АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	
ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ	183

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в лингвистике сформировалось новое направление – лингвокультурология. В отечественной науке успехи этого направления были определены трудами В.Н. Телия, Ю.С. Степанова, А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьёва, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.А. Масловой, В.В. Красных и других исследователей. Возникновение лингвокультурологии является результатом синтеза лингвистики и культурологи и выдвижения на первый план в лингвистике антропоцентрической парадигмы, которая позволяет анализировать язык как культурный код нации. Представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета для языковых построений. Естественным образом развитие лингвокультурологии привело к пониманию того факта, что национально-культурную специфику языковых явлений можно выявить путём сопоставления разных языков, отражающих культуру соответствующих народов. Знание студентами способов, с помощью которых язык в своих единицах хранит и транслирует культуру народа, имеет большое значение для их будущей профессиональной деятельности (переводческой или преподавательской).

Актуальность пособия определяется тем, что, несмотря на большое количество работ по лингвокультурологии, выполненных, в том числе, на материале двух и более языков, в настоящее время отсутствуют учебные пособия, освещающие такие значимые лингвокультурологические проблемы, как концепт, прецедентные явления и стереотип на материале английского языка. Сопоставление с русским языком позволяет сделать их освещение более доступным и интересным для студентов. Использование сопоставительного метода помогает выявить общие закономерности и национальную специфику в механизмах формирования и функционирования анализируемых явлений, присущие двум разным культурам и языкам.

Цель данного пособия – изложить основные положения лингвокультурологии, рассмотреть ряд наиболее значимых про-

блем на материале сопоставления английского и русского языков, помочь изучить особенности функционирования лингвокультурных явлений в дискурсе, сформировать у студентов необходимые знания, практические умения и навыки. Для этого каждая глава сопровождается заданиями для воспроизведения и комментирования изученного материала. Большое внимание в пособии уделяется фразеологизмам, так как они представляют ценнейший источник информации о культуре и менталитете народа.

Данное учебное пособие включает лекционный материал, апробированный в спецкурсе «Лингвокультурология», и отражает содержание рабочей программы данного курса. В учебном пособии предпринята попытка рассмотрения основного содержания курса с современных научных и практических позиций. Оно может быть использовано как на занятиях по лингвокультурологии, так и в процессе самостоятельной работы студентов при изучении данной дисциплины. Материал учебного пособия связан с проблемами лексикологии и стилистики и может использоваться при изучении этих дисциплин.

При организации самостоятельной работы студентов рекомендуется обращать их внимание на задания, предшествующие тексту каждой главы, что позволит им выделить основные части соответствующих тем и составить более четкое представление о соответствующих проблемах. Вопросы и задания для итогового обсуждения, приводимые после текста главы, предназначены для проверки преподавателем степени усвоения студентами теоретического материала, а задания для комментирования изученного материала позволят не только проверять, но и закреплять практические навыки и умения студентов, связанные со знаниями, полученными в процессе изучения соответствующих глав. В пособии использовано большое количество примеров из аутентичных текстов, что повышает его значимость в курсе изучения английского языка.

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Задания для самостоятельного изучения материала

1. Прочитайте текст, подготовьте сообщение о связи лингвокультурологии с другими научными дисциплинами.
 2. Дайте определение лингвокультурологии, укажите её объект и предмет.
 3. Подготовьте сообщение о подходах к определению культуры.
 4. Подготовьте краткое сообщение о развитии лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины.
 5. Подготовьте сообщение о понятии языковой картины мира.
-
-

1.1. Определение лингвокультурологии.

Связь лингвокультурологии с другими науками.

Понятие культуры

Формирование лингвокультурологии как самостоятельной дисциплины обусловлено исследовательским интересом к проблеме взаимодействия языка и культуры. А.Т. Хроленко справедливо отмечает, что перед современными лингвистами как пионерами в разработке проблемы связи языка и культуры встало несколько вопросов: что такое лингвокультуроведение; какие научные дисциплины могут войти в комплекс лингвокультуроведческих наук; каков статус каждой из них и какова их иерархия; каким должно быть методологическое и методическое обеспечение лингвокультуроведческих дисциплин [Хроленко, с. 22].

К сожалению, пока не определился единый подход к пониманию статуса лингвокультурологии. Часть исследователей рассматривает лингвокультурологию как практическую реали-

зацию культурологии, как прикладной аспект процесса преподавания языка, что предполагает более углубленное эмпирическое изучение языковых фактов [Тхорик, Фанян, с. 35].

Диаметрально противоположная точка зрения представлена в книге А.Т. Хроленко. По его мнению, лингвокультурологию должны интересовать не описания конкретных примеров взаимодействия отдельных явлений культуры с тем или иным языковым явлением (это предмет более частных лингвокультуроведческих исследований и дисциплин), а выявление механизмов взаимодействия, взаимовлияния двух фундаментальных феноменов – языка и культуры, обуславливающих феномен человека. Согласно А.Т. Хроленко, есть все основания полагать, что лингвокультурология в пределах лингвокультуроведения соответствует статусу общего языкознания в системе наук о языке. Подобно общему языкознанию, лингвокультурология призвана выявлять и описывать наиболее общие закономерности взаимообусловленности и взаимодействия языковой и культурной практики человека и общества [Хроленко, с. 31].

Интегративный подход к лингвокультурологии принимается В.В. Воробьевым. Лингвокультурология должна осмысливаться как новая парадигма, позволяющая глубже и многостороннее обозреть возможности и резервы исследовательской мысли. Лингвокультурология определяется В.В. Воробьевым как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового [культурного] содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев, с. 47]. Он определяет лингвокультурологию по следующим параметрам: 1) это научная дисциплина синтезирующего типа; 2) основным объектом лингвокультурологии являются взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение этого взаимодействия в единой системной целостности; 3) предмет лингвокультурологии – национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях; 4) лингвокультурология ориентируется на новую систему

культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных сферах культурной жизни страны; 5) объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработки понятийного аппарата, который способствует формированию современного культурологического мышления.

Большинство исследователей считает, что лингвокультурология должна исследовать фиксацию культуры в языке и проявление её в дискурсе [Красных, 2002, с. 13], либо что лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму культуры [Маслова, 2001, с. 11]. В.И. Карасик определяет сущность данной науки как комплексную область научного знания о взаимосвязи языка и культуры [Карасик, 2004, с. 87]. Важным отличием этого определения является акцентирование взаимосвязи языка и культуры, в то время как большинство специалистов в области лингвокультурологии рассматривают в качестве сущности лингвокультурологии изучение отражения культуры в языке. Несомненно, что не только культура влияет на язык, но и язык участвует в формировании культуры. Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива [Тер-Минасова, с. 15].

А.Т. Хроленко справедливо отмечает, что система лингвокультуроведческих дисциплин с лингвокультурологией в центре складывается благодаря усилиям лингвистов, а потому налицо некоторый исследовательский перекос. Говоря о связи языка и культуры, лингвокультурологи имеют в виду, прежде всего, влияние культуры на язык, и всё внимание уделяется языку как аккумулятору культурных смыслов, хотя союз *и* в формулировке проблемы «Язык *и* культура» предполагает взаимовлияние [Хроленко, с. 32].

Итак, основываясь на лингвистической интерпретации лингвокультурологии, можно сформулировать следующее определение данной науки.

Лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая лингвистический аспект взаимосвязи языка и культуры и рассматривающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и культурного содержания.

Однако это не простое сложение двух наук, а разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность изучения проблемы в рамках только одной дисциплины, тем самым обеспечивая новое видение и объяснение фактов.

Объект лингвокультурологии – язык как отражение и фиксация культуры.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (пословицах и поговорках) и т. д. [Маслова, 2001, с. 36].

Таким образом, предметами лингвистических исследований лингвокультурологического характера могут быть:

1) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды, поверья, ритуалы и обычаи, закреплённые в языке;

2) прецедентные феномены, закреплённые в языке (прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания);

3) культурные концепты, отраженные в единицах языка и дискурса;

4) стереотипы;

5) эталоны, символы и образы (в том числе, представленные в метафорах и сравнениях);

6) слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (как безэквивалентные языковые единицы, так и лакуны).

Лингвокультурология тесно связана с рядом других научных дисциплин. Из названия данной науки ясно, что двумя основополагающими её составляющими являются лингвистика и культурология. **Культурология** выступает как общая теория культуры, основывающаяся в своих обобщениях и выводах на знаниях конкретных наук, какими являются теория художественной культуры, история культуры и другие частные науки о культуре [Садохин, Грушевицкая, с. 12]. Как отрасль знания, выделившаяся из философии, культурология состоит из двух уровней: теоретического и эмпирического. На эмпирическом уровне происходит обобщение и первоначальная систематизация знаний о том или ином явлении культуры [Садохин, Грушевицкая, с. 13].

На этом уровне культура, прежде всего, является предметом изучения культурной антропологии. **Культурная антропология** – чрезвычайно широкая фундаментальная наука, изучающая общие проблемы культурного развития человечества, вбирающая в себя знания других гуманитарных наук, изучающая единый процесс культурного становления человека [Тер-Минасова, с. 15]. А.Т. Хроленко считает лингвокультурологическое направление частью **антропологической лингвистики**, которая, будучи обширным полем исследования, реализуется в нескольких направлениях, приобретающих форму самостоятельных научных дисциплин [Хроленко, с. 22].

Свои права на разработку лингвокультурной проблематики заявили **этнолингвистика** и её раздел **этнопсихоллингвистика**, изучающие взаимодействие лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка [Хроленко, с. 23]. Этнолингвистика изучает с помощью лингвистического материала культурно-бытовую специфику народов, вопросы их происхождения, расселения, взаимоотношений. Родившись в недрах этнографии, этнолингвистика развивалась на американской почве в связи с изучением индейских племен и их языков. В узком смысле этнолингвистика – отрасль языкознания, «которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. д.» [Толстой, с. 34]. Интеграция этнолингвистики и этнопсихологии привела к оформлению новой области – этнопсихоллингвистики [Тхорик, Фанян, с. 22]. В.В. Красных

понимает этнопсихолингвистику как направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учётом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихолингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации [Красных, 2002, с. 10]. Этнопсихолингвистика устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей языка, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», лакуны и т. д. [Маслова, 2001, с. 12]. Различаются лингвокультурология и этнопсихолингвистика только используемыми методами. В этнопсихолингвистике основным методом исследования является ассоциативный эксперимент, а в лингвокультурологии используются как лингвистические методы, так и психолингвистические методики. Если лингвокультурология исследует фиксацию культуры в языке, то этнопсихолингвистика основное внимание уделяет этнопсихолингвистической детерминированности речевой деятельности, языкового сознания и общения [Красных, 2002, с. 13]. Этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, а лингвокультурология исследует и исторические, и современные факты сквозь призму духовной культуры [Маслова, 2001, с. 11].

Эти две научные дисциплины взаимно дополняют и обогащают друг друга.

Тесная связь лингвокультурологии с этнолингвистикой привела к тому, что ряд исследователей (В.Н. Телия и др.) считают лингвокультурологию разделом этнолингвистики. Большинство исследователей придерживаются того мнения, что это принципиально разные науки (В.В. Красных, В.А. Маслова, А.Т. Хроленко и др.), признавая вместе с тем и их тесную связь.

Изучение круга проблем, рассматриваемых лингвокультурологией, возможно по нескольким направлениям. Пытаясь дифференцировать ряд терминов, часто употребляемых как синонимические, польский лингвист Януш Анушевич определяет эти пути следующим образом. **Культурная лингвистика** изучает связи между языком и культурой, причём язык трактуется как предварительное условие, имплицатор, составная часть, ре-

зервуар, а также интерпретатор и интерпретант, заключающий в себе наиболее существенные её смыслы. Направление исследования культурной лингвистики: язык – культура – человек (общество) – действительность. **Антропологическая лингвистика**, или этнолингвистика, изучает связи и зависимости между языком и человеком (обществом), а также культурой и действительностью, которые его окружают. Это наука о человеке, увиденном сквозь призму языка, творящем язык, человеку, чей образ сохранен в языке. Она исследует отношение язык – человек – действительность – культура. Наименование этой дисциплины, по мнению Анушевича, лишь отчасти обосновано, поскольку этнолингвистика занимается исследованием связей преимущественно между народным языком и народной культурой (фольклором). Наконец, **лингвистическая антропология** изучает связи между культурой, языком и данным обществом, имея в качестве исходной точки не язык, а культуру [Юдин, с. 171].

Близка к лингвокультурологии и **социоллингвистика** – раздел языкознания, изучающий обусловленность языковых явлений и языковых единиц социальными факторами. Социоллингвистика лишь одним из своих аспектов имеет исследование взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, язык и церковь и т. д.), в основном же социоллингвистика занимается изучением особенностей языка разных социальных и возрастных групп [Маслова, 2001, с. 11]. Очень тесная связь наблюдается у лингвокультурологии и лингвострановедения. **Лингвострановедение** (по определению С.Г. Тер-Минасовой) – это дидактический аналог социоллингвистики, развивающий идею о необходимости слияния обучения иностранному языку как совокупности форм выражения с изучением общественной и культурной жизни носителей языка [Тер-Минасова, с. 30]. Лингвострановедение и лингвокультурология различаются тем, что лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке, – безэквивалентные языковые единицы, обозначающие специфические для данной культуры явления (по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову).

А.Т. Хроленко придерживается мнения, что вся совокупность культурно-языковой проблематики может быть обозначена как **лингвокультуроведение**. Он разграничивает термины

лингвокультурология и лингвокультуроведение. Первый предполагает сложившуюся науку, такой тип знания, когда на основании имеющихся данных и логической структуры данного знания возможны дедуктивные выводы; второй обозначает тип знания, когда важна не строгая дедукция, а эрудиция в предмете. По мнению А.Т. Хроленко, лингвокультурологию можно определить как область научных поисков, которые ориентированы на выявление характера связей между языком, этническим менталитетом и культурой, так как язык и культура, строго говоря, с действительностью напрямую не связаны и не могут быть связаны [Хроленко, с. 27–28]. Представляется, что если можно согласиться с А.Т. Хроленко относительно определения науки, исследующей всю совокупность культурно-языковой проблематики как лингвокультуроведение, то уже нельзя применять этот термин, как делает он, к той области знания, где важна эрудиция в предмете. Кроме того, вряд ли возможно полностью разделить лингвистическое исследование на чистую дедукцию и эрудицию.

Более логичным было бы считать лингвокультуроведение общей дисциплиной, а лингвокультурологию и лингвострановедение её составными частями.

Так как лингвокультурология изучает взаимосвязь языка и культуры, необходимо рассмотреть определения последней. Культура представляет собой сложное и многомерное образование, систему, из которой невозможно без ущерба изъять какую-либо часть. Само понятие «культура» имеет многозначное и довольно аморфное определение, которое можно применять в самых разных ситуациях [Садохин, Грушевицкая, с. 109]. Это обусловило многочисленность определений культуры, число которых продолжает расти. Так, в 1952 г. американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон впервые систематизировали известные им определения культуры, насчитав 164 определения. В 1970-е годы число определений культуры достигло 300, а в 1990-е годы их стало больше 500. По мнению авторов учебного пособия «Культурология» А.П. Садохина и Т.Г. Грушевицкой, в настоящее время количество определений культуры перевалило, вероятно, за 1000 [Садохин, Грушевицкая, с. 109]. На основе классификации определений культуры, проделанной А. Кребером и К. Клакхоном, они выделили следующие типы этих определений [Садохин, Грушевицкая, с. 110–113]:

1. Описательные определения, которые делали упор на перечисление всего того, что охватывает понятие культуры. Первоначальное определение культуры такого типа в научной литературе принадлежит Э. Тайлору, который понимал культуру как совокупность знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества.

2. Исторические определения акцентируют внимание на процессах социального исследования и традиции. Они подчеркивают, что культура является продуктом истории общества и развивается путём передачи приобретенного опыта от поколений к поколению. Например, культура – это социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни.

3. Нормативные определения утверждают, что содержание культуры составляют нормы и правила, регламентирующие жизнь общества. Такие концепции развивают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, которые понимают под культурой наследственную память коллектива, выражающуюся в определенных системах запретов и предписаний. Эти определения можно разделить на две подгруппы. В первой подгруппе определения ориентируются на идею образа жизни. Так определял культуру антрополог К. Уислер, для которого культура есть образ жизни, которому следует община или племя. Определения второй подгруппы фокусируются на идеалах и ценностях общества. Например, социолог У. Томас определял культуру как материальные и социальные ценности любой группы людей. Такой подход можно определить как ценностный.

4. При деятельностном подходе культура понимается как свойственный человеку способ удовлетворения потребностей, как особый род деятельности.

5. Функциональные определения характеризуют культуру через функции, которые она выполняет в обществе: информационную, адаптивную, коммуникативную, регулятивную, нормативную, оценочную, интегративную, социализации и др. Они также рассматривают единство и взаимосвязь этих функций в культуре. Например, среди специалистов по межкультурной коммуникации популярно короткое, но ёмкое определение Э. Холла: культура – это коммуникация, коммуникация – это культура.

6. Психологические определения обращают внимание на связь культуры с психологией поведения людей и видят в ней социально обусловленные особенности человеческой психики.

7. Структурные определения культуры делают акцент на её структурной организации.

8. Социологические определения представляют культуру как фактор организации общественной жизни, как совокупность идей, принципов и социальных институтов, обеспечивающих коллективную деятельность людей. Такой тип определений акцентирует внимание не на итогах культуры, а на процессе, в ходе которого человек и общество удовлетворяют свои потребности.

Многие исследователи также выделяют и диалогический подход, в котором культура – «диалог культур», т. е. форма общения её субъектов (В. Библер, С.С. Аверинцев, Б.А. Успенский). Выделяются этнические и национальные культуры, создаваемые отдельными народами, нациями. Внутри национальных культур выделяются субкультуры (культуры отдельных социальных слоев и групп). Существует также метакультура, объединяющая разные народы. Все эти культуры вступают друг с другом в диалог.

Во всех рассмотренных определениях есть рациональное зерно, каждый подход к определению культуры выделяет те или иные существенные черты культуры. Как правило, они не являются взаимоисключающими, хотя простое суммирование их не дает позитивного результата. Без сомнения, культура – это сущностная характеристика человека, то, что отличает его от животных, приспособляющихся к окружающей среде, а не целенаправленно меняющих её, как человек [Садохин, Грушевицкая, с. 114].

Для многих исследователей в области лингвокультурологии наиболее перспективными представляются деятельностный, нормативный, диалогический и ценностный подходы к культуре [Маслова, 2001, с. 18].

Культура – это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая живёт лишь в диалоге с другими культурами.

1.2. Развитие лингвокультурологии. Антропоцентрическая парадигма

Ещё в начале XIX века проблему взаимоотношения языка, культуры и этноса пытались решить немецкие учёные – братья Гримм. Их идеи были продолжены и разработаны в трудах российских учёных: А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни. Наибольшую известность в мире получили идеи великого немецкого учёного В. фон Гумбольдта, который разрабатывал идею сравнительной типологии – сопоставления различных человеческих сообществ с целью выявления специфики их духовной организации. Гумбольдт пришёл к выводу, что изучение языка является наиболее перспективным путём к постижению тайны человека и характера народов. Он писал: «Мне удалось открыть – и этой мыслью я всё больше проникаюсь, – что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы, всё многообразии мира» [Гумбольдт, с. 6].

Развивая идею Гумбольдта, русский филолог Ф.И. Буслаев обращал внимание на то, что слова обладают свойством аккумулировать культуру. Он отмечал, что благодаря этому качеству «язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей» [Буслаев, с. 271]. Можно сказать, что Ф.И. Буслаев определил статус языка как основного этнического признака народа.

Мысли Гумбольдта были близки и выдающемуся российскому языковеду А.А. Потебне, который сформулировал доминантную для своего научного творчества идею языковой деятельности человека как творческого познания мира. «Слово только потому есть орган мысли и неперемное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» [Потебня, с. 3].

В начале XX века в Австрии образовалась научная школа «WORTER UND SACHEN» («Слова и вещи»), которая направила проблему связи языка и культуры по пути конкретного изучения составных элементов языка и культуры, показав значение лингвокультурологического подхода во многих областях языкознания, и прежде всего – в лексике и этимологии.

В Америке в первой трети двадцатого столетия проблемой «Язык и культура» очень много и плодотворно занимался лингвист и культуролог Э. Сепир. На понимании неразрывности языка и культуры в широком смысле слова основывалась известная научная школа Сепира – Уорфа, постулировавшая значительную зависимость мышления от языка.

Становление лингвокультурологии как научной дисциплины тесно связано с формированием антропоцентрической научной парадигмы, сложившейся в лингвистике на рубеже двадцатого и двадцать первого веков. Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной. Она является ключевой в современной лингвистике. **Антропоцентрическая парадигма** – это переключение интересов исследования с объектов познания на субъект, т. е. анализируется человек в языке и язык в человеке [Маслова, 2001, с. 6]. Она возвратила человеку статус «меры всех вещей» и вернула его в центр мироздания [Воркачев, 2001, с. 64].

Научная парадигма – это модель постановки проблем и совокупность приемов их решения. Традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая. Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики исследования, но антропоцентрическая парадигма не отменяет правомерности существования и развития сравнительно-исторического и системно-структурного подходов. Просто одна из парадигм становится доминирующей в определенном исследовании, а переход от одной доминирующей парадигмы к другой, скорее, подразумевает изменение точек зрения на язык, новые приоритеты и методы. Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках данной парадигмы, – это когнитивная лингвистика и лингвокультурология, которая должна быть ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке [Телия, с. 11]. Изучение лингвокультурологией языка как феномена культуры представляет собой видение языка сквозь призму национального языка, причём язык выступает как выразитель особой национальной ментальности.

В рамках антропоцентрической парадигмы исследователи предпринимают попытки междисциплинарного подхода к ин-

терпретации сущности языка как специфического человеческого феномена, посредством которого можно понять природу личности в социуме и этносе.

В развитии лингвокультурологии выделяются два периода: первый – предпосылки развития науки – труды В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира и др. и второй – оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Динамика развития науки позволяет прогнозировать третий период, на пороге которого мы сейчас находимся, – появление фундаментальной междисциплинарной науки – лингвокультурологии [Маслова, 2001, с. 28].

В лингвокультурологии к настоящему моменту сформировалось несколько направлений: 1) лингвокультурология отдельного этноса или отдельной социальной группы, исследующая лингвокультурную ситуацию отдельно взятой группы в определённый период; 2) диахроническая лингвокультурология, изучающая изменение лингвокультуры этноса за определённый период существования этноса; 3) сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные характеристики взаимосвязанных этносов (например, работы В.А. Масловой, сравнивающей лингвокультуры России и Белоруссии); 4) сопоставительная лингвокультурология, исследующая сходство и различия в лингвокультурах неродственных этносов (например, английского и русского); 5) лингвокультурная лексикография, занимающаяся разработкой лингвокультурных словарей (Ю.С. Степанов, Т.В. Евсюкова и др.).

В российской науке проблема связи языка с культурой переместилась в центр внимания исследователей и стала одним из приоритетных направлений в развитии науки о языке в конце XX века. Основное отличие нового этапа от предшествующего заключается в том, что если ранее связь языка и культуры рассматривалась как фактор важный, но, в целом, сопутствующий основному направлению в исследованиях, то теперь эта связь изучается специально. Об этом свидетельствуют следующие факты.

В институте языкознания РАН утверждена программа «Язык и культура». В 1999 г. Министерство образования РФ утвердило межвузовскую научную программу «Язык, культура и общество: комплексные исследования по социальной и культурной антропологии», одним из направлений которой стала программа «Лингвистика. Интеллектуальные системы в гумани-

тарной сфере». Выходят в свет такие фундаментальные издания, как книги В.Н. Телия «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты», Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры», В.И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», В.А. Масловой «Лингвокультурология» и др. В вузах начинают читать курсы по лингвокультурологии. Появляется большое количество диссертационных исследований по проблемам лингвокультурологии. В России в конце XX столетия сложились лингвокультурологические научные школы, среди которых В.А. Маслова отмечает следующие.

1. Школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, целью которой является описание констант культуры в их диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох.

2. Школа Н.Д. Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка.

3. Школа В.Н. Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологии. В.Н. Телия и её учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, т. е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры.

4. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В.В. Воробьёвым, В.М. Шаклеиным и др., развивающая концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Маслова, 2001, с. 30].

Кроме названных В.А. Масловой школ лингвокультурологии можно отметить уже сформировавшиеся к настоящему времени научные лингвокультурологические школы в Курске, Тамбове и других городах.

Всё это доказывает, что лингвокультурология сформировалась как самостоятельная научная дисциплина.

1.3. Сопоставительная лингвокультурология

Существенные особенности языков и культур вскрываются при сопоставительном изучении по крайней мере двух языков (и, соответственно, культур) – иностранного и родного [Тер-Минасова, с. 36].

Как отмечает В.А. Маслова, сопоставительная лингвокультурология только начинает развиваться [Маслова, 2001, с. 29]. В качестве наиболее интересной работы, выполненной на тот момент в русле сопоставительной лингвокультурологии, она приводит работу М.К. Головановской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка» [Маслова, 2001, с. 29]. Если **сравнительная лингвокультурология** исследует лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов [Маслова, 2001, с. 29], то **сопоставительная лингвокультурология**, методологической базой которой является сопоставительный метод, изучает лингвокультурные проявления разных и не взаимосвязанных этносов.

Сопоставительный метод используется для описания как фактов внутри языка, так и фактов разных языков. Обычно **сопоставительный метод** понимают как исследование и описание одного языка через его системное сравнение с другим языком (языками) с целью прояснения его специфичности. В лингвокультурологии применение сопоставительного метода позволяет прояснить специфичность сопоставляемых лингвокультур через сопоставление предметов исследования лингвокультурологии. Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И.А. Бодуэном де Куртенэ, считавшим, что сопоставительное изучение языков может основываться на выявлении сходств и различий между языками независимо от их исторических или генеалогических связей.

Сопоставительная, или, как её часто называют, контрастная, лингвистика – относительно новая отрасль. Она сформировалась в рамках типологического языкознания, имеющего давние традиции. По-видимому, до сих пор остается актуальным высказывание В. Скалички о том, что типология в борьбе уже отстаивает свой метод, а сопоставительная лингвистика его только ещё ищет [Скаличка, с. 3]. Относительная новизна последней отражается в неустойчивости употребления терминов

для обозначения этой отрасли: контрастивная, сопоставительная, конфронтативная. Очевидно, что расхождения не являются принципиальными, поэтому на данном этапе развития данной области лингвистики эти термины можно считать синонимичными. Не случайно, например, известный болгарский научный журнал носит такое триязычное название: «Съпоставително езикознание», «Сопоставительное языкознание», «Contrastive Linguistics» [Манакин, с. 12]. Так как в основе этой области лингвистики лежит сопоставительный метод, то мы можем называть её сопоставительной лингвистикой, а соответствующую область лингвокультурологии, базирующуюся на положениях культурологи и сопоставительной лингвистики, – сопоставительной лингвокультурологией.

В начале становления сопоставительной лингвистики большинство исследователей считало, что объектом сопоставительных исследований должны быть исключительно различия. В современных работах объект и место сопоставительной (контрастивной) лингвистики стали пониматься более широко. В.Г. Гак считает, что сопоставительная и типологическая лингвистика объединяются в сопоставительной типологии, но различаются в зависимости от своих задач. Контрастивная лингвистика сравнивает два языка независимо от степени их родства с целью выявления сходств и различий между ними. Типологическая лингвистика ставит более широкие задачи [Гак, с. 7].

Как отмечает В.И. Карасик, лингвокультурологические исследования по своей природе предполагают сопоставление изучаемых явлений, но такое сопоставление может быть двояким: 1) контрастивный анализ языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах и 2) типологический анализ таких единиц, предполагающий построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений, например, в виде матрицы, и определение языковых способов избирательного заполнения такой матрицы. В первом случае исследование должно базироваться на данных, полученных из нескольких, минимум двух, языков [Карасик, 2004, с. 91].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что **целью сопоставительной лингвокультурологии** является выявление культурной детерминированности сходств и различий между

разными языками, взаимосвязи культуры и языковых явлений этносов вне зависимости от степени их родства. В ещё более широком смысле можно говорить о сопоставлении двух и более субкультур в пределах одной культуры, если существуют явные языковые отличия. **Объектом сопоставительной лингвокультурологии** являются как культурные факторы, влияющие на сходства и различия в исследуемых языках, и их отражение в явлениях языка, так и влияние сопоставляемых языков на формирование соответствующих культур. **Предмет сопоставительной лингвокультурологии** может варьироваться в зависимости от аспекта исследования (культурологического или лингвистического). В лингвокультурном исследовании лингвистического характера на первый план выходят единицы языка, отражающие влияние культуры на язык.

Специфика сопоставительного анализа проявляется в характере сравнения. Если типологический анализ основывается на категориальном сравнении, то сопоставительный, отталкиваясь от категориального, использует преимущественно элементное сравнение, которое проводится в зависимости от выбранных параметров и позволяет более детально рассматривать межъязыковые расхождения [Манакин, с. 14]. Так как культурные различия и сходства проявляются, главным образом, на уровне слова, то основным предметом изучения сопоставительной лингвокультурологии становятся в первую очередь лексические единицы, отражающие стереотипы, концепты, мифологемы, символы и т. д., а только потом предложения.

Составными частями сопоставительного метода являются установление основания сопоставления, сопоставительная интерпретация и типологическая характеристика.

Установление основания сопоставления заключается в выборе какого-либо признака языкового явления – фонетического, грамматического, лексического или семантического – в качестве эталона, основания исследования. Объектом сопоставления могут быть все единицы языка и отношения между ними. Так как лингвокультурология исследует связь языка и культуры, то установление основания сопоставления предполагает выбор тех признаков языковых явлений, которые позволяют показать эту связь. Например, лексические единицы, отражающие стереотипы-представления в английском и русском языках, или английские и рус-

ские фразеологизмы, включающие прецедентные феномены. Сопоставительная лингвокультурология как особая область сопоставительной лингвистики при установлении основания сопоставления охватывает широкий круг вопросов: 1) определение возможных аспектов сопоставительного описания лексики; 2) установление эталона сравнения; 3) выделение единиц и категорий для сопоставления; 4) выбор параметров сопоставления; 5) выработка адекватных методик сопоставления для эффективного выявления специфики сравниваемых языковых систем. Так, при сопоставлении стереотипов-представлений, существующих в английской и русской лингвокультурах, выделяются признаки, по которым их можно сравнивать. Параметрами сопоставления в данном случае могут служить основные и второстепенные дифференциальные признаки стереотипов, их атрибуты. Прецедентные феномены, характерные для двух лингвокультур, могут сопоставляться по способу апелляции к ним в соответствующих дискурсах. Интересной областью сопоставления английских и русских концептов является их фразеологический слой.

Сопоставительная интерпретация заключается, прежде всего, в том, что сопоставляемые факты и явления изучаются с помощью сопоставительного метода, а полученные результаты сопоставляются. Последний этап сопоставительного метода – типологическая характеристика – направлен на выявление типичных и нетипичных признаков изучаемого явления, установление его места в проводимой классификации.

Сопоставление семантических пространств разных языков дает возможность выделить общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, а также позволяет увидеть специфическое, национальное в сопоставляемых предметах лингвокультурного исследования. Этнокультурная специфика отражает особенности языкового сознания разных народов.

В последнее время всё чаще стали появляться работы, посвященные сопоставлению двух разных лингвокультур. Так, О.А. Леонтович проводит сопоставительный анализ русской и американской лингвокультур для того, чтобы понять характер взаимовосприятия и взаимодействия русских и американцев на культурно-языковом уровне и весь спектр факторов, влияющих на понимание в процессе межкультурной коммуникации [Леонтович, 2005, с. 85–86]. В вышедшей под редакцией В.И. Караси-

ка, И.А. Стернина «Антологии концептов», в основу которой были положены диссертационные исследования, посвященные концептам, большое количество авторов рассматривает последние именно в сопоставлении двух разных лингвокультур [Антология концептов]. Например, цель работы Ю.В. Мещеряковой заключается в комплексной характеристике концепта КРАСОТА в английском и русском языковом сознании [Антология концептов, с. 88–102]. Е.Ю. Балашова проводит сопоставительный анализ концептов ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ в лингвокультурах США и России [Антология концептов, с. 111–129], а Я.В. Зубкова представляет сопоставительную характеристику концепта ПУНКТУАЛЬНОСТЬ в немецкой и русской лингвокультурах [Антология концептов, с. 155–164] и т. д. Выводы, к которым приходят авторы, подтверждают ценность и перспективность сопоставительного лингвокультурологического анализа.

1.4. Концептуальная (культурная) и языковая картина мира

Лингвистика конца XX века ознаменовалась введением в свой концептуальный аппарат термина картина мира – совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой деятельности.

Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании [Карасик, с. 88]. Как утверждает В.И. Карасик, моделирование лингвокультурологической специфики происходит через идиоматичность языкового знака и через понятие картины мира, в том числе языковой.

Термин «картина мира» (Weltbild, worldview) вошёл в научный обиход в связи с развитием аналитической философии на рубеже XIX–XX веков и с тех пор активно используется как философами, так и лингвистами. Исследователи расходятся во мнениях относительно авторства данного термина. Людвиг Витгенштейн рассматривал совокупность истинных высказываний, то есть предложений, как картину мира. Этот термин также использовался В. Герцем применительно к физическому миру. Герц толковал картину мира как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путём можно

получать сведения относительно поведения этих предметов [Маковский, с. 15].

Первым, кто наиболее полно описал явление картины мира, является немецкий философ Мартин Хайдеггер. Основной чертой картины мира он считал свойство системности, являющееся своеобразным фундаментом, позволяющим четко определить черты сущего, раскрывающегося человеку. Представить себе картину мира означает поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и так поставленным иметь его перед собой постоянно. По мнению Хайдеггера, о картине мира можно говорить только в том случае, когда в неё включен в первую очередь сам человек, человеческий фактор представляется в качестве доминанты, что подчеркивает **антропоцентрический характер картины мира** [Маленова, 2006б, с. 39]. Последний определяется тем, что картина мира – это результат переработки информации о среде и человеке самим человеком. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [Маслова, 2001, с. 64]. Механизм формирования концептуальной картины мира состоит из следующих стадий: 1) появление представлений о действительности и результат осмысления познаваемого сегмента мира; 2) закрепление полученных впечатлений и представлений посредством практики; 3) использование полученной картины мира в качестве ориентира для дальнейшего познания мира.

Культурная (понятийная) картина мира – это отражение окружающей действительности через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное [Тер-Минасова, с. 41]. Картина мира, как мозаика, составлена из концептов, поэтому её можно называть концептуальной картиной мира. Концепты реализуются прежде всего с помощью лексем. В итоге возникает языковая картина мира [Хроленко, с. 58]. Её фундаментальной частью являются коллективные представления. Языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры, но человеческое отражение не является меха-

ническим, оно носит творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер [Карасик, 2004, с. 89].

В зависимости от типа познавательного процесса (научный, ненаучный, вненаучный), участвующего в формировании картины мира, концептуальная картина мира делится на две противоположные составляющие – **научную** и **наивную картину мира** [Маленова, 2006а, с. 8].

В современной науке существуют различные точки зрения на природу языковой картины мира и её отношение к наивной картине мира. Проблема языковой картины мира сводится к фундаментальному вопросу о специфике отражения бытия через язык. Можно выделить два полярных подхода к пониманию этой специфики. Согласно первому подходу между семантическими системами языков нет принципиальной разницы, так как отражение мира базируется на основных логических принципах и категориях, которые универсальны по определению. Согласно второму подходу разница между семантическими системами языков носит абсолютный характер, имеет форму языкового диктата и определяет как восприятие мира через язык, так и поведение людей в мире. Как справедливо отмечает В.И. Карасик, истина находится посередине. Язык не отражает мир, а интерпретирует его [Карасик, 2004, с. 99–101]. Человек как носитель языка творчески интерпретирует окружающую действительность, и эта творческая интерпретация, закреплённая в языке, приводит как к объективному, так и субъективному отражению мира.

Наивная картина мира как факт обыденного сознания воспроизводится в лексических единицах языка, однако сам язык непосредственно этот мир не отражает, он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью [Воркачев, 2001, с. 67]. По мнению Ю.Д. Апресяна, исследование наивной картины мира идет в двух основных направлениях. Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс. Это прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифичных концептов: например, символика цветообозначений в разных культурах. Во-вторых, ведётся поиск и реконструкция присутствующего языку цельного, хотя и «наивного», доннаучного взгляда

на мир. Развивая метафору лингвистической географии, можно было бы сказать, что исследуются не отдельные изоглоссы или пучки изоглоссы, а диалект в целом. Хотя национальная специфика и здесь учитывается со всей возможной полнотой, акцент ставится именно на цельной языковой картине мира [Апресян, с. 38]. У термина **научная картина мира** просматривается несколько смыслов:

1) система знаний, полученных в различных науках, целостный и обобщенный образ мира;

2) система представлений о природе, складывающаяся в результате достижений различных естественнонаучных дисциплин;

3) совокупность и система знаний в отдельной науке (существуют такие термины, как биологическая картина мира, физическая картина мира и т. д.).

Хотя все народы мира образуют единое человечество, разница между отдельными культурами, народами, племенами, социальными группами носит порой существенный характер. Для сопоставительной лингвокультурологии продуктивной является идея, высказанная В.И. Карасиком и состоящая в выделении более специфичных и более универсальных фрагментов бытия, получающих отражение в языках [Карасик, с. 102].

С.Г. Тер-Минасова считает, что окружающий человека мир представлен в трёх формах: реальная картина мира, культурная картина (или понятийная) картина мира, **языковая картина мира** [Тер-Минасова, с. 41].

Реальная картина мира, по её мнению, – это объективная данность, это мир, окружающий человека [Тер-Минасова, с. 41]. Однако представляется, что если употреблять выражение «картина мира» как научный термин, то его компонент «картина» подразумевает образ, созданный искусственно, а отражение мира не может быть реальным, а может быть только объективным и субъективным. Поэтому применительно к существующей вне человеческого сознания действительности использование данного термина не представляется правомерным. Объективное отражение окружающей действительности лучше обозначать термином научная картина мира.

В книге «Человеческий фактор в языке» утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с

другом как целое с частью. Языковая картина мира – это часть культурной (концептуальной) картины мира, хотя и самая существенная. Языковая картина беднее культурной, поскольку в создании последней участвуют наряду с языковым и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке [Человеческий фактор в языке, с. 107].

С.Г. Тер-Минасова полагает, что правильнее говорить не о соотношении часть – целое, язык – часть культуры, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии. Языковая картина мира не полностью поглощена культурной, если под последней понимать образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности [Тер-Минасова, с. 47].

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что большинство исследователей под **языковой картиной мира** понимают специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке [Маслова, 2001, с. 64]. Языковая картина мира вербализует национальную концептуальную (понятийную или культурную) картину мира, является формой хранения и передачи последней из поколения в поколение. Большинство исследователей признают, что концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в её создании участвуют разные типы мышления [Тхорик, Фанян, с. 50].

Наиболее полное определение языковой картины мира было предложено З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: «**Языковая картина мира** – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков, – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин, 2007а, с. 54].

К числу онтологических характеристик языковой картины мира В.И. Карасик предлагает отнести следующие признаки: 1) наличие имён концептов, 2) неравномерную концептуализацию разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса, 3) специфическую комбинаторику ассоциативных признаков этих концептов,

4) специфическую классификацию определённых предметных областей, 5) специфическую ориентацию этих областей на ту или иную сферу общения [Карасик, 2004, с. 109].

Языковая картина мира может быть представлена с помощью определённых **параметров** (пространственных, временных, количественных, аксиологических / оценочных и др.), отраженных в языковых единицах, сопоставление которых позволяет выявить как универсалии, так и национально-культурную специфику. В.И. Карасик, соглашаясь с тем, что образ мира значительно богаче языковой картины мира и непременно включает перцептивные и аффективные составляющие, подчёркивает включенность языковых знаков в сеть многомерных смыслов, образующих как индивидуальное достояние личности, так и коллективную систему социально транслируемого опыта [Карасик, 2004, с. 116]. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, так как путь от внеязыковой реальности к словесному выражению неодинаков у различных народов. Даже у народов, говорящих на одном языке, явно выражены разные способы концептуализации окружающей действительности. Так, О.А. Леонтович отмечает различия в отношении ко времени в американской и британской лингвокультурах. Европейцы ведут счет новой истории с XV века, в то время как для американцев это время считается «старым», что демонстрируют следующие примеры: *old country, Old South, Old West* [Леонтович, 2007, с. 131].

Различия в языковом описании окружающей действительности, присущие английской и русской лингвокультурам, обусловлены различиями истории и условий жизни двух разных народов, спецификой развития их общественного сознания. Так, в русском языке имеется намного больше лексических единиц, описывающих те понятия, которые связаны со снегом: снегопад, метель, вьюга, буран, пороша, позёмка, наст и т. д.. В английском же языке существует выражение «white Christmas», означающее рождество со снегом. Общим для разных языковых картин мира является их антропоцентричность. Человек предстает в них, как правило, центром, своеобразной точкой отсчёта. Сравним: *рукой подать; под боком; под носом; отсюда не видно и stone throw from; at hand; on the one hand... on the other hand; as far back as, under the nose of somebody; within hail.*

Часть пространственных параметров картины мира в английской и русской лингвокультурах отражена в оппозиции «**право–лево**». В русском языке слова «справедливость», «праведность», «правосудие» образованы от того же корня, что и слово «правда». Слова, связанные с понятием «**право**», имеют положительную коннотацию, а слова, связанные с понятием «**лево**», обладают отрицательной коннотацией. Например: *Вы **правы**; наше дело **правое**, мы победим; **левый** товар; пойти **налево**; **леваяк**; сплунь через **левое** плечо*. В английском языке наблюдается то же самое отношение. Например: *You are **right**; to be on the **right** side; **left-handed** marriage; he is **left-handed** at no profession; if you spill wine, throw some salt over your **left** shoulder*.

Французский исследователь Люк Бенуас отмечает, что согласно западной традиции правая сторона активна и благотворна, а левая сторона пассивна («угрожающая»). Совершенно иное положение в древней китайской традиции, где считается, что правая рука «*yin*» – женская, поскольку она подносит пищу ко рту, что является низшей работой, между тем как левая рука «*yang*» (мужская) считается праздной и бездействующей [Бенуас, с. 47]. Можно сделать вывод, что в английской и русской картинах мира пространственные параметры «**право–лево**» сходны, но они противоположны данным параметрам китайской картины мира.

С другой стороны, сопоставительный анализ английских и русских глаголов показывает, что в английской картине мира пространственный параметр, отраженный в оппозиции «**верх–низ**», является более выраженным, чем в русской картине мира. Сравним: *stand up, get up, sit down, lie down* etc. и *встать, сесть, прилечь* и т. д.

Сопоставление языковых единиц, отражающих временные параметры картины мира, в английском и русском языках обнаруживает явные несовпадения в обыденных понятиях. Так, в русской картине мира большое значение имеет такая единица измерения продолжительности, как «**сутки**» (*день да ночь – сутки прочь*). В английском языке такая лексическая единица отсутствует, а соответствующее понятие выражается словосочетаниями *day and night, twenty four hours*. С другой стороны, в английском языке существует лексическая единица **fortnight** (две недели). Интересно, что в американском варианте данная еди-

ница не прижилась, а соответствующий период выражается словосочетанием «two weeks». Одно и то же время в английской и русской лингвокультурах соотносится с разными частями суток. Так, британскому юноше, явившемуся домой поздно, родители могут сказать: «It's two o'clock in the *morning*». А аналогичное русское высказывание будет выглядеть следующим образом: «Уже два часа *ночи*». Английское слово «*night*» может соответствовать в ряде случаев русскому понятию «*вечер*». Например: «Tomorrow *night* we'll have dinner in a Thai restaurant».

Для русской модели времени суток структурно значимыми представляются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, а для западноевропейской модели – полдень и полночь, а также обеденный перерыв. Русские более свободно обращаются со временем, чем жители Западной Европы (и Великобритании, в частности) [Тхорик, Фанян, с. 83–84]. В русской лингвокультуре важным параметром измерения темпоральной картины мира является слово «век». Например: «Доброе *век* не забудется».

Н.К. Рябцева утверждает, что временная картина мира не только параметрична, но и аксиологична. Нормативная лексика, описывающая темпоральную картину мира практически всегда оценочна. В ней отражаются представления о наполненности времени. Она воплощает отношение общества к тому, как заполняется и расходуется время, к своевременности и уместности происходящего, указывает, какие изменения в мире должны/могут происходить и т. п. и фиксирует отклонения от темпоральной нормы [Рябцева, с. 83].

Проанализировав примеры употребления отдельных частей речи, пословиц и поговорок, в которых содержится темпоральная оценка деятельности, времяпрепровождения, различных возрастных моделей поведения, Н.К. Рябцева приходит к выводу, что время – и универсальная, и индивидуальная ценность, качественный параметр, вносящий свой вклад в организацию всех других ценностей. Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира [Рябцева, с. 94]. Например: «One today is worth two tomorrows».

Ценности, высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют важную часть концептуальной (культурной), а, следовательно, и языковой картины мира. Ценности существ-

вуют в культуре не изолированно, а взаимосвязано и составляют ценностную картину мира (часть языковой картины мира) [Карасик, 2004, с. 117].

В русской языковой картине мира универсальным способом измерения наименьшего количества, служащим для описания не только жидких веществ, но и времени, чувств, отношения, всего, что обозначается неисчисляемыми существительными, является слово «**капля**»: *налейте самую **капельку**, ни **капли** не страшно* и т. д. В английской языковой картине мира лексической единицей, указывающей на наименьшее расстояние, является «**inch**»: *beat somebody within an **inch** of his life; not to budge an **inch**; not to see an **inch** beyond one's nose*.

Как в английской, так и в русской лингвокультурах числительное «**one (один)**» указывает на минимальное количество объектов, обозначаемых исчисляемыми существительными. Например: *one man does not make a team; one drop of poison infects the whole tun of wine; один в поле не воин; один пирог два раза не съешь; одна ласточка весны не делает; с одного удара дуба не свалишь*. Числительное «**two (два)**» обозначает минимум, необходимый для достижения какой-либо цели, противопоставляемый иногда количеству, обозначаемому числительным «one (один)»: *two heads are better than one; two wrongs do not make a right; two can play at that game; ум хорошо, а два лучше; одна головня и в печи гаснет, а две и в поле курятся*.

«**Three (three)**», «**seven (seven)**» указывают на большое количество. Например: *two is company, but three is none; three cheers; seven-leagued boots; the seventh heaven; третий – лишний; гнуться в три погибели; наврат с три короба; быть на седьмом небе от счастья; семь бед – один ответ; работать до седьмого пота; семь пядей во лбу*.

Значение целого ряда слов и фразеологических единиц сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира. Именно в содержательной стороне языка отражается картина мира данного этноса. Сопоставительный анализ двух и более языков помогает установить, чем различаются национальные культуры и как они дополняют друг друга. Следовательно, сопоставление языковых единиц и дискурса разных лингвокультур позволит нам выявить национальную специфичность картины мира и её универсальность.

1.5. Лингвокультурный анализ и перевод

Лингвокультурный анализ текста предполагает выделение тех единиц дискурса, культурный смысл которых может создать помехи при межкультурной коммуникации. Так, носителю русской лингвокультуры, владеющему английским языком, представляется несложным перевести на английский язык следующие слова песни: «жил да был чёрный кот за углом, и его не навидел весь дом». Но для носителя английской лингвокультуры этот текст, переведённый на английский язык, будет нести другой смысл. Скорее всего, он решит, что этот чёрный кот отличался зловредным нравом. Если в русской культуре чёрная кошка является символом несчастья, если она перебегает дорогу, то в английской культуре чёрные кошки – признак удачи, неожиданного счастья. Таким образом, словосочетания «чёрный кот» и «black cat» имеют разные культурные коннотации. Согласно В.Н. Телия, под культурной коннотацией понимается интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры [Тхорик, Фанян, с. 247]. Выявление и анализ таких коннотаций должны предшествовать переводу текста с целью повышения его адекватности. Игнорирование различий в английской и русской языковых картинах мира приводит к неточности в переводе.

Например, название романа Дж.Х. Чейза «Miss Shumway Waves a Wand» переведено на русский язык как «Мисс Шамуэй правит бал» [Чейз, с. 5–6]. В русском языке фразеологизм «править бал» имеет значение «управлять всем, контролировать всё». Следовательно, читатель романа может решить, что мисс Шамуэй в данном романе командует всем. Однако по ходу действия эту девушку угрозами и шантажом принуждают к тому, что она не желает делать. Мисс Шамуэй похищают, и главному герою приходится её спасать. В её тело вселяется дух и заставляет её совершать преступление, т. е. она не занимает положение, в котором бы командовала всем. Иначе говоря, содержание романа вступает в противоречие с переводом его названия. В чём же причина? Слово «wand» наиболее часто употребляется в следующих значениях: 1) тонкая палочка; 2) дирижёрская палочка; 3) волшебная палочка. В английской лингвокультуре слово «wand» ассоциируется, прежде всего, со словосочетанием «magic

wand». «We are in tough times. But there is no magic wand to be waved» [The Sun. 2008. July 11]. Фразеологизм «with a wave of a wand» имеет смысл «по мановению волшебной палочки». Таким образом, для носителя английской лингвокультуры смысл названия романа связан с волшебством, чудесами. Это становится очевидным при анализе текста самого романа. Мисс Шамуэй по профессии была иллюзионисткой, выступала с фокусами в варьете (а, как известно, атрибутом профессии фокусника является волшебная палочка). По ходу действия она приобретает способность совершать чудеса. Лингвокультурный анализ позволяет с достаточной долей уверенности предположить, что смысл названия данного романа более точно будет отражён в следующем варианте «Мисс Шамуэй творит чудеса».

Приведем ещё один пример, когда лингвокультурный анализ, заключающийся в выявлении и учёте культурных коннотаций, дает возможность более глубоко проникнуть в смысл текста, раскрыть, например, связь заголовка и самого текста. Привычным для носителей русской культуры стало название комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь», но в оригинале эта пьеса называется «A Midsummer Night's Dream». Русский перевод предполагает, что кому-то приснился сон в одну из летних ночей. *Midsummer Night* – это совершенно определённая ночь, ночь с 23 на 24 июня, которая в английской культуре связана с волшебством. Профессор Н. Сандерс отмечает: «by Shakespeare's time it had become a night of rural festivity associated with magic and enchantment» [Shakespeare, p. 177]. В четвёртом акте герцог обнаруживает четырёх влюблённых, спящих на лугу, и говорит: «No doubt they rose up so early to observe *the rite of May*» [Shakespeare, p. 137]. Словоупотребление «*the rite of May*» относится к древнему языческому празднику плодородия и весны. «The first of these paid homage to the arrival of spring and symbolically reaffirmed a relationship between human and natural cycles. As such it was essentially a fertility rite and thus invariably associated with courtship and marriage» [Shakespeare, p. 176]. Этот праздник отмечался в Англии 1 мая и, особенно, в ночь, предшествующую этому дню. Н. Сандерс приводит описание этого праздника, составленное современником Шекспира: «Against May ... all the young men and maids, old men and wives, run gadding overnight to the woods, groves, hills, and mountains, where they spend all

night in pleasant pastimes» [Shakespeare, p. 176]. Таким образом, если герцог считает, что молодые влюблённые встали рано, чтобы отметить праздник мая, то действие происходит не в конце июня, а 1 мая. Если учесть, что в английском языке существует фразеологизм **«Midsummer madness»**, связанный с поверьем, что в ночь с 23 на 24 июня людей может охватить внезапное сумасшествие, и означающий «умопомешательство, чистое безумие», то можно предположить, что название пьесы **«A Midsummer Night's Dream»** не указывает на время действия. Следовательно, возможен другой вариант его перевода.

Различия в картинах мира двух разных этносов могут проявляться в том, что хотя одно и то же явление присутствует в как английской, так и в русской культурах, оно может занимать разное по значимости место. Поэтому ассоциации, возникающие у переводчика в связи с данным явлением, обозначенным в дискурсе определенным словом или словосочетанием, могут не совпадать с ассоциациями носителей английской лингвокультуры, что приводит к ошибкам в переводе.

Например, в романе Д. Френсиса «Dead Cert» рассказывается о жокее-любителе, который расследует смерть своего друга на скачках. Бандиты являются к нему под видом полицейских, чтобы увезти и убить, но он понимает, кто перед ним, и решает сбежать. *«To cover myself I dropped my **race glasses** to the turf and bent slowly to pick them up. I grasped **the strap and slung it over my shoulder**. ... When Victor was within fifteen paces of me I let **the strap of my race-glasses slip from my shoulder**, down my arm and into my hand. Accordingly, with all my strength, I swung **the glasses like a scythe round the legs of the larger man and overbalanced him**»* [Francis, p. 187–189]. В русском переводе романа «**race glasses**» были переданы как **«скаковые очки»**, в результате смысл предложения был искажён. *«Чтобы скрыть растерянность, я уронил **скаковые очки** и медленно наклонился, лениво поднял их. Я поднял их за ремешок и перекинул через плечо. ... Когда Виктор был в пятнадцати шагах от меня, я дал длинному ремню от очков сползти с плеча и, подхватив его рукой, что есть силы, подсёк, как кнутом, ноги рослого человека, так что он потерял равновесие»* [Сноу, с. 654–655]. Вряд ли взмахнув очками для скачек, которые, как известно, являются очень лёгкими, можно свалить рос-

лого человека. Непонятно также, почему ремешок от очков имеет такую длину.

В английской культуре скачки занимают более значимое положение, чем в русской, что обусловлено многовековыми традициями английского общества. Скачки пользуются огромной популярностью, их посещают члены королевской семьи. Многие англичане, чтобы рассмотреть все детали соревнований, берут с собой на скачки специальные бинокли, которые получили в английском языке собственное языковое обозначение «*race glasses*». Ударом такого бинокля в футляре можно сбить человека с ног. В русской лингвокультуре нет специального языкового обозначения для данного предмета, хотя некоторые любители и берут с собой на скачки бинокли. Так как бинокль для скачек в русской культуре имеет значительно меньшее значение, чем в английской, у переводчика не возникло тех ассоциаций, связанных с понятием «*race glasses*», которые обязательно возникли бы у носителя английской лингвокультуры. В данном случае у переводчика скачки и жокеи ассоциировались с очками для скачек. Предварительный лингвокультурный анализ, показывающий ассоциативные связи понятия «скачки» в английской лингвокультуре, позволил бы избежать неточности в переводе.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М., 2000.
5. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М., 2005.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М., 1996.
7. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – М., 2006.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какие подходы к пониманию статуса лингвокультурологии существуют в современной науке?
2. Что является объектом лингвокультурологии и её предметом?
3. С какими научными дисциплинами связана лингвокультурология?
4. Какие существуют подходы к определению культуры?
5. Какие лингвокультурологические научные школы сложились в России?
6. Чем отличается сопоставительная лингвокультурология от сравнительной?
7. Что является целью сопоставительной лингвокультурологии?
8. Что является объектом сопоставительной лингвокультурологии?
9. Что является составными частями сопоставительного метода?
10. Почему лингвокультурологию можно считать самостоятельной научной дисциплиной?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Приведите определение лингвокультурологии.
2. Приведите предметы лингвистических исследований лингвокультурологического характера.
3. Дайте определение антропоцентрической парадигмы.
4. Дайте определение языковой картины мира.
5. Приведите примеры отражения параметров картины мира в английском и русском языках.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И КОММЕНТИРОВАНИЯ ИЗУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА

Задание 1. Сопоставьте фразеологизмы английского и русского языков. Какие параметры языковой картины мира отражаются в них?

1) All in a good time; one today is worth two tomorrows; day in, day out; the better day the better deed; call it a day; every day is not a Sunday; a rainy day; fair and softly go far in a day; a day after the fair; morning of life; the morning sun never lasts a day; never put off till tomorrow what you can do today; haven't seen you for ages; век живи – век надейся; век живи – век учись; век долгоденствие, да час дорог; век пролетит – всего достанется; на наш век хватит; весной день упустишь – летом будешь плакать

тишь, годом не вернешь; делу – время, потехе – час; скрипучее дерево два века стоит; у завтра нет конца; утро вечера мудренее; час в добре поживёшь – всё горе позабудешь.

2) A stitch in time will save nine; one man, no man; one scabbed sheep will mar a whole world flock; one swallow does not make a summer; two blacks do not make a white; a cat has nine lives; two dogs over one bone seldom agree; much cry and little wool; much will have more; страхов много, а смерть одна; с одного вола двух шкур не дерут; у семи нянек дитя без глазу; семь раз примерь, один раз отрежь; семь дел в одни руки не берут; седьмая вода на киселе; семь бед миновал, а на одну наскочил; капля по капле камень долбит; капля в море незаметна; по капле и море собирается; лук от семи недуг.

3) Far be it from me; next of kin; next the heart; upwardly mobile; too far East is West; miles better; down on one's luck; neither here nor there; выше себя не прыгнешь; далеко от очей, далеко и от сердца; на своей печи – сам себе голова; от слова до дела далеко; со стороны видней; спесивый высоко мостится, да низко ложится; снаружи красота, внутри пустота; тише едешь – дальше будешь; словам тесно, да мыслям просторно.

4) All is well that ends well; all work and no play makes Jack a dull boy; better a small fish than an empty dish; better one-eyed than stone-blind; better to do well than to say well; a bully is always a coward; good as a play; good as a pie; good beginning is half the battle; good hand at something; good horse cannot be of bad colour; good Jack makes a good Jill; good name is better than riches; good words cost nothing and are worth much; худо до добра не доведёт; шкодлив как кошка, а труслив как заяц; слово – серебро, молчание – золото; по заслугам и честь; доброе начало полдела откачало; худая та птица, которая гнездо своё марает.

Задание 2. Сопоставьте отражение параметров языковой картины мира в английских и русских фразеологизмах. Установите сходства и различия.

East or West, home is best; four eyes see more than two; two heads are better than one; a gift in hand is better than two promises; give him an inch and he will take an ell; left-handed compliment; a miss is as good as a mile; not to be able to see beyond one's nose; an inch is as good as an ell; it is better to be a has-been than a never was; too many cooks spoil the broth; when three know it, all know it; in the evening one may praise the day; rainy day. В гостях хорошо, а дома лучше; ум хорошо, а два лучше; лучше голубь в тарелке, чем глу-

харь на току; дай ему вершок, он все три аршина отхватит; встать с левой ноги; выше себя не прыгнешь; для милого дружка семь вёрст – не околица; дорога ложка к обеду; не видеть дальше собственного носа; мал золотник, да дорог; лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой; у семи нянек дитя без глазу; третий – лишний; хвали день по вечеру; чёрный день.

Задание 3. Сопоставьте русский текст и его аннотацию на английском языке. Найдите ошибку в переводе. Объясните причины ошибки с позиций лингвокультурологии.

Священник Иван Охлобыстин рассказывает о Распутине, камикадзе и православной копировальной бумаге

А тут поступило предложение сыграть Распутина в фильме «Заговор». По деньгам это было выгодно очень, я буду правду говорить. Я пошёл к Дмитрию Смирнову, начальнику Синодального отдела по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями. Говорю: «Вот, мне предложили такую сумму, такую роль, но вроде как не принято и это не канонично». Он показал мне устав, говорит: «Здесь не написано. Я тебе советую написать письмо патриарху – пусть тот рассудит, ведь вопрос такой противоречивый. И деньги, которые церковь никогда не заплатит».

Я написал Святейшему. Три недели ждал. Без всякой надежды. По мне чудно. Но так бывает. Потом мне позвонила дивная женщина – епархиальный секретарь, дама во всех отношениях строгая. Она говорит: «Отец Иоанн, немедленно приезжайте!» ... Поехал в патриархию, вошёл, забрал бумажку, прочитал. Всё разрешено, абсолютно всё!

Я был шокирован. Я пришёл на всякий случай духовному отцу показал. Он развел руками. «Я не знаю, – говорит, – всё можно».

Since I was offered to play Rasputin for a good sum, I thought it would be best to consult with somebody. Who better than the Patriarch of the Whole of Holy Russia, Alexey the II. I was waiting hopelessly for three weeks. Then I got a call and have been told to get there as soon as possible. ... When I had the chance to ask the Patriarch himself, he replied – «Hmm, I don't know... – everything is allowed» [Air Gallery. № 10. Июль 2007, с. 63]

Глава 2

КОНЦЕПТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Задания для самостоятельного изучения материала

1. Прочитайте текст. Подготовьте сообщение о понятиях концепта и концептосферы.
 2. Охарактеризуйте базовые характеристики концепта.
 3. Подготовьте сообщение о структуре концепта.
 4. Опишите возможные подходы к классификации концептов.
 5. Подготовьте сообщение о методах анализа концептов и концептуального пространства художественного текста.
-

Зрелость и право на самостоятельное существование любой научной дисциплины определяется наличием и степенью сформированности её категориального аппарата – системы базовых терминов. Важное место в категориальном аппарате лингвокультурологии занимает понятие концепта. Концепт и культура являются важнейшими понятиями современного гуманитарного знания. Сближение и взаимодействие различных культур стало наиболее значительной тенденцией всех происходящих изменений в современном мире.

Концептуальные исследования являются центральными в одном из ведущих направлений когнитивной лингвистики – отрасли знания, которая изучает процессы усвоения, накопления и использования информации человеком.

Концептуальные исследования рассматривают структуры представления знаний о мире, а также способы концептуальной организации знаний в языке. Знания носителями языка классифицируются на основе разных моделей представления опыта. **Пропозициональные модели**, вычленяющие элементы, определяют их свойства, акцентируя их взаимосвязь. Например, в

русском языке «**время**» измеряется единицами «**час**», «**минута**», «**год**», которые соотносятся друг с другом по принципу включенности: секунды складываются в часы, часы – в дни, месяцы – в годы и т. д.

Схематизация опыта – другой тип модели классификации. Например, вес, объём, длина, высота и т. д. объединяются на основании дименсиональных характеристик (от англ. dimension «измерение»).

Пропозициональным и схематическим моделям одной области использоваться в структуре представления знаний другой области позволяют **метафорические модели**. Например, «**время**» уподобляется «**деньгам**» (тратить своё время, разбрасываться своим временем и т. д.).

Язык – зеркало культуры, в котором отображаются все имевшие место воззрения (мифологические, религиозные) народа о мире, в котором он живёт. С помощью языка формируется миропредставление человека, закладываются основы его личности.

Наиболее актуальными выступают исследования когнитивных аспектов языка, в частности, когнитивной интерпретации носителей разных языков фрагментов своего внутреннего мира, а также ключевых концептов культуры, обладающих экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для сообщества в целом [Маслова, 2001, с. 51].

Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения.

Уникальным источником материала для реконструкции концептов в русском языке как фрагментов «коллективного сознания» является «Русский ассоциативный словарь» [Караулов, Сорокин, 1998].

В настоящее время исследование концептов приобрело такой масштаб, что можно говорить о развитии новой области знания – концептологии. **Концептология** – это наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы. В России сложилось несколько лингвоконцептологических школ, в которых ведутся научные исследования проблем лингвистической концептологии и осуществляется систематическое описание конкретных концептов. Несмотря на некоторые различия в понимании концептов, в методах и приёмах их исследования,

представители этих школ единодушно признают, что концепт является основной единицей сознания, он имеет овеществление (репрезентацию, вербализацию) языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта и описать данный концепт; анализ содержания концептов через данные языка даёт достаточно богатый и наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов [Карасик, Стернин, с. 5]

Становление лингвоконцептологии как научной дисциплины не случайно совпадает с общей антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания. Предметные области лингвоконцептологии и межкультурной коммуникации частично пересекаются: у них общий объект исследования – этнический менталитет носителей определённых естественных языков, но различные установки. Если интерес первой направлен на выявление лингвоспецифических характеристик этого менталитета через анализ его семантических составляющих – концептов, то интерес второй сфокусирован на преодолении лингвокультурной специфики и возможного её понимания в межкультурном общении [Воркачев, 2007б, с. 11].

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет установить сходство или различие в кодах лингвокультур и способствует более адекватной передаче концептуального содержания языковыми средствами при межкультурном контакте (например, в ситуации перевода).

2.1. Понятие концепта и концептосферы. Базовые характеристики концепта

Концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Однако, хотя это понятие принято в современной лингвистике, понимание его сущности, а, следовательно, и определение существенно различаются в концепциях разных научных школ и отдельных учёных. Причина таких расхождений заключается, вероятно, в том, что концепт – категория мыслительная, а это даёт большой простор для её толкования [Попова, Стернин, 2007а, с. 29–30]. Если не принимать во внимание те работы, в которых концепт и понятие отождеств-

ляются, то существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений [Карасик, 2004, с. 117]. В своей работе «Этноспецифические концепты» В.И. Карасик обозначает концепты как ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Представляется уместным обратиться к его рассуждениям по поводу определённых различий в понимании концепта в когнитивной и лингвокультурной лингвистике.

Когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а **культурные концепты** – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. С позиций когнитивной лингвистики движение происходит от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку [Карасик, 2005, с. 73–74].

С позиций когнитивной лингвистики концепт изначально понимался как заместитель понятия, как «намёк на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» (Д.С. Лихачёв), т. е. трактовался как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закреплённого значения [Карасик, 2004, с. 116]. З.Д. Попова и И.А. Стернин, сопоставляя различные определения концепта, выделяют в них определённое сходство. Концепт определяется как дискретная, объёмная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа [Попова, Стернин, 2007а, с. 34]. По их мнению, значение слова есть часть концепта как мыслительной единицы, закреплённая языковым знаком в целях коммуникации. Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Он может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами [Попова, Стернин, 2007б, с. 8]. Наиболее полное **лингвокогнитивное определение концепта** представлено в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Когнитивная лингвистика». Они определяют концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой,

представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин, 2007а, с. 34].

Лингвокультурный подход к пониманию концепта, который часто обозначается как культурный концепт, состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, её концентратом. Наиболее ярко **лингвокультурное определение концепта** дано в работах Ю.С. Степанова. Он указывает, что концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё [Степанов, с. 43].

«Концепт» в лингвокультурологических текстах – это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является **лингвокультурным концептом** (лингвоконцептом) – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена. Определяющим в понимании лингвоконцепта, по мнению С.Г. Воркачева, выступает представление о культуре как о «символической Вселенной», конкретные проявления которой обязательно этноспецифичны. Тем самым, ведущим отличительным признаком лингвоконцепта является его этнокультурная отмеченность. Внимание к языковому «телу» концепта и отличает его лингвокультурологическое понимание от всех прочих [Воркачев, 2007б, с. 10].

Лингвокультурный подход к концепту, развиваемый В.И. Карасиком в его книге «Языковой круг», представляет собой конкретизацию изучения культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента. Имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры. Лингвокультурное определение концепта сформулировано им как многомерное, культурно-значимое социопсихологическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме [Карасик, 2004, с. 117].

В.В. Красных считает, что каждая языковая единица обладает неким набором потенциально возможных «векторов» ассоциаций. Какие именно векторы выбираются представителем того или иного национально-лингвокультурного сообщества, зависит от национально-культурной специфики. За этим, по её мнению, стоит национальный концепт, который она определяет следующим образом. Национальный концепт – самая общая, максимально-абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [Красных, 2003, с. 268]. Таким образом, в понимании В.В. Красных концепт может быть только единицей высокой степени абстракции, включающей словесные ассоциации на имя концепта. Представляется более правомерной точка зрения, высказываемая З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, которые полагают, что ассоциативные связи имени концепта принадлежат сфере вербализации концепта и не могут входить в его содержание, а лишь отражают в языковой форме, позволяют описать его содержание [Попова, Стернин, 2007а, с. 32].

В целом, можно согласиться с мнением В.И. Карасика, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. в конечном счёте на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт это направление от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик, 2004, с. 117]. Тем не менее, в этих двух подходах существует важное различие. Как полагают З.Д. Попова и И.А. Стернин, для концепта не обязательна этнокультурная специфика. Есть множество концептов, у которых или нет никакой этнокультурной специфики (например, многие бытовые концепты), или она исчезающе мала [Попова, Стернин, 2007а, с. 35]. Представители лингвокультурного направления считают, что для концептов характерным признаком является этнокультурная специфика или национально-культурная маркированность.

К базовым характеристикам концепта В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин предлагают отнести следующие свойства. **Комплексность бытования.** Лингвокультурный концепт – это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры. **Ментальная природа.** Концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры. **Ценность.** Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип. **Условность и размытость.** Лингвокультурный концепт – это условная единица в том смысле, что сознание синкретично и его членение производится в исследовательских целях. Чётких границ концепт не имеет. **Изменчивость.** В ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов может меняться. **Ограниченность сознанием носителя.** **Трёхкомпонентность.** В составе концепта можно выделить ценностный, образный и понятийный компоненты. **Полиапеллируемость.** К одному и тому же концепту можно апеллировать как при помощи невербальных средств, так и при помощи языковых единиц разных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. **Многомерность.** Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т. д.) могут использоваться исследователями для моделирования концепта. **Методологическая открытость и поликлассифицируемость.** Для исследования лингвокультурологических концептов могут использоваться разные методы, так как лингвокультурология имеет междисциплинарный характер. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по разным основаниям [Карасик, Слышкин, с. 12–13]

С.Г. Воркачев признаёт важным следствием многомерности семантического состава лингвоконцепта его внутреннюю расчлененность – **дискретную целостность смысла.** К другим отличительным признакам концепта он относит также «**переживаемость**» и **семиотическую (номинативную) плотность** [Воркачев, 2007а, с. 14]. «Переживаемость» концепта обусловлена тем, что концепты не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий [Степанов, с. 41]. Семиотическая плотность – это представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и

словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц и поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры) [Воркачев, 2007а, с. 15].

Заслуживает внимания проблема взаимосвязи слов и концептов. По мнению В.И. Карасика, возможна следующая сетка отношений: 1) в языке есть слово, соответствующее определенному концепту, точнее говоря, есть определенное слово как основной, хоть и не единственный, способ актуализации того или иного концепта (слово «*кошка*» для обозначения концепта «кошка»); 2) имеющееся в языке слово частично соответствует концепту, здесь нужно задуматься о типах концептов: предметные и понятийные сущности легко концептуализируются, но эмоционально-оценочные ментальные образования часто бывают настолько размытыми, что трудно установить границы соответствующих концептов (например, «то, что очень не нравится»: список репрезентаций этого концепта будет очень обширным, и выделить основной способ репрезентации этого концепта не представляется возможным); 3) есть концепт, но нет однословной репрезентации этого концепта (есть молодожены и есть люди, давно живущие в браке, но нет слова «*староженья*»); 4) есть слово, вернее, словесная оболочка, за которой нет концепта [Карасик, 2004, с. 130–131]. К этому можно добавить, что возможны случаи, когда одно слово может обозначать два концепта. Например, слово «*jealousy*» может означать как «ревность», так и «зависть».

Концепты, существующие в лингвокультуре того или иного этноса, образуют **концептосферу**. Термин «концептосфера» был введен академиком Д.С. Лихачёвым. По его определению, концептосфера является совокупностью концептов нации, образованной всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, её фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [Лихачёв, с. 5]. Концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами [Попова,

Стернин, 2007а, с. 36]. На национальную концептосферу распространяется принцип системности, так как человеческое мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение объектов. Таким образом, в лингвокогнитивном понимании **концептосфера** – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления [Попова, Стернин, 2007а, с. 36]. Лингвокультурная трактовка концептосферы ближе к исходному определению академика Д.С. Лихачёва, так как она включает понятие культуры. **Концептосфера** – это совокупность культурных концептов нации, имеющая системный характер и являющаяся как информационной базой мышления, так и хранилищем культурной памяти этноса. В концептосфере можно выделить ядро и периферию.

2.2. Структура и содержание концепта

В настоящее время в лингвистике принято различать значение слова и концепт. Значение слова должно выводиться из наблюдаемых фактов его употребления.

Структура концепта – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Изучение языка и отдельных его единиц способно приоткрыть тайны познания мира народом [Пименова, с. 15]. Несмотря на существенные различия в трактовке концепта, большинство исследователей выделяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки. Это указывает на сходство в понимании структуры концепта представителями разных научных школ. Языковая картина мира является своеобразным объединением народных (наивных) и научных представлений о мире. С одной стороны, признаки концептов, вошедшие и закрепившиеся в национальной картине мира, устойчивы. С другой стороны, картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счёт развития науки, культурных процессов.

«Структура ... концепта ... изменчива во времени, что обусловлено в целом многочисленными лингвокультуральными факторами (социально-экономическими трансформациями общества, сменой моральных ценностей, выбором ценностных при-

оритетов и т. п.; языковыми изменениями: заимствования, деривационные процессы, метафоризация, метонимия и т. п.» [Красавский, с. 68].

Концепт и слово, а также сочетания слов, репрезентующие концепт, образуют единство. При этом концепт объёмнее лексического значения слова. **Структура концепта** гораздо сложнее и многообразнее, чем лексическое значение слова. Структуру концепта формируют признаки предмета или явления. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общими для носителя языка признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного выражения [Попова, с. 8]. Под фрагментом языковой картины внутреннего мира понимается совокупность моделей психического – интеллектуального и эмоционального – мира человека, свойственного определённой этнической группе.

Наиболее полно лингвокогнитивное понимание структуры концепта представлено в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые вычленили в составе концепта три базовых структурных компонента: образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Попова, Стернин, 2007а, с. 106].

По их мнению, образный компонент в структуре концепта состоит из двух составляющих – перцептивного образа и когнитивного (метафорического) образа [Попова, Стернин, 2007а, с. 109]. Перцептивный образ включает зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы (роза – красная, лимон – кислый и т. д.). Когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру. Когнитивные образные признаки формируются метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления. На примере художественного текста ими показано, что русский концепт *душа* концептуализируется через концепт *дом*: душу можно запереть на замок, душу можно согреть и т. д. [Попова, Стернин, 2007а, с. 108].

Информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Эти признаки характеризуют важнейшие дифференциальные черты, обязательные составные части самого предмета. Информационное содержание многих концептов

близко к содержанию словарной дефиниции ключевого слова концепта [Попова, Стернин, 2007а, с. 110]. Например: Москва – город, столица России, London – the capital of Britain.

Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его [Попова, Стернин, 2007а, с. 110]. Необходимо согласиться с З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, что в таком понимании интерпретационное поле будет неоднородным. В нем достаточно отчетливо выделяются несколько зон – участков интерпретационного поля, обладающих определённым внутренним содержательным единством и объединяющих близкие по содержанию когнитивные признаки.

З.Д. Поповой и И.А. Стернину представляется возможным вычленить следующие зоны интерпретационного поля концепта: оценочную зону, энциклопедическую зону, утилитарную зону, регулятивную зону, социально-культурную зону, паремиологическую зону [Попова, Стернин, 2007а, с. 111–113]. Они справедливо предлагают разграничивать в описании концепта **структуру концепта и содержание концепта. Содержание концепта** образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полемому принципу – **ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Структура концепта** включает образующие концепта базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле – и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта [Попова, Стернин, 2007а, с. 114–115].

Лингвокультурный подход к структуре и содержанию концепта представлен в трудах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева. Ю.С. Степанов считает, что у концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит всё, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит всё то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания

история, современные ассоциации, оценки и т. д. [Степанов, с. 43]. По его мнению, компонентами структуры концепта являются три «слоя» концепта: 1) **основной, актуальный признак**; 2) один или несколько **дополнительных, «пассивных» признаков**, являющихся уже неактуальными, «историческими»; 3) **внутренняя форма**, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во **внешней, словесной форме** [Степанов, с. 47]. В качестве примера приводятся дни 23 февраля и 8 марта, которые для жителей России означают «праздник мужчин» и «праздник женщин» (**основной признак**). Однако по своему происхождению эти даты отмечаются как «День армии» и «Международный женский день» (**дополнительный признак**), наконец, исторически эти даты соотносятся с победой Красной Армии над войсками Германии под Псковом в 1918 г. и с решением женского секретариата Коминтерна (**этимологический признак**).

По мнению С.Г. Воркачева, конституирующим в семантике концепта может быть понятие. Понятийную составляющую культурного концепта образуют разнотипные семантические признаки: дефиниционные / дистриктивные, отличающие его от смежных концептов; эссенциальные / сущностные, формирующие его концептуальные «фацеты»; имплицативные, выводимые из дефиниционных; энциклопедические [Воркачев, 2004, с. 47]. Он также считает, что в семантику культурного концепта входят ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций либо прецедентных связей, образная составляющая, отличающая концепт от понятия, и номинативная (собственно лингвокультурологическая) составляющая [Воркачев, 2004, с. 48].

В.И. Карасик считает, что важнейшие измерения концепта – **образное, понятийное и ценностное**. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта яв-

ляется определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира [Карасик, 2004, с. 129].

Например, лингвокультурный концепт КРАСОТА представляет собой сложное ментальное образование. Его **образно-перцептивная** составляющая есть совокупность прототипных образов красивой / некрасивой внешности. Его **понятийная** составляющая является эстетической оценкой – рационально отрефлектированным и эмоционально переживаемым чувственным восприятием мира. Его **ценностная** составляющая сводится к признанию красоты одним из высших смысложизненных ориентиров и вытекающей отсюда системе приоритетов поведения. Основные специфические характеристики концепта КРАСОТА в английской лингвокультуре – это противопоставление непосредственно эмоциональной и рационально отрефлектированной положительной эстетической оценки, акцентирование выбора как условия для признания чего-либо соответствующим критериям красоты. Основные специфические характеристики концепта КРАСОТА в русской лингвокультуре – это противопоставление красоты внутренней и внешней, подчеркивание чудесной сущности красоты, преимущественное понимание уродства как независимого дефекта и вытекающая отсюда жалость по отношению к людям с физическими недостатками, осознание тесной взаимосвязи между красотой и здоровьем [Мещерякова, с. 101].

Концепт СВОБОДА в английской и русской лингвокультурах характеризуется следующими признаками: а) **образная** составляющая – синкретичные образы ветра, моря, птицы, полета, дыхания, открытого пространства и др.; б) **понятийная** составляющая – возможность поступать по своему желанию, отсутствие ограничений, противопоставление связанности, плену, заключению, рабству, в) **ценностная** составляющая – одна из приоритетных ценностей жизни, подразумевающая возможную угрозу / потерю свободы и необходимость бороться за свободу [Солохина, с. 181].

2.3. Типология концептов

Концепты в работах исследователей данной проблемы классифицируются по разным основаниям, отражающим различия в подходах к рассмотрению этого понятия. Вопрос о типологии концептов был одним из первых теоретических вопросов, поставленных когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией в процессе их становления. Поиски определения концепта, его ментальной специфики были тесно связаны с проблемой классификации концептов, которой исследователи уделяли большое внимание [Попова, Стернин, 2007а, с. 115]. Типология концептов возможна в силу того, что различаются типы знания, культурного опыта, представленного концептами.

Во «Введении в когнитивную лингвистику» концепты культуры делятся на несколько групп:

1) универсальные категории культуры (философские категории – время, пространство, причина, следствие и т. п.);

2) социально-культурные категории (свобода, справедливость, труд и т. п.);

3) категории национальной культуры (для русской культуры – это воля, соборность, душа);

4) этические категории (добро, зло, долг, вера и т. п.);

5) мифологические категории, включающие в себя религиозные (боги, духи, домовой и т. п.).

Ключевым можно считать тот концепт, который встречается в частных общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках [Попова и др., с. 8–10].

Деление на **концепты-универсалии**, присутствующие в любой лингвокультуре (счастье, мир, любовь, свобода, вера и пр.) и **концепты-уникалии** (идиоэтнические) в достаточной степени условно, поскольку идиоэтничность частично присутствует и в концептах-универсалиях, различающихся языковых сознаниях своим периферийным семантическим составом и способами его иерархической организации [Воркачев, 2007а, с. 31].

В основу типологии лингвокультурных концептов может быть также положен уровень абстракции их имен. Выделяются более конкретные и более абстрактные концепты, вплоть до мировоззренческих универсалий [Карасик, 2004, с. 132]. Такое со-

поставление дает возможность рассматривать разноплановые категории, но выделение четких границ категорий и, соответственно, типов концептов при таком подходе невозможно, так как они располагаются на шкале градации и различаются только степенью абстракции. Между концептами-универсалиями духовной культуры (счастье, красота и пр.) и концептами-символами, представляющими собой окультуренные реалии (матрёшка, берёза), по мнению С.Г. Воркачева, лежит так называемая серая зона, включающая эмоциональные концепты. В этой же зоне находятся лингвоконцепты «среднего уровня», которые могут быть описаны в терминах когнитивной лингвистики (схем, фреймов, сценариев) [Воркачев, 2007а, с. 31].

В.И. Карасик выделяет индивидуальные, микрогрупповые, классовые и общенациональные концепты на том основании, что концепты различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества. Если в обществе выделяются четко очерченные социальные группы, то существуют и концептосферы этих групп. Этническое не проявляется изолированно, но находит выражение через социальное. С позиций социолингвистики, таким образом, можно противопоставить, по меньшей мере, три типа культурных концептов: **этнокультурные**, **социокультурные** и **индивидуально-культурные**. Иначе говоря, существуют ментальные образования, актуальные для этнокультуры в целом, для той или иной группы в рамках данной лингвокультуры и, наконец, для индивидуума. По мнению В.И. Карасика, такое понимание концептов позволяет совместить различные подходы к их интерпретации [Карасик, 2004, с. 118].

Примером русского этнокультурного концепта является **«пошлость»**. English words expressing several, although by no means all, aspects of *poshlust* are for instance: «cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, high falutin', in bad taste». По мнению Набокова, указанные английские слова неадекватны, поскольку, во-первых, они не нацелены на разоблачение, выставление напоказ или осуждение всякого рода «дешёвки» так, как нацелено слово *пошлость* и родственные ему слова; а во-вторых, у них нет тех же «абсолютных» импликаций, которые есть у слова *пошлость* [Вежибicka, 2001б, с. 15]. С точки зрения носителя английской лингвокультуры, этот концепт может оказаться столь

же экзотическим, как концепты, обозначаемые словами *уха* или *щи*. Например: *с тобой ухи не сварить, профессор кислых щей*.

К числу важнейших этнокультурных концептов, определяющих сущность современной американской лингвокультуры, относятся «self», «privacy», «challenge». Сопоставление с английской лингвокультурой выявляет этноспецифичность русского концепта «дача», отличающегося рядом признаков, характерных только для русской культуры.

В качестве иллюстрации социокультурных концептов В.И. Карасик приводит «жалость» и «dignity». Сравнение словарных дефиниций показывает, что «dignity» обозначает не просто качество, заслуживающее уважения, но и черты поведения, свойственные аристократам. Для русских чувство собственного достоинства – это внутренняя самооценка собственной значимости, для англичан «dignity» – это внешнее выражение аристократического поведения [Карасик, 2004, с. 119]. По его мнению, социокультурные концепты неоднородны. Выделяются концепты, объединяющие большие группы людей по возрастному, гендерному, образовательному, сословному признакам, и концепты, идентифицирующие малые группы носителей той или иной субкультуры – от объединения по интересам до семьи [Карасик, 2004, с. 121].

К индивидуальным концептам можно отнести индивидуально-авторские концепты, выражаемые ключевыми словами, свойственными тому или иному писателю или философу.

Более детально разработана типология концептов в когнитивной лингвистике. А.П. Бабушкин выделяет следующие **типы концептов**:

1) **мыслительные картинки** (конкретные зрительные образы – *рыба «налим»*);

2) **схемы** (менее детальные образы – *«река»* как *голубая лента*);

3) **гиперонимы** (очень обобщённые образы – *«обувь»*);

4) **фреймы** (совокупность хранимых в памяти ассоциаций – *«базар»*);

5) **инсайты** (знания о функциональной предназначенности предмета – *«барабан»*);

6) **сценарии** (знания о сюжетном развитии событий – *«драка»*);

7) **калейдоскопические концепты** (совокупность сценариев и фреймов, связанных с переживаниями и чувствами – «*со-весть*») [Бабушкин, с. 43–67].

Н.Н. Болдырев подчеркивает, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции, разные форматы знания. Он разграничивает следующие виды концептов:

1) **конкретно-чувственный образ** (конкретный «*телефон*»);

2) **представление** (мыслительная картинка как обобщённый чувственный образ, например, «*телефон*» вообще);

3) **схема** – мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (геометрический аспект представления: *общие контуры чего-либо – дома, человеческой фигуры, траектории движения*);

4) **понятие** – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики;

5) **прототип** – категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определённой категории (представление о типичном автомобиле, типичном политике);

6) **пропозиционная структура** или **пропозиция** – модель определённой области опыта, в которой вычленяются элементы, даются их характеристики;

7) **фрейм** – объёмный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации (например, фрейм «театр» включает вершинные узлы «билетная касса», «сцена», «зрительный зал» и терминальные узлы, например, «очередь в билетную кассу конкретного театра», «впечатления, связанные с этим событием»);

8) **сценарии** или **скрипты** – динамически представленные фреймы, разворачиваемая во времени последовательность этапов, эпизодов (например, посещение театра);

9) **гештальт** – концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности [Болдырев, с. 36–38].

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают следующую типологию концептов:

1) **представление** – обобщённый чувственно-наглядный образ предмета или явления (ласточка, дрожь, клён);

2) **схема** – концепт, представленный некоторой обобщённой пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом – дерево вообще (наглядный образ дерева – ствол и крона), образ реки как ленты, схематический образ человека (голова, туловище, руки и ноги);

3) **понятие** – концепт, который отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления (самолёт – летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями);

4) **фрейм** – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объёмное представление, некоторая совокупность знаний о предмете или явлении. Например, стадион (устройство, внешний вид, поле для игры и др.). Примеры фреймов: ресторан, кино, поликлиника, больница;

5) **сценарий** (скрипт) – последовательность нескольких эпизодов во времени, стереотипные эпизоды с признаками движения, развития. Стадион – это фрейм, а посещение стадиона – сценарий;

6) **гештальт** – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Типичными гештальтами являются концепты «игра», «любовь», «судьба» [Попова, Стернин, 2007а, с. 117–119].

Сопоставление вышеуказанных классификаций показывает, что все исследователи выделяют следующие типы концептов: мыслительные картинки (конкретно-чувственные образы, представления), схемы, гиперонимы (понятия), фреймы, инсайты, сценарии, гештальты. Так как описанные выше лингвокогнитивные подходы к классификации концептов не противоречат лингвокультурному подходу к пониманию концептов как ментальных многомерных единиц, они могут использоваться и в лингвокультурных описаниях концептов.

2.4. Анализ и описание концепта

В настоящее время анализ концептов активно используется на материале преимущественно лексики и фразеологии. В области лингвистического анализа текста он находится в стадии разработки. Цель концептуального анализа – выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концепто-

сферы, т. е. тех компонентов, которые составляют ментальное поле концепта [Бабенко, Казарин, с. 57]. Сам термин «концептуальный анализ» может обозначать и анализ концептов, и определенный способ исследования – анализ, в качестве предельных единиц которого выступают концепты. В работах, характеризующихся использованием вышеупомянутого термина, можно обнаружить различия и в самой процедуре анализа, и в арсенале исследовательских приемов. Соответствующие работы объединены некоторой относительно общей целью, а что касается путей её достижения, то они оказываются различными. Представляется правомерным использовать для исследования концептов термины «описание концептов» или «анализ концептов», а для изучения семантической организации текста, особенно художественного текста, что имеет большое значение для перевода, можно использовать термин «концептуальный анализ текста».

Основные этапы семантико-когнитивного исследования концептов, описанные в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина, наиболее полно отражают суть лингвокогнитивного подхода к этой проблеме:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка. Данный этап факультативен, но желателен.
5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Следующие шаги будут зависеть от того, ставит ли исследователь своей задачей двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических либо лингвоконцептологических исследований. В первом случае полученные когнитивные данные просто используются для объяснения семантического развития исследуемых языковых единиц. Во втором случае необходим этап моделирования концепта, который позволит описать концепт как целостную ментальную единицу и предполагает несколько последовательных шагов:

- описание макроструктуры концепта (атрибуция выявленных когнитивных признаков образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

- описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);

- описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта).

Результатом выполнения этих этапов является графическая или словесная модель концепта [Попова, Стернин, 2007а, с. 160–162].

Лингвокультурный подход к анализу концепта представлен в работах Ю.С. Степанова, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика и др. По мнению С.Г. Воркачева, любое исследование лингвоконцептов, по сути, сопоставительно. Эталон сравнения либо присутствует в наличной форме и сближается с понятием, функционирующим в научной парадигме, и тогда сопоставляются единицы научного и обыденного (языкового), научного и религиозного, научного и юридического и др. сознаний в их языковой реализации. Либо же этот эталон присутствует имплицитно, и тогда сопоставляются межъязыковые варианты соответствующего концепта: лингвоконцепт сопоставляется с лингвоконцептом [Воркачев, 2007а, с. 21].

Описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений. В.И. Карасик относит к ним: 1) дефинирование (*to procrastinate – to delay repeatedly and without good reason in doing something that must be done [LDELС]; delaying something that must be done, often because it is unpleasant or boring [СIDE]*); выделяются смысловые признаки: категориальный статус – «действие», тематическая конкретизация – «перенос на более поздний срок», характеристика – «неоднократность», внешняя отрицательная оценка – «отсутствие уважительной причины», внутренняя отрицательная оценка – «неприятно», «скучно», модальность долженствования – «необходимость выполнения действия»); 2) контекстуальный анализ («*As we do this we are less and less*

able to act positively as we resort to distractions and procrastination to prevent us dealing with what we have suppressed and keep our minds as quiet as possible [BNC]»; выделяются ассоциативно связанные смысловые признаки: «неспособность действовать», «отвлечение, помеха», «покой»); 3) этимологический анализ (Latin *procrastinare procrastinat-* (as pro- 1, *crastinus* “of tomorrow” from *cras* “tomorrow”) [COD]; корень слова – «завтра»); 4) паремиологический анализ (*Procrastination is the thief of time; Never put off till tomorrow what you can do today; Time is money*; нормы поведения: следует ценить время, не следует откладывать дела на потом); 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование (*Procrastination or Rat Race – what would you choose and why? What would you name next to procrastination?*) [Карасик, 2004, с. 110–111].

В качестве примера сопоставительного анализа концепта можно привести описание концепта «успех» в английской и русской лингвокультурах, представленное В.И. Карасиком [Карасик, 2004, с. 154–156]. Вначале он анализирует содержание данного концепта, которым является положительно оцениваемая реализация усилий по достижению цели. Для анализа понятийной составляющей концепта автор выстраивает модель фрейма, представляющую ситуацию успеха: «1) я знаю, что было положение дел А, 2) он действовал, чтобы было А, 3) были препятствия Р, которые Х должен был преодолеть, 4) могло быть так, чтобы не было А, 5) Х преодолел препятствия Р, и А существует, 6) (и поэтому я думаю, что) Х заслуживает положительной оценки за действия по достижению А».

Затем В.И. Карасик исследует ассоциативный круг концепта «успех», который включает следующие смыслы: 1) положение дел А достижимо, 2) Х рад тому, что существует А, 3) при оценке действий Х учитываются средства, используемые Х для достижения цели (положения дел А), 4) степень успеха зависит от величины препятствий Р, 5) успех связан не только с усилиями Х, но и с везением, 6) успех уточняется в концептуальном пространстве «цель, средство, препятствие, амбиция, победа, поражение, неудача, достижение, признание, карьера, награда, состязание, борьба», 7) существуют символические знаки успеха.

Анализ английских и русских словарных дефиниций показывает, что последние соответствуют приведенной модели.

Большое значение для сопоставительного исследования концептов имеет анализ их отражения во фразеологическом и паремиологическом слое соответствующих языков. Так, поговорки выделяют следующие направления концептуализации ценностного основания концепта «успех» в английском и русском языках: 1) усилия по достижению успеха заслуживают похвалы (nothing seek, nothing find; there is always room at the top); 2) нельзя сдаваться, сталкиваясь с трудностями (глаза боятся, а руки делают; if at first you don't succeed, try, try, try again; forsaken by the wind, you must use your oars); 3) есть положительный смысл и в поражении – это урок для будущей победы (adversity is a touchstone of virtue); 4) успешный результат перевешивает сомнительные средства, которые используются для достижения цели (победителей не судят; цель оправдывает средства; the end justifies the means); 5) стремление к победе должно основываться на адекватной самооценке (hasty climbers have sudden falls; step by step the ladder is ascended; дорогу осилит идущий); 6) стремление к достижению собственного успеха не должно приводить к игнорированию других людей (великая козявка лезет в букашки) [Карасик, 2004, с. 156].

2.5. Анализ концептуального пространства текста

Концептуальный анализ художественного текста может быть выполнен как на материале одного литературно-художественного произведения, так и на материале множества произведений одного автора, множества произведений разных авторов, принадлежащих одному литературно-художественному направлению [Бабенко, Казарин, с. 61]. Внутри одного текста можно выделить самостоятельный в смысловом плане отрывок и подвергнуть его концептуальному анализу в учебных или исследовательских целях.

Для выполнения концептуального анализа художественного текста представляется удачным следующий алгоритм, предложенный Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным [Бабенко, Казарин, с. 61]:

1. Выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста: время его создания; имя автора, несущее определённую информацию о нем; роль эпиграфа (если имеется) и пр.

2. Анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте.

3. Проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста.

4. Выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами. Определение ключевого слова текста – лексического репрезентанта текстового концепта.

5. Анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности.

6. Описание концептосферы текста (или совокупности текстов одного автора), предусматривающее обобщение всех концептов, в которых употребляются ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе образных.

7. Моделирование структуры концептосферы, т. е. выделение в ней ядра (базовой когнитивно-препозициональной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (образных ассоциаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов).

В случае анализа самостоятельного в смысловом плане отрывка текста в учебных или исследовательских целях второй этап, т. е. анализ семантики заглавия, можно опустить, если он не связан непосредственно со смыслом отрывка.

В качестве примера концептуального анализа рассмотрим стихотворение Р.Л. Стивенсона «From a Railway Carriage».

Faster than fairies, faster than witches,
Bridges and houses, hedges and ditches;
And charging along like troops in a battle,
All through the meadows, the horses and cattle;

All of the sights of the hill and the plain
Fly as thick as driving rain;
And ever again, in the wink of an eye,
Painted stations whistle by.

Here is a child who clambers and scrambles,
All by himself and gathering brambles;

Here is a tramp who stands and gazes;
And there's the green for stringing the daisies!

Here is a cart run away in the road,
Lumping along with man and load;
And here is a mill and there's a river;
Each a glimpse and gone for ever!

1. Объектом концептуального анализа является стихотворение основоположника и теоретика неоромантизма в Англии Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894) – поэта, эссеиста, автора ряда романов, ставших классикой литературы. Для формирования концептуального пространства текста важным является знание пресуппозиций, связанных с представлением о мировосприятии и творчестве Р.Л. Стивенсона, который написал следующие слова: «Если вы знаете, что вам нравится, а не просто отвечаете “аминь” на то, что свет предлагает вам, вы сохраняете живую душу». Забота о сохранении «живой души», т. е. непосредственной отзывчивости, подвижного восприятия, и определила основу «романтизма» Стивенсона [Урнов, с. 12].

«Будем по мере сил учить народ радости, – заявил Р.Л. Стивенсон в статье “Уолт Уитмен”. – И будем помнить, что уроки эти должны звучать бодро и воодушевленно, должны укреплять в людях мужество» [Урнов, с. 12].

Важным для анализа концептуального пространства текста данного стихотворения является и то, что в последние десятилетия XIX века, а, следовательно, и в момент создания анализируемого произведения железнодорожный транспорт являлся самым быстрым видом транспорта. Стивенсон, будучи сыном морского инженера, любил технику и романтизировал путешествие и всё, что было с ним связано. Как справедливо отмечает М. Урнов, Стивенсон выступил искусно замаскированным противником бурной и нарочитой увлекательности. Стивенсон нарочито устремляется «внутри» страны, где вовсе не ищет ничего примечательного [Урнов, с. 11].

2. Заглавие стихотворения обозначает точку наблюдения автора, его местонахождение. Это единственное место в произведении, где встречаются слова «railway» и «carriage». Заглавие противопоставлено остальному тексту стихотворения, в котором описываются только быстро сменяющиеся объекты, являющиеся

внешними по отношению к местонахождению автора «railway carriage»). Предлог «from» подчеркивает направленность наблюдения.

3. Обобщение результатов психолингвистического эксперимента, проведенного как с носителями языка через Интернет, так и среди студентов факультета иностранных языков, показало, что быстрая смена внешних объектов ассоциируется у них со скоростью, быстротой. Проведение психолингвистического эксперимента по выявлению ключевых слов и словосочетаний стихотворения среди тех же респондентов показало, что к таковым испытуемые отнесли следующие слова и словосочетания: faster (37 реакций), in the wink of an eye (35 реакций), fairies (29 реакций), witches (25 реакции), fly (23 реакции), gone for ever, stations (20 реакций), whistle (20 реакций), glimpse (17 реакций), gone for ever (15 реакций), charging along (12 реакций). В качестве более редких реакций (от 1 до 10) встречаются следующие слова: sights (9 реакций), bridges (9 реакций), hedges (7 реакций), ditches (6 реакций), child (5 реакций), tramp (5 реакций), meadows (5 реакций), horses and cattle (4 реакции).

4. Повторяемость концептуальных признаков лексики может быть доказана компонентным или дефиниционным анализом лексических единиц и определением их принадлежности к той или иной тематической группе. Повторение прилагательного fast (в сравнительной форме faster) в первой строке текста является ключевым. Дефиниционный анализ следующих лексических единиц выявляет в их семантической структуре сему «скорость»: charge, fly, wink, run, glimpse. Кроме того, значимыми являются возможные сочетания других лексических единиц с ключевыми словами. Так, глагол whistle, встречающийся в стихотворении в предложении «painted stations *whistle* by», может сочетаться со словом bullet (пуля). Например, в предложении «Bullet whistled past his ear». Таким образом, осуществляется имплицитная связь глагола со скоростью, с которой пролетают мимо окна вагона железнодорожные станции. Большая часть лексических единиц, образующих текст, относится к тематическому ряду «sights». Их перечисление создаёт образ быстро сменяющихся друг друга объектов за окном вагона: bridges, hedges, ditches, meadows, hill, plain, stations, green, cart, mill, river.

5. Анализ лексического состава текста выявил следующие основные экспрессивные и образные средства:

а) Сравнения (*faster than fairies; faster than witches; charging along like troops in the battle; as thick as driving rain*). Все они подчёркивают скорость движения через сравнение с быстро передвигающимися объектами.

б) Метафоры, выражающие скорость движения (*all of the sights of the hill and the plain fly; painted stations whistle by*).

в) Гиперболы, выражающие скорость изменения и перемещения (*in the wink of an eye; each a glimpse; gone for ever*).

Обобщение результатов анализа, полученных на первых пяти его этапах, позволяет в качестве основного для этого стихотворения считать концепт «скорость».

6. Обобщение всех контекстов, в которых употребляются слова – носители концептуального смысла, выявило, что все они связаны с различными аспектами скорости перемещения, ассоциирующимися с глаголами (*fly, whistle by*), существительными (*troops in a battle, wink, glimpse*), прилагательными (*fast*).

7. Структурирование концептосферы стихотворения показало, что ядром концептосферы является скорость перемещения субъекта относительно неподвижных объектов. Приядерная зона – основные лексические репрезентации пропозиции, образующие авторскую метафору (кажущееся быстрое перемещение неподвижных предметов). Ближайшая периферия – объекты, их свойства, признаки и действия, связанные с ключевыми словами (*painted, who clambers and scrambles, all by himself, for stringing the daisies, with man and load*). Дальняя периферия – образные ассоциации, оценочные номинации происходящего.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007.

2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. – М., 2003.

3. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М., 2007.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

5. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
6. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. – М., 2007.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
8. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры.– М., 2004.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какие существуют основные подходы к пониманию концепта?
2. Какие свойства следует отнести к базовым характеристикам концепта?
3. Являются ли лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта взаимоисключающими?
4. Что является концептосферой в лингвокультурном понимании?
5. Что образует структуру концепта согласно мнению Ю.С. Степанова?
6. Что образует структуру концепта согласно мнению В.И. Карасика?
7. Что образует структуру концепта согласно мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина?
8. Чем отличается структура концепта от его содержания?
9. Какие этапы исследования концепта предлагают З.Д. Попова и И.А. Стернин?
10. В чём заключается методика описания концепта, предлагаемая В.И. Карасиком?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

Задание 1. Приведите пример лингвокогнитивного определения концепта.

Задание 2. Приведите пример лингвокультурного определения концепта.

Задание 3. Сопоставьте описания структуры концепта в работах лингвокогнитивного и лингвокультурного направления.

Задание 4. Сопоставьте типологии концептов А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Установите отличия в них.

Задание 5. Выберите наиболее полную и точную классификацию концептов. Обоснуйте вашу точку зрения.

Задание 6. Изучите классификации концептов. Определите, к какому типу концептов относятся концепты: дерево, дуб, ревность, ресторан, посещение театра, пытка, rose (a flower), hate, museum, football match, airplane.

Задание 7. Сопоставьте способы номинации концепта в английском и русском языках.

«Home, sweet home»; «it was a low, rambling, picturesque old house»; «men don't feel that living at home detracts from their masculinity»; «отчий дом»; «родной дом»; «под крышей дома твоего»; «дом под зелёной крышей»; «номер вашего дома».

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И КОММЕНТИРОВАНИЯ ИЗУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА

Задание 1. Прочтите следующие отрывки. Найдите в них описание концепта. Сопоставьте описание концепта в английском тексте с вашим пониманием концепта. Найдите отличия.

1) Outside all the main towns, you will see rows of wooden shacks (dachas) with their own gardens, where town workers spend their weekends [Fodor's 89. Soviet Union, p. 57].

2) I used to laugh at my mate Ted. Why? Ted is 32 and still lives at home. A surveyor, he earns a good salary, has a girlfriend and lots of mates but he still lives with his parents. [Hunt, p. 28].

3) "Ronnie's fiancée. They're both at the Castle, and if you exhibit too much enthusiasm about her he is extremely apt to strangle you with his bare hands. Personally," said Hugo, "I regard jealousy as a mug's game, my view being that where there is thingummy there should be what-d'you-call-it. Perfect love, ditto trust. But Ronnie belongs more to the Othello or green-eyed monster school of thought. He was so jealous of a fellow called Pilbeam that he went so far on one occasion as to wreck a restaurant when he found him apparently dining with Sue in it [Wodehouse. Heavy Weather, p. 6].

4) For some years now, the really "in" hobby among the young professional Moscow elite has been to keep a pedigree dog, preferably one of the larger breeds – a setter, a boxer, or a huge black Newfoundland. It's a form of snobbery: in pre-revolutionary noblemen's households, there were always several big dogs. Looked after by the servants and used both for hunting and a status symbol. So nowadays, "a Muscovite taking a well-groomed setter out for a walk on the leash can feel like a nobleman (*barin*) for a few minutes every day." This, at least, was

the explanation offered recently in a novel by Anatoli Ananiev. There are many other examples of snobbery in modern Soviet life: people who collect antique furniture hoping visitors will think it inherited family property. Anyone who wishes to observe these harmless snobs in action has only to visit any of the Moscow shops which deal in second-hand goods [Fodor's 89. Soviet Union, p. 56].

5) It was the terror inspired by his old headmaster that I always attributed my nephew Sacheverell's extraordinary mildness and timidity. A nervous boy, the years seemed to bring him no store of self-confidence. By the time he arrived at man's estate, he belonged definitely to the class of humanity which never gets a seat on an underground train and is ill at ease in the presence of butlers, traffic policemen, and female assistants in post offices [Wodehouse. Mulliner Nights, p. 90].

Задание 2. Определите тип концептов, представленных в следующих отрывках.

1. Тихо плещется вода – голубая лента.

2. Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек.

3. Language is nothing more than a weapon to you and, thus, you test my armour.

4. Time is money.

Задание 3. Используя пример рассмотрения концепта «успех» В.И. Карасиком в разделе 2.4, сопоставьте в английских и русских пословицах и поговорках направления концептуализации ценностного основания:

1. а) концепта «love»: love will find a way; love loves at locksmiths; love knows no obstacles and grows with them; when the poverty comes in at the door, love flies out of the window; love and poverty are hard to hide; love is neither bought nor sold; love is never without jealousy; love is the mother of love; love is the reward of love; love is the true price of love; love lives in cottages as well as in the courts; love me. Love my dog; love should not be all on one side; love will creep where it may not go; love begets love; all is fair in love and war; love's anger is fuel to love;

б) концепта «любовь»: любишь смородину, люби и оскомину; любовь зла – полюбишь и козла; любовь на замок не закроешь; любовь ни зги не видит; любовь слепа; на любовь закона нет; не красивая красива, а любимая; без милого не жить, а и при миллом не быть;

к милому и семь вёрст не крюк; сердцу не прикажешь; реже видишь, больше любишь;

2. а) концепта «beauty»: beauty dies and fades away, but ugly holds its own; beauty is in the eye of the beholder; beauty is only skin deep; beauty lies in lover's eyes; beauty is the living thing; a fair face may hide a foul heart (soul); handsome is as handsome does; good fame is better than a good face;

б) концепта «красота»: снаружи красота, внутри пустота; лицом хорош, да душою не пригож; личиком гладок, да душою гадок; не с лица воду пить; не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела гож; коса – девичья краса; красива пава перьем, а жена мужем; краса до венца, а ум до конца; красота и без разума пуста;

3. а) концепта «money»: money has no smell; money begets (makes) money; money spent on brain is never spent in vain; no bees, no honey, no work, no money; in for a penny in for a pound; take care of the pence and the pounds will take care of themselves; money talks; money makes the world go round; money makes the mare go; money can build roads in the sea; an ass loaded with gold climbs to the top of the castle; money is a good servant, but a bad master; a fool and his money are soon parted; muck and money go together; money is the root of all evil; money doesn't grow on trees; he that has no money needs no purse;

б) концепта «деньги»: деньги есть, так на печь не лезь; богатому деньги черти куют; с деньгами Пётр Петрович, а без денег – паршивая сволочь; деньга деньгу достаёт; в чужом кармане трудно деньги проверять; деньги не грибы, можно и зимой найти; деньги не щепки, на полу не поднимешь; без нужды живёт, кто деньги бережёт; есть грош, так и будет рожь; денег ни гроша, да слава хороша; за деньги и поп пляшет; денежка дорожку прокладывает; копейка обоз гонит; богатому черти деньги куют; не в деньгах счастье; на деньги ума не купишь; дружба дружбой, а денежки врозь.

Задание 4. Пользуясь схемой анализа, приведённого в разделе 2.5, проведите концептуальный анализ следующего отрывка. Составьте отражение концепта в стихотворении Р.Л. Стивенсона с русским текстом.

И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» – его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудесное? Кажется, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит: летят вёрсты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обе-

их сторон лес с тёмными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, легит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сём быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, – только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся неподвижны [Гоголь. Мёртвые души, с. 535].

Задание 5. Пользуясь схемой анализа, приведенного в разделе 2.5, проведите концептуальный анализ следующего отрывка. Определите, какой концепт или какие концепты представлены в этом отрывке. Нижеприведённый текст взят из романа Дж.Б. Пристли «The Good Companions». Прежде чем анализировать отрывок, ознакомьтесь с краткой информацией об этом романе.

«The Good Companions» was written in 1929. This picaresque novel focuses on the trials and tribulations of a group of traveling performers in England between World War I and World War II. It is arguably Priestley's most famous novel. The book established him as a national figure. John Boynton Priestley (1894–1984) is a playwright and essayist noted for his shrewd characterization.

Something very queer is happening in that narrow thoroughfare to the west of the town. It is called Manchester Road. ... What is so queer about it now is that the road itself cannot be seen at all. A grey-green tide flows sluggishly down its length. It is the tide of cloth caps.

These caps have just left the ground of the Bruddersford United Association Football Club. Thirty-five thousand men and boys have just seen what most of them call “t’United” play Bolton Wanderers. Many of them should never have been there at all. It would not be difficult to prove by statistics and those mournful little budgets (How a Man Live – or rather, avoid death – on Thirty-five Shillings a Week) that seem to attract some minds, that these fellows could not afford the entrance fee. When some mills are only working half the week and others not at all, a shilling is a respectable sum of money. It would puzzle an economist to discover where all these shillings came from. But if he lived in Bruddersford, though he might still wonder where they came from, he would certainly understand why they were produced. To say that these men paid their shillings to watch twenty-two hirelings kick a ball is merely to say that a violin is wood and catgut, that *Hamlet* is so much paper and ink. For a shilling the Bruddersford United A. F. C. offered you Conflict and Art; it turned you into a critic, happy in your judgment of fine points, ready in a second to estimate the worth of a well-judged pass, a run down to the touch line, a lightning shot, a clearance kick by

back or goalkeeper; it turned you into a partisan, holding your breath when the ball came sailing into your own goalmouth, ecstatic when your forwards raced towards the opposite goal, elated, downcast, bitter, triumphant by turns at the fortunes of your side, watching a ball shape Iliads and Odysseys for you; and what is more, it turned you into a member of a new community, all brothers together for an hour and a half, for not only had you escaped from the clanking machinery of this lesser life, from work, wages, rent, doles, sick pay, insurance cards, nagging wives, ailing children, bad bosses, idle workmen, but you escaped with most of your mates and your neighbours, with half the town, and there you were, cheering together, thumping one another on the shoulders, swopping judgments like lords of the earth, having pushed your way through a turnstile into another and altogether more splendid kind of life, hurtling with Conflict and yet passionate and beautiful in its Art. Moreover, it offered you more than a shilling's worth of material for talk during the rest of the week. A man who had missed the last home match of "t'United" had to enter social life on tiptoe in Bruddersford [Priestley, p. 3-4].

Глава 3

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Задания для самостоятельного изучения материала

1. Прочитайте текст, подготовьте краткое сообщение о развитии теории прецедентных феноменов.
 2. Составьте описание прецедентной ситуации.
 3. Подготовьте сообщение о прецедентном тексте.
 4. Составьте описание прецедентного имени.
 5. Подготовьте характеристику прецедентного высказывания
-
-

В любой лингвокультуре существуют явления, которые характеризуются частой апелляцией к ним, реализующейся во включении языковых единиц, описывающих эти явления, в дискурс. Например:

He caught the Rev. Aubrey's eye. He was looking as **Sherlock Holmes** might have looked had he discovered **Doctor Watson** stealing his watch. [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 200]

*С тех самых пор раз и навсегда Таня уверовала в то, что Варвара и есть прямая наследница **Шерлока Холмса** по женской линии.* [Устинова. Подруга особого назначения, с. 25]

Эти явления получили название **прецедентных феноменов (ПФ)**. К ним относятся имена, тексты, высказывания, ситуации, считающиеся известными любому среднему представителю лингвокультурного сообщества. Незнание их приводит участника коммуникативного акта к коммуникативным неудачам и указывает либо на принадлежность к другому лингвокультурному сообществу, либо на явно недостаточный уровень образованности. Так, героиня романа Дж. Вебстер «Daddy-Long-Legs», попав из приютской школы в колледж, из-за незнания имен, известных остальным учащимся, оказывается в неловком положении:

*Dear Daddy-Long-Legs,
Did you ever hear of **Michael Angelo**?*

He was a famous artist who lived in Italy in the Middle Ages. Everybody in English Literature seemed to know about him, and the whole class laughed because I thought he was an archangel. He sounds like an archangel, doesn't he?

*I made an awful mistake the first day. Somebody mentioned **Maurice Maeterlink**, and I asked if she was a Freshman. The joke has gone all over college [Webster. Daddy-Long-Legs, p. 19].*

Аналогичным образом, недостаточное знание прецедентных феноменов указывает на невежество одного из персонажей романа Т. Устиновой:

*Но за всю свою жизнь она, кажется, не прочитала ни одной книги и однажды сказала, что зря **Наташа Ростова бросилась под поезд**, могла бы ещё жить и жить. Зачем **Тургенев так плохо всё придумал** [Устинова. Пять шагов по облакам, с. 117].*

3.1. Развитие теории прецедентных феноменов

Обращение лингвистов к явлению прецедентности обусловлено как тем значением, которое оно имеет для понимания природы коммуникации, так и развитием когнитивистики и лингвокультурологии. Термин «прецедентный текст» был впервые введен в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г. Он используется в трудах многих исследователей: Д.Б. Багаевой, Н.Д. Бурвиковой, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, А.Е. Супрун и др. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты, как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216]. Это определение было экстраполировано на все прецедентные феномены в целом. Ю.Н. Караулов относил к прецедентным текстам (ПТ) цитаты, названия

произведений, имена персонажей, а также их авторов. В качестве прецедентных могут выступать не только тексты художественной литературы, но и тексты песен, рекламные тексты, фольклорные произведения, анекдоты и т. д.

Более того, многие лингвисты считают, что прецедентными могут быть как вербальные произведения, так и невербальные. При этом к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речевой деятельности, а ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. [Красных, 2002, с. 46]. Это расширенное понимание прецедентных текстов вытекает из определения Ю.М. Лотмана – «Культура в целом может рассматриваться как текст» [Лотман, 1992, с. 121]. Следует учитывать, что хотя произведения живописи, архитектуры и имеют невербальный характер, в дискурсе и языке они представлены лексическими единицами, с определенными культурными коннотациями. Например:

*A curious **smile** yours, Mr Mulliner. It reminds me a little of the **Mona Lisa's**. It has the same underlying note of the sardonic and the sinister* [Wodehouse. Mulliner Nights, p. 11].

С портретом Джоконды и в русской культуре ассоциируется слово «улыбка». Статья о Романе Абрамовиче в газете «Аргументы недели» озаглавлена «Джоконда российского бизнеса» [Аргументы недели. 10–16.01.08, с. 15]. В ней говорится: «Он не сбрасывает щетину. И всё время улыбается неповторимой застенчивой и загадочной улыбкой. Улыбкой Джоконды XXI века» [Аргументы недели. 10–16.01.08, с. 15].

В таком расширенном понимании к прецедентным текстам могут быть отнесены и многие кинофильмы и телесериалы, ставшие знаковыми для определенной культуры: «Casablanca», «Gone with the Wind», «Godfather», «The X-files», «The Simpsons», «Чапаев», «Белое солнце пустыни», «Семнадцать мгновений весны» и др. Причём прецедентными являются не только тексты фильмов, но и образы, созданные в них:

*А в «восьмёрке» за рулём, – вкрадчивым тоном закончила журналистка, – сидел какой-то заморыш в очочках типа «**Девять дней одного года**» и клетчатой рубашке* [Акунин. Алтын-Толобас, с. 127]. Сопоставление облика персонажа с образом героев фильма 60-х годов создаёт визуальный эффект и относит его к определённом историческому периоду.

Как отмечает О.В. Лисоченко, московские исследователи Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева, говоря о прецедентных феноменах, снимают многозначность термина «текст», подчеркивая, что прецедентный текст в их понимании – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица», обращение к которому «многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы», которые являются прецедентными феноменами [Лисоченко, с. 8].

Существует и более узкое понимание термина «прецедентный текст». В.В. Красных пишет, что для Ю.А. Сорокина и И.М. Михалевой, также использующих термин «прецедентный текст», понятие ПТ сводится к номенам «следующего характера: это некоторые вербальные микро- и макроединицы плана / сценария, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане / сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими «заимствованными» и оригинальными признаками для создания «эстетической видимости / типологического образа», которые они понимают как «средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста» [Красных, 2003, с. 223]. К прецедентным текстам Ю.А. Сорокин и И.М. Михалева относят заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений.

Ещё один исследователь в данной области Г.Г. Слышкин снимает некоторые ограничения, выделенные Ю.Н. Карауловым относительно количества носителей прецедентных текстов. Г.Г. Слышкин под прецедентным текстом понимает любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы [Слышкин]. По мнению Г.Г. Слышкина, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей – для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т. д.). Кроме того, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей

языка (например, рекламный ролик, анекдот). Тем не менее в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью. Например, следующий анекдот основывается на прецедентном характере текста телевизионной рекламы шоколада «Pisnic»:

Кабинет бизнесмена. Новый русский сидит со скучной миной на лице: – «Моя жизнь – сплошная скука!» В кабинет заходят два налоговых инспектора. На лице нового русского оживление: – «Но всё меняется, когда приходят ОНИ!» [Крот. Скандинавские кроссворды. 10.12.06].

Помимо термина «прецедентный текст» используется также термин «текстовая реминисценция». А.Е. Супрун понимает текстовые реминисценции (ТР) как «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), крылатые слова, отдельные особым образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях» [Супрун, с. 17]. При этом А.Е. Супрун включает в число текстовых реминисценций и отсылки к предшествующим документам, общим инструкциям, постановлениям и т. д. в деловых бумагах, цитаты или ссылки на предшественников в научных сочинениях. Подобные явления ни Ю.Н. Караулов, ни Ю.А. Сорокин, ни В.В. Красных не признают прецедентными. Таким образом, мы видим, что понятие «текстовые реминисценции» несколько шире, чем понятие «прецедентный текст». Кроме того, В.В. Красных отмечает, что ТР являются единицами не языка, но дискурса. Как и все прецедентные феномены, они не могут представлять собой индивидуальные неологизмы, «ибо «индивидуальность», «отдельность», «окказиональность» оказываются противопоставленными «прецедентности» в понимании Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокиной, Ю.Е. Прохорова [Красных, 2003, с. 226]. Именно поэтому Ю.Е. Прохоров, разграничивая ТР в структуре речевой личности и ТР в структуре речевого общения, только последние определяет как прецедентные текстовые реминисценции [Прохоров, с. 157–158].

Однако исследование фразеологии английского и русского языков выявляет наличие в их составе большого количества фразеологических единиц, представляющих собой прецедентные феномены либо включающих ПФ в качестве одного из компонентов. Например: *Rip Van Winkle* (отсталый, косный человек – от имени героя рассказа В. Ирвинга), *Joe Miller* (плоская острога, старая шутка, избитый анекдот – по имени актёра Дж. Миллера, издавшего первый в Англии сборник шуток), *go to Cannonoss* (публично унижаться перед кем-либо, испрашивая прощение – от названия крепости, в которой германский император просил прощения у римского папы), *Jack Horner* (самодовольный мальчик – имя из английского детского стихотворения), *Мамаево побоище, шапка Мономаха* и др. Прецедентные феномены, употребляющиеся наиболее часто, становятся идиомами, сохраняя свою прецедентную природу. Например, *Дядей Степой* представители русской лингвокультуры называют очень высокого человека и одновременно это имя героя стихотворения С. Михалкова (прецедентное имя) и название этого стихотворения (прецедентный текст). В ноябре 1996 года одна из британских газет поместила статью под заголовком «Queen Knighted Her *Jeeves*». *Jeeves* – имя персонажа, созданного английским юмористом П.Дж. Вудхаузом, умного и расторопного камердинера, служащего у не очень сообразительного молодого джентльмена, и, следовательно, является прецедентным именем. Но для носителей английской лингвокультуры лексическая единица *Jeeves* является не только именем известного литературного героя. Она имеет значение «слуга» и, следовательно, одновременно является фразеологизмом. Таким образом, можно сказать, что прецедентные феномены являются единицами не только дискурса, но и языка.

К такому пониманию прецедентности близка точка зрения В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, которые считают, что описанные выше явления невозможно связать с одной какой-либо лингвистической категорией – словом или словосочетанием, предложением, фразеологизмом, клише, метафорой и т. д., и поэтому они предлагают термин «**логоэпистема**» как единицу описания лингвокультурного аспекта текста [Костомаров, Бурвикова, 2001, с. 33]. Материально логоэпистема, по мнению вышеназванных авторов, может быть повтором заглавия текста, его

первой или последней фразой, каким-то ключевым словом из текста – важно, чтобы она намекала на него, как-то отсылала к нему, ассоциировалась с ним [Костомаров, Бурвикова, 2001, с. 35]. Из сказанного ясно, что В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова к логоэпистемам относят те же прецедентные явления, и существенного различия с теорией прецедентности здесь не наблюдается. Определение, которое предлагают авторы для своего термина, охватывает как единицы дискурса, так и единицы языка (фразеологизмы), что соответствует и нашему пониманию прецедентных феноменов. **Логоэпистема** – это языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры [Костомаров, Бурвикова, 2001, с. 39].

В теории интертекстуальности прецедентные феномены рассматриваются как **интертекстуальные включения**, которые представляют собой особый способ сворачивания информации текста источника, а в принимающем тексте служат актуализаторами его концепта, в результате чего происходит взаимодействие смысловых полей принимающего текста и текста-источника с образованием нового смыслового пространства [Воскресенская, с. 5]. **Интертекстуальность** – это свойство художественного текста формировать свой собственный смысл (полностью или частично) посредством ссылки на другие тексты. [Кузьмина, с. 15–16]. В более широком понимании интертекстуальность трактуется как вид диалогических отношений, при которых один текст содержит отсылки к отдельным прототекстам или включения из других текстов (собственно интертекстуальность), других дискурсов (интердискурсивность) или семиотических систем (интерсемиотичность / интермедиальность или синкретическая интертекстуальность) [Воскресенская, с. 8]. В семантическом аспекте интертекстуальность – способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты [Смирнов, с. 12]. В культурологическом смысле интертекстуальность соотносима с понятием культурной традиции – семиотической памяти культуры [Лотман, 1996, с. 14].

В обоих аспектах огромное значение имеет способность получателя информации (адресата текста) понимать или интерпретировать смысл текста. Современный лингвокультурологиче-

ский подход рассматривает интерпретацию как условие вхождения текста в культуру. Для того чтобы текст стал фактом культуры, он должен быть присвоен социумом. Форма присвоения текста социумом – его интерпретация [Кузьмина, с. 43]. Н.А. Кузьмина отмечает, что теория интертекстуальности дает ответ на очень важный вопрос. Какими качествами должен обладать текст для вхождения в культуру? По её мнению текст должен обладать высоким энергетическим потенциалом [Кузьмина, с. 43]. Не совсем оправданным представляется деление текстов на «ядерные», составляющие ядро национальной культуры, и прецедентные, хорошо известные определённому языковому коллективу, на том основании, что «ядерные» тексты имеют непреходящее значение, не зависят от социально-экономических или политических предпосылок, а прецедентные тексты определяются модой и вкусом или политикой государства [Кузьмина, с. 53]. Как «ядерные», так и прецедентные тексты характеризуются двумя общими для них свойствами: присутствием в когнитивной базе определенного социума и достаточно высокой степенью частоты обращения к ним в дискурсе, что отличает их от остальных текстов. Скорее следует говорить о прецедентных текстах, занимающих ядерную позицию в когнитивной базе, и о прецедентных текстах, находящихся на периферии когнитивной базы либо входивших в неё в течение непродолжительного периода.

Когнитивной базой является структурированная определенным образом совокупность знаний и представлений, которой обладает любой представитель конкретного национально-культурного сообщества [Гудков, Красных, Захарченко, Багаева, с. 106]. Когнитивная база является тем хранилищем прецедентных феноменов, к которому обращаются авторы текстов, используя стилистический прием – аллюзию, представляющий собой отсылку к определенным прецедентным явлениям, входящим в состав когнитивной базы носителя лингвокультуры.

3.2. Классификация прецедентных феноменов

Как отмечает В.В. Красных, внесшая большой вклад в разработку теории прецедентности, прецедентные феномены могут быть: 1) **социумно-прецедентными**; 2) **национально-прецедентными**; 3) **универсально-прецедентными**. Это деление она осуществляет на основе типа группы, для которой те или иные прецедентные феномены могут быть значимыми (социум, нация или мировое сообщество).

1) К **социумно-прецедентным** относятся феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство. Такие феномены могут не зависеть от национальной культуры. Они могут быть общими для всех мусульман (конфессиональный социум), для врачей (профессиональный социум) или представителей одного поколения. Например: *Mr Wrenn looked up from his plate with a sudden start, a wild and febrile glare of horror in his eyes. Old theatre goers, had any such been present, would have been irresistibly reminded by his demeanour of the late Sir Henry Irving in 'The Bells'* [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 104].

Только для представителей старшего поколения англичан имя выдающегося британского актера Генри Ирвинга было общеизвестным. Нарипательным было его неподражаемое изображение ужаса в пьесе «Колокола». В момент публикации юристического романа *Sam the Sudden* (1925 г.) это имя входило в когнитивную базу среднего представителя данного социума. В настоящее время имя Генри Ирвинга сохранило статус ПФ, но только для представителей профессионального социума. Точно также для представителей определённой возрастной группы будет прецедентным имя некогда популярной телеведущей Натальи Дарьяловой:

Сколько времени ты ещё думаешь наводить марафет, у тебя уже и так ресницы, как у Натальи Дарьяловой [Белянин. Моя жена – ведьма, с. 153].

2) **Национально-прецедентные** феномены известны любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входят в национальную когнитивную базу. Например, следующая цитата из «Короля Лира»

Шекспира в такой же степени известна среднему представителю английского лингвокультурного сообщества, как и строчка из популярной песни представителю русской лингвокультуры:

“But about father”, said she. “What are we to do?” “He objects to me.” “He’s perfectly furious with you.” “Blow, blow,” I said, “thou winter wind. Thou art not so unkind –” “He’ll never forgive you.” “– As man’s ingratitude” [Wodehouse. Love among the Chickens, p. 113].

Трусам в мужской компании не место. Они, как известно, не играют в хоккей [Белянин. Моя жена – ведьма, с. 153].

3) **Универсально-прецедентные феномены** известны любому среднему современному homo sapiens и входят в «универсальную» когнитивную базу. Правда, В.В. Красных признаёт, что на сегодняшний день последний тип носит гипотетический характер, так как для подтверждения существования некоей «универсальной когнитивной базы» необходимы широкие исследования когнитивных баз [Красных, 2002, с. 50–51]. Тем не менее можно говорить о существовании ПФ, входящих в когнитивную базу представителей двух и более лингвокультур. Такие ПФ можно классифицировать как межнациональные (или кросс-культурные). К ним можно отнести, например, такие имена, как Наполеон, Ленин, Гамлет, Отелло, Ромео и Джульетта и т. д. Сравним:

*He looked now like a **Napoleon** taking his morning walk at **St Helena*** [Wodehouse. Heavy Weather, p. 6].

*Пётр шёл с видом **Наполеона**, только что ступившего на остров **Святой Елены*** [Луконин. Остров императора, с. 55].

Такая ситуация, как отступление Наполеона от Москвы входит в когнитивную базу представителей не только русской лингвокультуры, но и английской. Например:

*The dark moments of optimistic minds are sacred, and I would no more have ventured to break in on Ukridge’s thoughts at that moment than, if I had been a general in **the Grand Army**, I would have opened conversation with **Napoleon during the retreat from Moscow*** [Wodehouse. Love among the Chickens, p. 155].

Имена известных личностей, героев популярных литературных произведений и их авторов часто известны не только представителям одного социума (профессионального, конфес-

сионального, генерационного) или одной национальности. Они имеют ярко выраженный кросскультурный характер:

If Maxim Gorky were invited to lunch by Trotsky, to meet Lenin, would he sit down and dash a trifle in the vein of Stephen Leacock? [Wodehouse. Love among the Chickens, p. 56].

Он потоптался рядом, вытащил из кармана диковинный телефон на длинной цепочке и покрутил его, как Том Сойер дохлую крысу [Устинова. Пять шагов по облакам, с. 11].

Включение имён Троцкого, Ленина в текст книги английского юмориста, адресованной самым широким слоям британских читателей, как и включение имени Тома Сойера в текст русского детектива, доказывает межнациональный характер данных прецедентных феноменов. Авторы этих книг, несомненно, исходят из того, что эти ПФ хорошо знакомы их читателям. Следовательно, можно с достаточной долей уверенности полагать, что вышеупомянутые ПФ входят в когнитивную базу среднего представителя двух и более национальных лингвокультурных сообществ.

Таким образом, пока не доказано, как признаёт В.В. Красных, существование универсально-прецедентных феноменов, к третьему типу ПФ следует отнести **межнационально-прецедентные** феномены. Их можно определить как ПФ, известные любому среднему представителю двух и более национальных лингвокультур и входящих в национальную когнитивную базу двух и более лингвокультурных сообществ.

Однако сопоставление функционирования прецедентных феноменов, которые можно охарактеризовать как межнациональные, в американской и русской лингвокультурах указывает на существенные различия в культурных смыслах (или культурных коннотациях). Так, роман Л.Н. Толстого «Война и мир» («War and Peace» в английской лингвокультуре) в сознании среднего представителя американской лингвокультуры имеет культурную коннотацию «очень большая книга». Об этом свидетельствуют способы апелляции к этому прецедентному тексту в американском кинематографе. В одной из американских комедий есть следующий эпизод. Муж и жена ложатся в кровать. Жена берёт книгу и раскрывает её. Муж просит: «Дорогая, нельзя ли выключить свет?» Жена отвечает: «Сейчас, только дочитаю». Муж спрашивает: «А что ты читаешь?» – «Войну и мир». –

«Много ли ещё осталось?» – «Я только начала». В этом эпизоде обыгрывается существенная для американцев культурная коннотация «книга очень большого объёма», которая для представителей русской лингвокультуры не является значимой. Значение данной культурной коннотации для американского лингвокультурного сообщества нашло ещё одно подтверждение в последнее время. Американское издательство Ecco Press подготовило сокращённое издание романа. Издатели «укоротили» роман на 400 страниц, то есть фактически на целый том [Комсомольская правда. 2007. 13 окт., с. 6]. Сходным образом различаются и культурные коннотации такого прецедентного имени, как Наполеон, в русской и американской лингвокультурах. В русском языке в течение долгого времени существовали словосочетания *наполеоновское нашествие*, *вторжение войск Наполеона*. Это представляется важным для русской лингвокультуры, так как война 1812 года сопровождалась огромными жертвами и разрушениями. Вследствие этого с данным прецедентным именем в русской лингвокультуре закрепились и отрицательные культурные коннотации. В американской истории Наполеон сыграл совсем другую роль. Американцы даже рассчитывали на его помощь в войне с Англией. Таким образом, можно сделать вывод, что существуют прецедентные феномены, которые хотя и носят межнациональный характер, различаются культурными коннотациями, отображающими обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт коллектива.

К таким прецедентным явлениям можно применить положение, выдвинутое В.Н. Телией относительно фразеологических единиц, и сказать, что система образов, закреплённая в них, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной или духовной культурой данной языковой общности, а поэтому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях [Телия, с. 215]. Сопоставительный анализ прецедентных феноменов библейского происхождения не выявляет существенных различий в английской и русской лингвокультурах, так как текст Библии имеет одинаковое культурное и духовное значение для двух лингвокультур.

В настоящее время отрасли лингвистики, рассматривающие язык с позиций антропоцентрической парадигмы (лингвокультурология, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика и др.)

выделяют следующие виды ПФ, являющиеся конкретными способами реализации прецедентности:

- 1) прецедентная ситуация (ПС);
- 2) прецедентный текст (ПТ);
- 3) прецедентное имя (ПИ);
- 4) прецедентное высказывание (ПВ) [Красных, 2003, с. 172].

3.3. Прецедентная ситуация

Прецедентная ситуация (ПС) – это некая идеальная ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности либо описанная в литературных произведениях, относящихся к мировой или национальной классической литературе. Первый тип ПС можно условно определить как *историческую прецедентную ситуацию*, а второй – как *литературную прецедентную ситуацию*. Примерами первого типа ПС в русской лингвокультуре являются: Смутное время, подвиг Ивана Сусанина, восстание декабристов, 1937 год, Бородино, Парад Победы и др. Большое количество одних и тех же прецедентных ситуаций являются существенными как для английской, так и для русской лингвокультур. Следовательно, они имеют межнациональный характер. Например:

1. *Американцы всегда были бдительны, а после **одинадцатого сентября** в каждом человеке видят террориста* [Устинова. Пять шагов по облакам, с. 333].

2. *Death took Leon Trotsky (of an ice-pick in the brain)* [Asimov, p. 10].

В примере 1 описывается прецедентная ситуация, имевшая место в США и вошедшая в когнитивную базу представителей не только американского национального лингвокультурного сообщества, но и носителей русской лингвокультуры вследствие её интернационального значения. В примере 2 через прецедентное имя и лексические единицы «Death» и «an ice-pick in the brain» в тексте классика американской фантастики А. Азимова осуществляется апелляция к ПС «убийство Л. Троцкого». Так как автор использует косвенные средства описания ПС, очевидно, что данная ситуация хорошо знакома и носителям американской лингвокультуры.

В английской лингвокультуре к историческим прецедентным ситуациям относятся: the Black Death (преимущественно

эпидемия чумы в Европе и Англии в 1348–1349 годы, хотя иногда так называют и само заболевание), Waterloo, Norman Conquest и др. Например:

*From the days when their ancestresses had helped the menfolk of the tribe to make **marauding Danes** wish that they had stayed in Denmark? The female members of Claire Lippett's family had always been women of action* [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 31].

В данном примере описывается прецедентная историческая ситуация – набеги скандинавов на территорию британских островов.

К примерам второго типа ПС в русской лингвокультуре относятся такие ситуации, описанные в художественной литературе, как: убийство Раскольниковым старухи, смерть Муму, самоубийство Анны Карениной и др. Так, во время хоккейного матча омской команды «Авангард» и «Локомотива» болельщики омской команды после каждой шайбы, забитой в ворота соперника, поднимали плакат со словами «**За Анну Каренину**». В данном примере осуществлялась апелляция не ко всему тексту романа, не к имени героини, а к конкретной ситуации из романа, а именно смерти Анны Карениной под колесами поезда.

В английской литературе среди ПС второго типа наиболее частотными являются ПС из пьес Шекспира и из античной литературы. Например:

*When Kay reached the kitchen she found that her faithful follower had stepped out of the pages of Romeo and Juliet into those of **Macbeth**. She was bending over a cauldron, dropping things into it* [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 33].

В данном примере апелляция происходит не ко всему массиву текста пьесы «Макбет», а к сцене с ведьмами, колдующими над котлом.

Признаками прецедентной ситуации согласно В.В. Красных будут считаться следующие:

1) ситуация должна быть хорошо знакома носителям определенного ментально-лингвального комплекса;

2) ситуация должна быть актуальна в когнитивном плане, т. е. должна иметь инвариант восприятия, в который входят определенные минимизированные и национально-детерминированные знания и представления о самой ситуации, включающие в себя, в том числе, и коннотации, с данной ситуацией связанные;

3) апелляции к ситуации должны быть (потенциально) частотны в коммуникации представителей данного лингвокультурного сообщества [Красных, 2003, с. 183].

Инвариант восприятия ПС аккумулирует не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь предшествующий опыт национального лингвокультурного сообщества, представленный в виде уже существующих знаний и системы оценок. Д.Б. Гудков показал, что механизмом такой обработки является некий национально-детерминированный алгоритм, позволяющий выделить существенные / несущественные элементы, которые оцениваются по шкалам «плюс / минус», «верх / низ» [Гудков, 1997]. Рассмотрим следующие примеры апелляций к ПС в русском и английском языках.

– *Будь здоров, – отозвался Архипов. Шило выскочило из позвоночника и пропало, оставив только тупую нестрашную боль. – Ты чего **печальный** такой? **Карточки украли?*** [Устинова. Пороки и их поклонники, с. 155].

В широком смысле прецедентной ситуацией является в данном случае Великая Отечественная Война, сопутствующей чертой которой являлись трудности с продовольствием и голод, а в узком – кража продовольственных карточек. Население получало продукты по карточкам, кража которых могла привести к большим проблемам и даже к болезням или смерти от голода. Данная ситуация хорошо знакома носителям русского ментально-лингвального комплекса, даже тем, кто родился спустя десятилетия после войны, по книгам и фильмам. Апелляции к ней частотны. Примером может служить эпизод из кинофильма «Место встречи изменить нельзя». Хотя действие в нём происходит после окончания войны, кража продовольственных карточек вызывает у женщины глубокое горе. В приведённой цитате из романа Т.В. Устиновой действие происходит в наши дни, но для обозначения глубокой степени печали герой прибегает к сравнению с ПС – кражей продовольственных карточек. В данном случае национально-детерминированный алгоритм обработки всей совокупности знаний, представлений, системы оценок свел инвариант восприятия прецедентной ситуации к негативной оценке ПС и ассоциативной связи «кража продовольственных карточек – горе (печаль)».

Сопоставим механизм формирования ИВПС в рассмотренном выше примере с аналогичным явлением в английском языке.

*Speech failed Lord Tilbury. He jerked his thumb doorwards. And such was the magic of his personality that Monty found himself a moment later with his fingers on the handle. Its cold hardness seemed to wake him from a trance. He halted, making a sort of **Custer's Last Stand*** [Wodehouse. Heavy Weather, p. 7].

Ситуация «Последний рубеж Кастера» относится к периоду военных действий американских войск против индейцев в XIX веке. Название данной ПС относится к военной экспедиции Кастера, когда он во главе сравнительно небольшого отряда американских войск приблизился к лагерю индейцев и, нарушив инструкции, немедленно ввязался в бой. В индейском лагере находились несколько тысяч воинов. Отряд Кастера был полностью уничтожен, сам Кастер убит. Хотя экспедиция носила агрессивный и авантюрный характер, а индейцы защищали свои земли, американская пропаганда сделала из погибшего генерала Кастера героя. Последняя схватка вошла в когнитивную базу среднего американца как пример героизма и стойкости. Национально-детерминированный алгоритм выделил существенные элементы оценки данной ПС. Попытка молодого человека задержаться в кабинете увольняющего его владельца концерна характеризуется через апелляцию к минимизированным национально-детерминированным знаниям и представлениям о данной ПС, включающим вышеназванные коннотации.

Апелляция к ПС может осуществляться тремя способами.

1. Через прецедентное имя.

*There had been a succession of anxious, doubtful days; then came the glorious news of **Waterloo*** [Huxley, p. 152]. Здесь ПИ относится к окончательному разгрому армии Наполеона I 18 июня 1815 г. в битве при Ватерлоо, селении в Бельгии.

2. С помощью лексических единиц, описывающих прецедентную ситуацию.

*Others are bound on **crusades** – one to die miserably among the savage Greeks, another, in his white top hat, to lead Italians against their oppressors* [Huxley, p. 98]. В первой части данного примера имеется в виду смерть поэта Байрона, который отправился в Грецию, чтобы принять участие в борьбе греков против турецкого ига и скончался в городе Миссолунги от лихорадки.

ПС – смерть лорда Байрона. Во второй части примера подразумевается участие английского дипломата Джеймса Хадсона в освобождении Италии от австрийского ига. ПС – война итальянцев за освобождение своей страны.

*...and the Yankee dollar and Confederate dumbness collaborated to heal the wounds of **four years fratricidal strife*** [Warren, p. 22]. Апелляция к прецедентной ситуации Гражданской войны в США осуществляется описательно с помощью лексических единиц.

*В прошлом году от летней сонной скуки напали вдруг на некоего **эстрадного деятеля, который, тоже от скуки, облаял на пресс-конференции некую журналистку*** [Устинова. Пять шагов по облакам, с. 19].

3. С помощью сочетания прецедентного имени с использованием лексических единиц, описывающих ситуацию.

*...and later, when the coaches, wreathed with laurel for triumph, with cypress for mourning, were setting out with the news of **Nelson's victory and death**...* [Huxley, с. 152]. Здесь с помощью ПИ «**Nelson**» и лексических единиц «**victory and death**» осуществляется апелляция к ПС (Трафальгарскому сражению, в котором адмирал Нельсон разгромил франко-испанский флот, но сам получил смертельное ранение).

*Декан, словно **Пётр Первый, велел немедленно избавляться от растительности на лице*** [Донцова. Букет прекрасных дам, с. 12–13].

4. Через сочетание прецедентного имени с прецедентным высказыванием и лексическими единицами, описывающими ситуацию.

*– **И примешь ты смерть от коня своего...** – пробормотал я. – **Вещий Олег, помнитесь, посчитал пророчество глупым*** [Мякшин, с. 199].

3.4. Прецедентный текст

Прецедентный текст (ПТ) является законченным и самодостаточным продуктом речемыслительной деятельности; (поли)предикативной единицей, сложным знаком, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. ПТ – феномен вербальный, однако в когнитивной базе он хранится в виде ин-

варианта своего восприятия. Инвариант восприятия прецедентного текста представляет собой совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о ПТ, включая коннотации, связанные с текстом [Красных, 2003, с. 190].

Обозначая инструменты интертекстуальности символами прецедентных текстов, Ю.Н. Караулов дает последним определение, базирующееся на читательском восприятии: «Под символами прецедентных текстов мы понимаем определенным образом оформленные указания на прецедентный текст (цитата, имя персонажа, заглавие), актуализирующие у адресата соответствующий прецедентный текст и связанные с ним коннотации» [Караулов, 1986, с. 66].

Апелляция к ПТ может осуществляться следующими способами.

1. Через связанные с текстом прецедентные высказывания.

Название романа Роберта П. Уоррена «*All the King's Men*» является прецедентным высказыванием – строкой из детского стихотворения:

*Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall;
All the King's horses and King's men
Cannot put Humpty Dumpty together again.*

Прецедентное высказывание, осуществляя апелляцию к ПТ, выражает основную идею романа.

2. С помощью прецедентных имен (названия самого ПТ, имен персонажей и автора): *They told me **Carlyle** was a great writer and I was ashamed that I found the **French Revolution and Sartor Resartus** unreadable* [Huxley, p. 47].

3. Описательно: *The **Good Book** says, "There are three things that are never satisfied"* [Warren, p. 29]. В данном примере с помощью описательного способа осуществляется апелляция к Библии.

4. С помощью сочетания первых трёх способов: ***Жили бы как Лопухов с Верой Павловной** из литературного творения пламенного революционного и прогрессивного **Чернышевского**, которых Варвара проходила в восьмом классе* [Устинова. Подруга особого назначения, с. 31–32]. Здесь осуществляется апелляция к тексту романа Чернышевского как с помощью прецедентных имен героев романа и его автора, так и через ситуацию, описанную в нём.

Mr. Scogan's eye glittered like the eye of the Ancient Mariner [Huxley, p. 178]. В английском примере апелляция к ПТ (поэме С. Колриджа «Ancient Mariner») осуществляется через использование имени героя (Старый Моряк) и прецедентного высказывания, связанного с этим текстом. «*I fear thee and thy glittering eye*», – говорит Старому Моряку его собеседник.

Сопоставительный анализ английских и русских текстов показывает, что в обеих лингвокультурах третий способ апелляции к прецедентному тексту является наименее частотным. Как в английском, так и в русском языках апелляция к ПТ чаще всего осуществляется либо с помощью прецедентных имен, либо через высказывания из этих текстов.

Говоря об источниках прецедентных текстов, необходимо привести классификацию Ю.Н. Караулова, который среди них называет художественную литературу, мифы, предания, публицистические произведения исторического и философского звучания [Караулов, 1986]. Г.Г. Слышкин, проводя исследование на материале русского языка, выделяет следующие жанры и источники прецедентных текстов: политические плакаты, лозунги и афоризмы (как социалистической, так и постсоциалистической эпохи), произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей советского государства, исторические афоризмы, классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы (включая Библию, сказки и детские стихи), рекламные тексты, анекдоты, пословицы, загадки, считалки, советские, зарубежные песни [Слышкин, с. 72]. Его классификацию источников можно признать самой детализированной.

3.5. Прецедентное имя

По определению В.В. Красных прецедентное имя (ПИ) – это индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией [Красных, 2003, с. 197]. Например, прецедентные имена *Hatasha Postova, Sherlock Holmes, Doctor Watson, Jeeves* связаны с прецедентным текстом, а прецедентные имена *Florence Nightingale, Минин и князь Пожарский* связаны с определённой прецедентной ситуацией. ПИ представляет собой своего рода сложный знак, при употреблении которого происходит апелляция к набору диффе-

ренциальных признаков данного ПИ. **Дифференциальные признаки ПИ** – это характеристики, определённые семантические признаки, отличающие данный предмет от ему подобных и образующие сложную систему. При употреблении ПИ апелляция может происходить к одному или нескольким дифференциальным признакам. Например: “*Can I dance?*” said the Bishop. *Can I dance, Mulliner? Have you ever heard of Nijinsky?*” “Yes.” “*My stage name,*” said the Bishop [Wodehouse. *Mulliner Nights*, p. 183]. ПИ *Nijinsky* имеет согласно данным, полученным при анализе дефиниций словарных статей толковых словарей и энциклопедий, следующие семантические признаки: «всемирно известный», «выдающийся», «талантливый», «русский», «танцор», «артист балета». В приведённом выше английском примере апелляция происходит к дифференциальным признакам «выдающийся» и «танцор». Апелляция к дифференциальному признаку «русский» в этом случае не осуществляется. Актуализация того или иного признака ПИ зависит от контекста употребления данного имени.

Согласно результатам ряда исследований в когнитивной базе носителя лингвокультуры хранится как сама вербальная форма прецедентного имени, так и совокупность дифференциальных признаков [Гудков, Красных, Захарченко, Багаева]. В процессе коммуникации один из дифференциальных признаков актуализируется. Причем, апелляция может осуществляться как ко всему набору дифференциальных признаков прецедентного имени, так и к одному из признаков.

Например, при употреблении имени *Florence Nightingale* может происходить апелляция либо к дифференциальному признаку «exemplary nurse», либо к признаку «a woman who is very kind to someone who is ill». Сравним дефиниции словарей LDLC и Macmillan, соответственно: “an English nurse who became greatly admired when she set up a hospital for soldiers in turkey during the Crimean War” [LDLC] и “a woman who is very kind to someone who is ill. From the name of an English nurse known for her work with British soldiers during the Crimean War in the 19th century” [Macmillan].

В романе Р. Гордона «*Doctor at Large*» медицинская сестра в госпитале целует дежурного врача. Понимая, что данное поведение не соответствует поведению образцовой медсестры на ра-

боте, она признаёт это, используя обращение к одному из дифференциальных признаков данного прецедентного имени.

Before I realized what I was doing, I had kissed her. "Ummm," she said, nestling into my arms. "Not quite the Nightingale spirit, but give me more" [Gordon, p. 152–153]. Выбор дифференциального признака «exemplary nurse» определяется ситуацией и контекстом общения.

Среди дифференциальных признаков ПИ можно выделить **центральные** (базовые) и **второстепенные** (периферийные) признаки. К центральным признакам следует отнести те, апелляция к которым происходит наиболее часто. Второстепенными признаками будут являться характеристики ПИ, находящиеся на периферии когнитивной базы носителей данной лингвокультуры, апелляция к которым происходит значительно реже. Так, центральным дифференциальным признаком имени семейства Борджиа является характеристика «отравитель», обусловленная приписываемыми им отравлениями своих противников.

*Uncle Thomas, standing by the mantelpiece with Bingo, sucked down a cocktail in a frowning, suspicious sort of manner, rather like a chappie having a short snort before dining with **the Borgias**: as if he were saying to himself that, even if this particular cocktail wasn't poisoned, he was bound to cop it later on* [Wodehouse. Carry on, Jeeves, p. 195].

Представляется возможным расширить круг имен, относимых В.В. Красных к прецедентным, и включить в их число, имена, не связанные с ПТ или какой-либо определённой ПС, но входящие в когнитивную базу среднего представителя одного или нескольких национально-лингвокультурных сообществ (имена известных личностей: политиков, деятелей культуры и т. п.). Например, следующие имена являются прецедентными для носителя английской лингвокультуры: **Napoleon, Borgia, Florence Nightingale, Lenin, Trotsky**.

Более того, к прецедентным именам можно отнести и названия предметов, считающиеся известными любому среднему представителю лингвокультурного сообщества, которые приобрели особое значение и стали знаковыми в данном сообществе или даже в нескольких сообществах. Например, автомат Калашникова и в русской, и в английской лингвокультурах часто называют просто **калашников**, а в когнитивную базу среднего

представителя русского лингвокультурного сообщества он может входить под уменьшительным именем *калаш*. В английской лингвокультуре часто встречаются апелляции к **АК-47**. С этими вариантами ПИ в английской и русской лингвокультурах связаны определенные культурные ассоциации.

Эта страна семьдесят лет работала только на войну. Очень успешно работала. Автомат Калашникова, «Су-27», «МиГ-29» [Устинова. Подруга особого назначения, с. 39].

В статье «Вперед с АК-47» сообщается о назначении капитаном сборной России по баскетболу Андрея Кириленко, выступающего в США за «Юту Джаз». Андрей Кириленко говорит, что *«АК-47 его могли прозвать только американцы. Это одна из разновидностей нашего автомата Калашникова»* [Российская газета. 2007. 7 сент., с. 29].

В когнитивной базе носителя лингвокультуры кроме вербальной формы прецедентного имени, совокупности дифференциальных признаков хранится и набор атрибутов ПИ [Гудков, Красных, Захарченко, Багаева].

Атрибуты ПИ – это элементы, связанные с означаемым ПИ и хранящиеся в когнитивной базе представителей лингвокультуры, апелляция к которым потенциально возможна, но при этом они не являются необходимыми для его сигнификации (маленький рост Наполеона или Нельсона, зонтик Н. Чемберлена, брови Леонида Ильича Брежнева, трубка Сталина). Например:

*On May 10, under tremendous pressure, **Neville Chamberlain took his umbrella** and went home, dissolving the British government, which was replaced by one under the leadership of Winston S. Churchill* [Asimov, p. 9].

*“You cannot gauge brains by height.” “No, indeed,” said Lord Tilbury, **who was five-feet-six**. “Look at **Napoleon and Nelson!**”* [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 155].

*В паспорте была её фотография. Варвара поизучала её и так и эдак. ...И **брови серпиками** – Леонид Ильич Брежнев времён бестселлера «Целина»* [Устинова. Подруга особого назначения, с. 68].

*Представим **Иосифа Виссарионыча**, склонившегося с **трубкой** над планом операции...* [Толстая, с. 538–539].

Прецедентное имя обладает сложной структурой, ядром которой являются дифференциальные признаки. Окружение

ядра образуют атрибуты, а на самой дальней периферии располагаются потенциально возможные представления и знания о ПИ. Дифференциальные признаки и атрибуты образуют инвариант восприятия прецедентного имени (ИВПИ). Дифференциальные признаки могут включать следующие характеристики предмета:

- 1) по внешности;
- 2) по чертам характера;
- 3) по роду деятельности;
- 4) актуализация через прецедентную ситуацию;
- 5) актуализация через прецедентное высказывание.

Например, дифференциальным признаком прецедентных имен *Штирлиц* и *James Bond* в соответствующих лингвокультурах может быть характеристика по роду деятельности – «разведчик, агент секретной службы». Сопоставим заголовки статей из русской и английской газет. В статье, озаглавленной «**Штирлиц** на контракте», говорится о поправках в Федеральном законе «О внешней разведке» [Российская газета. 2007. № 14]. Автор использовал прецедентное имя популярного киногероя для обозначения российских разведчиков в целом. Статья под заголовком «**James Bond?** No, this was a real hero» посвящена английскому разведчику времён Второй мировой войны Патрику Делзелу [The Sunday Times. 2003. October 19]. Актуализация прецедентного имени *James Bond* может происходить и через прецедентное высказывание «*Bond. James Bond*», являющееся традиционной формой представления агента 007 в кинофильмах.

Дифференциальными признаками ПИ *Отелло* будут характеристика по внешности «мавр» и характеристика по чертам характера «ревнивый» (см. схему 1). Также существенна для данного ПИ прецедентная ситуация «убийство Дездемоны». В качестве атрибута может выступать «платок Дездемоны – повод для убийства». Потенциально возможными индивидуальными представлениями и знаниями о ПИ *Отелло* могут быть знания о роде его деятельности – «военачальник» и разница в возрасте с Дездемоной.

Схема 1. Структура III **Отелло**

Дифференциальные признаки составляют сложную систему определённых характеристик, имеющих неодинаковое значение для апелляции к прецедентному имени.

Среди дифференциальных признаков III **Отелло** основным будет характеристика по чертам характера, а внешность является второстепенным дифференциальным признаком, так как сопоставительный анализ английских и русских текстов показывает, что наиболее часто при употреблении данного III в дискурсе апелляция осуществляется именно к такой характеристике, как «ревнивый».

*“Personally,” said Hugo, I regard jealousy as a mug’s game. ...But Ronnie belongs more to the **Othello** or **green-eyed monster school of thought** [Wodehouse. Heavy Weather, p. 23].*

*У меня Катька просто **Отелло**. Только в ванную пойду, а она мигом проверяет голосовую почту в мобильном [Донцова. Бриллиант мутной воды, с. 164].*

Мы видим, что дифференциальные признаки данного III для носителей английской и русской лингвокультур сходны. В то время как атрибуты и потенциально возможные представления и знания о III могут значительно различаться в двух лингвокультурах.

Ronnie Fish gazed at her lingeringly. It needed, he felt, just this. Poison was running through his veins, his world was rocking,

green-eyed devils were shrieking mockery in his ears, and along came blasted aunts babbling of ties. It was as if somebody touched Othello on the arm as he poisoned the pillow and criticized the cut of his doublet [Wodehouse. Heavy Weather, p. 73].

Выражение *green-eyed devils*, представляющее собой измененную идиому *green-eyed monster* (ревность), соотносится с ПТ трагедии В. Шекспира «Отелло» и является одним из дифференциальных признаков ПИ. Они хранятся в когнитивной базе носителей английской и русской лингвокультур. Прецедентная ситуация «убийство Дездемоны», также являющаяся дифференциальным признаком ПИ *Othello*, передается в английском примере, приведенном выше, с помощью сочетания слов *poisoned the pillow*. Эти слова соотносятся в сознании носителя английской лингвокультуры с убийством Дездемоны и, следовательно, находятся на периферии структуры ПИ, так как в английских театрах традиционно в сцене убийства часто актеры, исполняющие роль Отелло, используют подушку. Для носителей русской лингвокультуры «подушка» не входит в структуру ПИ Отелло.

Апелляция к прецедентному имени может осуществляться и только через атрибуты ПИ или лексические единицы, характеризующие его. Например:

– А нету никаких гарантий! – радостно заявил Архипов. – Кроме слова регента и бывшего запевалы! Этот запевала-регент, вылезший из памяти, как будто помог ему, подмигнул хитрым глазом за треснувшим стеклышком пенсне [Устинова. Пороки и их поклонники, с. 270]. В данном случае лексические единицы «**регент и бывший запевала**» осуществляют апелляцию к ПИ **Коровьев-Фагот**, а «**треснувшее стеклышко пенсне**» является его атрибутом.

Источниками прецедентных имен могут являться следующие типы прецедентных ситуаций или текстов: исторические события, кинофильмы, произведения литературы, песни, мифы и фольклор.

It pains and surprises her when he mentions friends of his who, plunging hot-headedly into matrimony, spent years of subsequent regret. And when, staring woodenly before him, he bids her look at Samson, Doctor Crippen and other celebrities who were not fortunate in their domestic lives, she feels a certain alarm [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 167].

Источником прецедентного имени *Samson* является ПТ Библия, а источником прецедентного имени *Doctor Crippen* является реальная прецедентная ситуация (убийство английским врачом своей жены). Включение имени доктора Криппена в число словарных статей Longman Dictionary of Language and Culture доказывает его статус прецедентного феномена [LDLC].

Многие из наиболее часто употребляющихся прецедентных имен становятся фразеологическими единицами или компонентами фразеологических единиц, сохраняя свой статус ПИ. Как правило, основной дифференциальный признак ПИ становится основой смысла фразеологизма. Так, фразеологизм *Mark Tapley* (человек, не унывающий ни при каких обстоятельствах) образован от ПИ одного из героев романа Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит». Дифференциальным признаком данного прецедентного имени является характеристика по чертам характера «неунывающий, сохраняющий хорошее настроение при любых обстоятельствах», так как Диккенс сделал их основополагающими для данного персонажа. Марк Тэпли поставил целью своей жизни сохранять всегда хорошее настроение. Дифференциальным признаком ПИ, отраженного во фразеологической единице *дядя Стёпа*, является характеристика по внешности (высокий рост). Дифференциальными признаками Левши являются характеристики «талантливый, умелец».

К числу английских фразеологизмов, представляющих собой или включающих прецедентные имена, можно отнести *Casanova*, *Don Juan*, *Lady Bountiful*, *the Admirable Crichton*, *a Sisyphean task*, *Procrustean bed*, *Joe Miller*, *Rip Van Winkle*, *Jekyll and Hyde* и др. К русским фразеологизмам, включающим прецедентные имена, можно отнести следующие: *Филькина грамота*; *Шемякин суд*; как *Мамай прошёл*; *тяжела ты, шапка Мономаха* и т. д.

Прецедентные имена часто связаны коннотативными значениями с прецедентным текстом или ситуацией, являющимися источниками ПИ. Дифференциальные признаки и атрибуты, образующие инвариант восприятия ПИ, определяются источником ПИ. Соответственно, для понимания всех ассоциаций прецедентного имени необходимо знание его источника. Это точно отражено в романе Б. Акунина. Британец русского происхождения Николас Фандорин, хотя в совершенстве владеет русским

языком, никогда не видел фильм «Кавказская пленница» и поэтому не видит никакой связи этого названия с именем «Шурик». Тем более он не улавливает связи атрибутов имени с внешностью охотившегося на него киллера.

– Знаешь, кто вчера на тебя охотился? Киллер супер-класса. Кличка – **Шурик**, а настоящего имени никто не знает. – Какое странное прозвище – **Шурик**, – сказал Фандорин. – Киллер нового поколения, со своим стилем. Патриот шестидесятых: **техасы, кеды, Визбор и всё такое. Короче, «Кавказская пленница»**. – Какая пленница? – не понял магистр. – При чём здесь пленница? [Акунин. Алтын-Толобас, с. 177].

Словарь Macmillan English Dictionary for Advanced Learners определяет слово «scrooge» следующим образом: «someone who hates spending money» [Macmillan]. Этот же словарь устанавливает его источник. «From a character like this in Charles Dickens's story A Christmas Carol. Ebenezer Scrooge is a mean old man who hates Christmas» [Macmillan]. Из дефиниции становится очевидным дифференциальный признак ПИ Scrooge – скупость, определенный отличительной чертой персонажа Диккенса. Поэтому скупой герой мультипликационного сериала носит имя Скрудж Макдак. Апелляции к скупости как дифференциальному признаку ПИ Scrooge весьма частотны в современном английском дискурсе.

Например: *Government acting like **Scrooge** over midwives pay in England. The Government's attitude is **Scrooge-like** and it is shameful that **they are happy to sit back and let midwives in England work for less money than their colleagues in the other countries*** [Royal College of Midwives News. 10.07.07].

Дифференциальные признаки прецедентных имен, закрепленные в когнитивной базе среднего представителя лингвонационального сообщества, формируются именно через осознание их носителями лингвокультуры в контексте источника и закрепление ассоциативной связи с ним, причём характер ассоциаций может с течением времени изменяться.

*I wonder if their passion for beauty, the **Little Nell** of this shamefaced day, is anything more than sentimentality* [Maugham. Cakes and Ale, p. 105].

Маленькая Нелл – героиня романа Ч. Диккенса «Лавка Древностей» (1840–1841), девочка с трагической судьбой. Этот

образ имел огромный успех у современников, которые сочувствовали ей, восхищались её стойкостью перед испытаниями. Однако позднее стало традиционным осуждать его и критиковать роман в целом и образ Маленькой Нелл в частности за чрезмерную sentimentalность. Поэтому характер ассоциативной связи с источником изменился, и дифференциальным признаком ПИ *Little Nell* стала характеристика по чертам характера «sentimentальность». Именно поэтому С. Моэм употребляет данное ПИ в одном контексте со словом «sentimentality».

Именем *Павлика Морозова* в СССР называли пионерские дружины. Его поступок являлся хрестоматийным примером героизма для подрастающего поколения. В период перестройки произошла переоценка характера поступка Павлика Морозова, а в прецедентном имени доминирующим стал дифференциальный признак – прецедентная ситуация «предательство» (в частности, предательство родителей).

– *А что мама про папу рассказывает? А? – трёхлетняя кукла с огромным бантом не знает, что сказать. Доверчиво, ясно смотрит она на ласкового дядю. Она ещё не доросла до возраста Павлика Морозова* [Голстая, с. 577].

Поэтому при передаче прецедентного имени средствами другого языка следует учитывать смысл их употребления в источнике и культурные коннотации, присущие данному прецедентному феномену в лингвокультуре в определённый исторический период, чтобы избежать ошибки или неточности. Так, в комментарии к изданию романа Р.П. Уоррена «All the King's Men» на английском языке в СССР в 1979 году была допущена неточность объяснения прецедентного имени *Little Jack Horner*. Составители комментария не учли особенности появления ПИ в прецедентном тексте – детском стихотворении.

Little Jack Horner sat in a corner

Eating his Christmas pie.

He put in his thumb and pulled out a plum

And said "What a brave boy am I".

В комментарии к данному изданию романа, ориентированного на читателя, хорошо владеющего английским языком и, следовательно, знакомого в достаточной степени с английской лингвокультурой, объясняются малоизвестные реалии, аллюзии и выражения. Комментарий поясняет, что *Little Jack Horner*

означает «храбрый маленький мальчик из детского стишка» [Warren, p. 446]. Однако в английской лингвокультуре данное ПИ имеет дифференциальные признаки «самодовольство», «обжорство», а не «храбрость». Атрибутом этого имени является рождественский пирог или пудинг. Из самого прецедентного текста ясно, что «храбрость» не вытекает из прецедентной ситуации, описанной в тексте стихотворения. Об этом же свидетельствует контекст романа, в котором встречается ПИ *Little Jack Horner*:

There was a cartoon opposite the editorial. It showed the Boss, or rather, a figure with the Boss's head but a great swollen belly, dressed in a Buster Brown suit with the little pants tight above great hairy thighs. On one knee the monster balanced a big pudding and from the gaping hole in the top had just plucked a squirming little creature. The pudding bore the label The State and the squirming little creature the label Hardworking Citizen. From the mouth of the Boss's head came one of those balloons of words the comic-strip artists use to indicate the speech of their characters. It said: "Oh, what a good boy am I!" Under was the caption: Little Jack Horner [Warren, p. 355].

В разных текстах могут реализовываться разные дифференциальные признаки одного и того же прецедентного имени, что создает проблемы при составлении лингвокультурного комментария к тексту, так как комментарий должен быть достаточно кратким и в то же время описывать дифференциальные признаки. Так, межнациональное прецедентное имя *Гаргантюа* функционирует в дискурсе как английского, так и русского языков. Ядро его структуры образуют два дифференциальных признака: «великан, человек огромного роста и силы» и «огромный аппетит».

Этот вечерний чай в духе Гаргантюа, по расчетам Молоховец, хорош для дружеской беседы [Толстая, с. 377]. Здесь актуализируется дифференциальный признак – «огромный аппетит».

Дедок, увидав крайнее расстройство чувств гостыи, впал в ещё больший ажиотаж и затарахтел, словно погремушка в руках у Гаргантюа [Донцова. Старуха Кристи отдыхает..., с. 39].

A large Negro in a white uniform stood beside his bed. ... He expected to be lifted like a child by this black Gargantua who was tending him [Fitzgerald, p. 40–41].

Очевидно, что в двух последних примерах актуализируется дифференциальный признак: «великан, человек огромного роста и сила». Однако комментарий к этому прецедентному имени в книге Д.А. Донцовой гласит: «*Гаргантюа – главный герой книги французского писателя Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»* [Донцова. Старуха Кристи отдыхает..., с. 39]. Такое пояснение представляется недостаточным, так как в нём не упоминается основной дифференциальный признак.

3.6. Прецедентное высказывание

Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности. В лингвокультурном понимании прецедентное высказывание является культурным явлением, представляющим собой часть прецедентного текста или описания прецедентной ситуации, которая может быть или не быть предикативной. Например, «Все смешалось в доме Облонских» является одновременно и прецедентным высказыванием, и частью ПТ «Анна Каренина». Прецедентное высказывание отличается от прецедентного текста не только объёмом, но и формой хранения в когнитивной базе среднего представителя лингвокультурного сообщества. Если прецедентный текст хранится в виде скрипта (сценария), то прецедентное высказывание существует в когнитивной базе в форме клише. В когнитивную базу среднего представителя лингвокультурного сообщества входит само прецедентное высказывание и сумма его значений-смыслов [Красных, 2002, с. 48]. Так, статья в «Times», повествующая о намерении бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони не сдаваться и продолжить борьбу за свое восстановление в должности, снабжена заголовком «*I'll be back, writes beaten Berlusconi*» [The Times. 2006. May 26]. В заголовке использовано ПВ «*I'll be back*», источником которого является фильм «Терминатор». В фильме эту фразу произносил киборг-убийца и она носила угрожающий характер. Используя данное прецедентное высказывание, автор статьи обращается к сумме культурных смыслов, связанных с этим ПВ и хранящихся в когнитивной базе представителя лингвокультуры. Автор показывает тем самым воинственный настрой Берлускони и подчеркивает вероятность его возвращения. Примечательно, что и в русскую

лингвокультуру ПВ «*I'll be back*» вошло, сохранив английскую форму. Как и все прецедентные феномены, ПВ могут являться социумно-прецедентными, национально-прецедентными, универсально-прецедентными. В процессе межкультурной коммуникации наибольшее количество затруднений связано, как правило, с национально-прецедентными высказываниями, потому что в сознании носителей лингвокультуры они связаны определенными коннотациями со своими источниками. А эти источники часто неизвестны представителям другой лингвокультуры. Так, в романе Б. Акунина «Алтын-Толобас» Николас Фандорин не понимает, почему его собеседница называет его «ёжиком в тумане»:

Ты похож на ёжика в тумане. – Почему? – удивился Николас. То есть, почему в тумане, понятно. Но почему ёжик? Разве я колючий? [Акунин. Алтын-Толобас, с. 132–133].

Аналогично, человеку, не являющемуся представителем американской лингвокультуры, будет непонятен пафос ответа леди Джулии из романа П. Дж. Вудхауза “Heavy Weather” на обвинение в том, что она заставляла своего сына разорвать помолвку с девушкой, которую она считала недостойной:

*I may have pointed out to him once or twice the inadvisability of marrying a girl who appears to be in love with another man. **If this be treason, make the most of it*** [Wodehouse. Heavy Weather, p. 161].

Последнее предложение приписывается Патрику Генри, который якобы произнес его, выступая за независимость Америки от Великобритании в 1765 году. Этот факт известен среднему американскому школьнику и является прецедентным высказыванием, входящим в когнитивную базу среднего представителя англоязычной лингвокультуры.

Прецедентные высказывания могут быть представлены в дискурсе как точная цитата, фрагмент цитаты или измененное высказывание. Соответственно, в состав фразеологии ПВ может войти как в измененном виде, так и в неизменном.

Сравните:

«*What will Mrs Grundy say?* (что скажут люди?)» и «**Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!**».

Миссис Гранди – персонаж комедии Т. Мортонa “Speed the Plough”, а второе прецедентное высказывание из комедии

А.С. Грибоедова «Горе от ума». Оба эти ПВ можно охарактеризовать как неизменные. Заголовок статьи, сообщающей о начале работы по монтажу оптоволоконной связи «**Быстрее, дешевле, надежнее!**» [Вечерний Омск. 2007. 3 окт. № 72, с. 7], представляет собой измененное прецедентное высказывание – девиз Олимпийского движения «Быстрее, выше, сильнее (Citius, altius, fortius)».

Измененные прецедентные высказывания, относящиеся к национально-прецедентным феноменам, могут вызвать значительные затруднения при понимании у людей, не являющихся носителями данной лингвокультуры. Так, в романе П.Дж. Вудхауза «Sam the Sudden» главный герой, забрав деньги у спящего приятеля, оставляет ему записку содержащую измененное национально-прецедентное высказывание. «*Dear Bradder: You will doubtless be surprised to learn that I have borrowed your money. I will return it in God's good time. Meanwhile, as Sir Philip Sidney said to the wounded soldier, **my need is greater than yours***» [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 66]. Юмор ситуации может быть непонятен, если не знать исходный текст самого ПВ и ПС, когда генерал, оказывая помощь солдату, сказал: «**Your need is greater than mine**». Таким же образом, человеку, не являющемуся представителем русского лингвокультурного сообщества, будет трудно понять, с каким шефом собирается советоваться человек, произнесший следующую фразу, если он не видел фильма «Бриллиантовая рука»:

Нет уж, на это я пойти не могу! Мне надо посоветоваться с шефом, Михайло Ивановичем! [Устинова. Пять шагов по облакам, с. 30].

Структура прецедентного высказывания имеет следующий вид:

1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;

3) системный смысл, представляющий собой «сумму» глубинного значения (при наличии такового) высказывания и значения прецедентного феномена (текста, ситуации) и связанных с последним коннотаций [Красных, 2003, с. 209].

Рассмотрим следующий пример. В романе П.Дж. Вудхауза дворецкий получает от неприятного ему частного детектива распорядение принести бутылку шампанского. *There in a nutshell, he was feeling you had the tragedy of a butler's life. His not to reason why; his not to discriminate between the deserving and the undeserving; his but to go and bring bottles of champagne to marcelled-haired snakes to whom he would greatly have preferred to supply straight cyanide* [Wodehouse. Heavy Weather, p. 180]. В этом отрывке встречается измененное ПВ, источником которого является поэма А. Теннисона «The Charge of the Light Brigade» (1854). Как можно видеть, высказывание обладает поверхностным значением, которое равно сумме значений компонентов высказывания, и глубинным значением, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ. Глубинное значение ПВ «it is not someone's place to question a situation, order, or system» отражено в его идиоматическом значении «приказы не обсуждаются, долг превыше всего», представленном в словаре идиом [ODI].

Системный смысл ПВ представляет собой «сумму» глубинного значения ПВ и знание как прецедентного текста-источника поэмы А. Теннисона, так и прецедентной ситуации. В ходе Крымской войны британская кавалерия беспрекословно выполнила приказ, пославший кавалеристов на верную смерть, в конном строю атаковать хорошо укрепленные артиллерийские позиции русской армии. В результате погибли сотни британских солдат и офицеров. С последним связаны коннотации, так как для Британии это явилось трагическим событием. По воспоминаниям современников, значительная часть жителей Лондона носила траур. Трагический характер носит и описание этого события в поэме А. Теннисона, что отражает и само ПВ и контекст его использования дворецким «tragedy of a butler's life». По данным лингвокультурологического словаря Longman Dictionary of Language and Culture у жителей Великобритании в настоящее время Крымская война ассоциируется с прецедентными феноменами: прецедентным именем Florence Nightingale и прецедентной ситуацией и текстом The Charge of the Light Brigade [LDLC].

Источниками ПВ могут являться:

1. Классические или популярные тексты художественной литературы.

Былое и думы омских казаков [Вечерний Омск. 2007. 11 июля. № 51, с. 1].

Текст, содержащий прецедентное высказывание, – заголовок статьи из газеты о проблемах омских казаков. Источник – название автобиографического произведения А.И. Герцена «Былое и думы».

Alice Enters Wonderland New Albums: Our critic finds Alice Martineau's dreams are coming true [The Sunday Times. 2003. August 10]. Текст, содержащий прецедентное высказывание – заголовок статьи из «The Times» о дебюте молодой певицы Эллис Мартино. Источник – название сказки Льюиса Кэрролла.

2. Названия известных произведений искусства.

«Жучки» *прилетели* [Известия. 2003. 22 мая, с. 8]. Источник – название картины А. Саврасова «Грачи прилетели».

3. Популярные кинофильмы и мультфильмы, телесериалы и программы.

May the Force be With You: Exploring the effects of faster scarier amusement park rides [The New York Times. 2002. June 25]. Источник – фильм «Star Wars».

Andrew Sullivan: Hasta la vista, baby – Arnie is the future [The Sunday Times. 2003. October 12]. Источник – кинофильм «Terminator 2: Judgment Day».

«Усы, лапы и хвост – вот и все документы...» [РГ. 2007. 7 сент., с. 24]. Источник – популярный мультфильм «Трое из Простоквашино».

4. Песни.

Confessions of a tourist: Rock Around the Clock [The Sunday Times. 2003. August 10]. Источник – название песни **Rock Around the Clock**.

«*Вот Сафин с горочки спустился*» [Российская газета. 2007. 28 сент., с. 28].

«*Эй вы там, наверху!*» [Неделя. 2006. 18 окт., с. 19].

5. Описание прецедентных ситуаций.

Don't you think it would be more interesting if you went the whole hog and drew him warts and all [Maugham. Cakes and Ale, с. 115]. Источником является замечание, сделанное Оливе-

ром Кромвелем художнику, писавшему его портрет. Кромвель потребовал, чтобы тот изображал его без прикрас: «Remark all these roughnesses, pimples, warts, and everything as you see me» [ODI].

6. Политические лозунги, труды и выступления политических деятелей.

On the side of angels (on the side of what is right). В своей речи в 1864 году британский государственный деятель Дизраэли высказался по поводу споров о происхождении человека, разгоревшихся в связи с публикацией работы Ч. Дарвина, следующим образом: «Is man an ape or an angel? Now I am *on the side of the angels*» [ODI].

«*Хлеба к обеду в меру бери*» [Вечерний Омск. 2007. 3 окт. № 72, с. 3]. Источник – популярный лозунг советского периода «Хлеб – богатство, его береги; хлеба к обеду в меру бери».

Представляется возможным, добавить к этому перечню источников ПВ и саму практику повседневного общения, с устойчивыми выражениями, закрепленными не нормами языка, а обычаями, традициями и стереотипами поведения. Так, на багажнике автомобиля, увозящего американских молодоженов в свадебное путешествие, принято писать «*Just married*». То, что это является прецедентным высказыванием, подтверждает его «обыгрывание» в пародийном американском фильме, где на багажнике автомобиля, в котором увозят человека, арестованного по обвинению в убийстве, написано «*Just murdered someone*». Другой американский фильм называется «*Sweet Home*», что является частью высказывания «*Home, sweet home*». В одном из рассказов Ф.С. Фицджеральда молодой человек получает записку, содержащую шаблонную фразу, предваряющую сообщение невесты её бывшему возлюбленному о помолвке или свадьбе с другим.

There was the usual insincere little note saying: "I wanted you to be the first to know." It was a double shock to Michael, announcing, as it did, both the engagement and the eminent marriage; which moreover, was to be held, not in New York but here in Paris [Fitzgerald, p. 213].

Конечно, для среднего представителя другой лингвокультуры источник ПВ может быть неизвестен, поэтому авторы текста вводят своеобразные маркеры прецедентного высказывания,

к которым могут относиться указание на сам источник ПВ, его автора или указание на прецедентный характер высказывания. Так поступает Т. Толстая, используя прецедентное высказывание, характерное для русской лингвокультуры, но неизвестное среднему представителю американской лингвокультуры. В рецензии, подготовленной для New York Review of Books, она пишет следующее.

Всем русским известна знаменитая ленинская фраза: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством» [Толстая, с. 75].

Сравните: “Yes, gentlemen,” he said, “*Shakespeare* was right. *There is a divinity that shapes our ends, rough-hew them how we will*” [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 21].

В текстах, ориентированных на носителя лингвокультуры маркер не вводится или вводится от случая к случаю. “*It is Fate, Hawk,*” I said, “*simply Fate. There is a divinity that shapes our ends, rough-hew them how we will, and it’s no good grumbling*” [Wodehouse. Love Among The Chickens, p. 102].

Слова «всем русским известна» являются для представителей другого лингвонационального сообщества маркером прецедентного статуса высказывания, а словосочетание «ленинская фраза» указывает носителям американской лингвокультуры на источник ПВ. Носителям русской лингвокультуры подобный маркер показался бы излишним.

Многие прецедентные высказывания с течением времени становятся единицами фразеологии. В их числе можно назвать следующие:

It takes two to tango (от названия песни “Takes Two to Tango”, созданной в 1952);

Not the only pebble on the beach (от названия песни “You’re not the only Pebble on the Beach”, появившейся в 1897);

The Corridors of Power (от названия романа, созданного Ч.П. Сноу в 1964);

The man on the Clapham omnibus (определение обычного, среднего человека, подходящего на роль присяжного, приписываемое английскому судье лорду Боуэну [ODI];

а счастье было так возможно (из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина);

а ларчик просто открывался (из басни И.А. Крылова «Ларчик»);

на деревню дедушке (из рассказа А.П. Чехова «Ванька») [Шанский, Зимин, Филиппов].

Не всегда можно однозначно определить соотношение прецедентного имени, ситуации и высказывания в дискурсе. Апелляция к прецедентным текстам у носителей определенной лингвокультуры носит сложный характер. Сопоставим следующие примеры.

«Спасибо товарищу Пырьеву за наше “Иваново детство” – этот сочиненный мною лозунг висел при входе в Центральный дом литераторов, и все смеялись над Пырьевым, гнобившим Тарковского на “Мосфильме”» [Розовский, с. 296]. Прецедентное высказывание сталинской эпохи *«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»* изменяется автором лозунга путём замены ПИ Сталин на ПИ Пырьев (выдающийся советский кинорежиссёр и один из руководителей «Мосфильма») и через замену лексической единицы «счастливое» на «Иваново», что в сочетании со словом детство образует новый ПФ (название кинофильма А. Тарковского «Иваново детство»). В тот исторический период, который можно охарактеризовать как ПС, обозначаемую словами «оттепель» и «шестидесятые», включение имени Пырьева в высказывание, ассоциируемое со Сталиным, не только придает этому имени отрицательную коннотацию, но и описывает атмосферу преследования, сложившуюся на «Мосфильме» вокруг Тарковского.

Заголовок статьи в «The Times», описывающей изменения в идеологии современных сказок, *«Some Day My Prince Will Relocate»* [The Times. 2005. January 7] представляет собой измененное прецедентное высказывание *«Some Day My Prince Will Come»* из мультфильма «Snow White and the Seven Dwarves» («Белоснежка и семь гномов», 1937 г.), который является классическим образцом фильма-сказки и входит в англоязычное коллективное когнитивное пространство. В данном случае заголовок статьи является не столько апелляцией к прецедентному высказыванию, сколько апелляцией к прецедентному тексту, имеющему сказочный характер, что и образует ассоциативную связь между заголовком, прецедентным текстом и содержанием статьи. Изменение ПВ через замену слова не затрудняет у предста-

вителей английской лингвокультуры ассоциации со сказочным характером прецедентного текста, в состав которого входит данное прецедентное высказывание.

Сопоставление измененных прецедентных высказываний, встречающихся в художественных текстах или текстах средств массовой информации, показывает, что основные способы изменения ПВ как в английском, так и в русском языках являются одинаковыми.

1. Добавление в текст прецедентного высказывания одной или нескольких новых лексических единиц.

«*Возвращение кавказской пленницы*» [Российская газета. 2006. № 252]. Источник – комедия Леонида Гайдая «*Кавказская пленница*».

Of Human Bondage and Literary Handcuffs [The Times. 2003. January 29] Источник ПВ – роман С. Моэма «*Of Human Bondage*».

2. Опускание одного или нескольких единиц, входящих в текст прецедентного высказывания.

Bell Tolls for Fletcher. One more coach for whom the wheels fell off [The Times. 2007. January 29]. Источник – роман Эрнеста Хэмингуэя «*For Whom the Bell Tolls*».

3. Замена одной или нескольких лексических единиц, входящих в текст прецедентного высказывания.

«*Женщина нижегородского лейтенанта*» [Известия. 2003. 22 мая, с. 8]. Источник – роман Дж. Фаулза «*French Lieutenant's Woman*» («Женщина французского лейтенанта»).

The words, "Infirm of purpose, give me the sandbag!" seemed to be trembling on her lips [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 166]. Источник – пьеса Шекспира «*Макбет*».

4. Включение основного смыслового элемента прецедентного высказывания в текст нового высказывания.

«*Не пуля – дура, а вооруженный американец*» [Вечерний Омск – Неделя. 2007. 20 апр., с. 2]. Источник – высказывание А.В. Суворова «Пуля – дура, штык – молодец».

Gone with the Wine [The New York Times. 2005. March 4] – название статьи, посвященной актёрам, которые снимались в фильме «*Days of Wine and Roses*» и после этого больше не появлялись на экране. Источник – названия фильмов «*Gone with the Wind*» и «*Days of Wine and Roses*».

Таким образом, можно утверждать, что и в русском, и в английском языках действуют одинаковые механизмы изменения прецедентных высказываний. А следовательно, одинаковый характер имеют механизмы восприятия смысла измененного ПВ адресатами акта коммуникации.

Как правило, прецедентные высказывания связаны определенными коннотациями с текстом или ситуацией, являющимися источником данного ПВ. Эти коннотации детерминируются характером прецедентного текста или ситуации.

This red notebook was one of these discoveries, a footprint in the sand. It put beyond a doubt the fact that the outer world really existed [Huxley, p. 191–192]. **A footprint in the sand** – нечто, неожиданное и потому вызывающее тревогу. Это высказывание было употреблено впервые в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо» в эпизоде, когда Робинзон впервые обнаруживает на необитаемом острове след человека, что вызывает у него тревогу и волнение. Как можно видеть, коннотация этого выражения обусловлена ситуацией и текстом романа. Используя термин логоэпистема, В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова описывают то же самое явление. Будучи рождена, логоэпистема отрывается от текста, живет своей жизнью, её значение приобретает устойчивость и однозначную определенность. Чтобы приписать ей иное значение, надо воскресить текст, отыскать в нём какую-то зацепку, позволяющую исказить уже закрепившееся значение [Костомаров, Бурвикова, 2001, с. 47]. Смысл прецедентных феноменов («логоэпистем» по терминологии Костомарова и Бурвикова) в том, что они позволяют кратко, одним намеком, «свернуто» выразить мысль и чувство [Костомаров, Бурвикова, 2001, с. 48].

В романе П.Дж. Вудхауза влюблённый Рональд Фиш, возвращаясь со свадьбы своего друга в замок, где его ждёт любимая девушка, на которой он собирается жениться, пребывает в счастливом расположении духа. *It was with a perceptible effort that he checked himself from saying to the driver of the station cab, “Wilt thou, Robinson, take this Ronald to Blandings Castle?”* [Wodehouse. Heavy Weather, p. 63]. Изменение ПВ “Wilt thou, ..., take this...?”, являющегося частью церемонии бракосочетания в англиканской церкви, основывается на широкозначности глагола take, который в разных словосочетаниях может иметь значение «взять кого-либо в супруги» и «отвезти кого-либо». Ассоциации,

связанные с данным ПВ у носителей английской лингвокультуры, создают характеристику душевного состояния героя, не нуждающуюся в дополнительном разъяснении для среднего представителя английского лингвонационального сообщества.

Сопоставление прецедентных феноменов в английской и русской лингвокультурах позволяет выявить, что их объединяет много общего в способах образования, их структуре, их источниках, способах апелляции к прецедентным феноменам в дискурсе. Национально-специфичные особенности прецедентных феноменов определяются историческим и духовным опытом каждой нации.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захарченко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2003.

3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдения над русским словоупотреблением конца XX в. – СПб., 2001.

5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002.

6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Как Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты?
2. В чём заключается расширенное понимание прецедентных текстов?
3. В чём заключается более узкое понимание термина «прецедентный текст», представленное в трудах Ю.А. Сорокина и И.М. Михалевой?
4. Какие типы ПФ выделяет В.В. Красных?
5. Какие феномены относятся к социумно-прецедентным?
6. Какие феномены относятся к национально-прецедентным?
7. Какие феномены можно отнести к межнационально-прецедентным?
8. Какие виды ПФ выделяют в лингвокультурологии?

9. Как можно определить прецедентную ситуацию?
10. Что можно отнести к признакам прецедентной ситуации?
11. Что считается инвариантом восприятия прецедентной ситуации (ИВПС)?
12. Какими способами может осуществляться апелляция к ПС?
13. Что следует считать прецедентным текстом?
14. Какими способами может осуществляться апелляция к ПТ?
15. Что следует считать прецедентным именем?
16. Что образует структуру прецедентного имени?
17. Что относится к дифференциальным признакам прецедентного имени?
18. Что относится к атрибутам прецедентного имени?
19. Что следует считать прецедентным высказыванием?
20. Что образует структуру прецедентного высказывания?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ИТОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Приведите примеры национально-прецедентных феноменов из английского и русского языков.
2. Найдите примеры апелляции к прецедентной ситуации в текстах на английском и русском языках.
3. Прокомментируйте особенности апелляции к прецедентным ситуациям, обнаруженных в английских и русских текстах.
4. Приведите примеры прецедентных текстов, характерных для английского и русского языков.
5. Найдите примеры обращения к прецедентным именам в английских и русских текстах и прокомментируйте их.
6. Объясните, к каким дифференциальным признакам прецедентных имен, обнаруженных вами, осуществляется апелляция.
7. Приведите примеры атрибутов прецедентных имен из английского и русского языков.
8. Найдите в английских и русских текстах примеры ПВ из английского и русского языков. Прокомментируйте их.
9. Найдите во фразеологических словарях примеры прецедентных феноменов (ситуаций, текстов, имен, высказываний), вошедших во фразеологический фонд английского и русского языков. Постарайтесь объяснить, почему эти ПФ стали фразеологизмами.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И КОММЕНТИРОВАНИЯ ИЗУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА

Задание 1. Прочитайте следующие тексты. Сопоставьте английские и русские тексты. Найдите в них прецедентные феномены: 1) *социумно-прецедентные*; 2) *национально-прецедентные*; 3) *межнационально-прецедентные*.

1) You might have supposed that the return of Lancelot Mulliner from Putney would have resembled that of the late Napoleon from Moscow [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 86].

2) He would hole up in a hotel room and work some more on his speech. He kept on polishing and revising the damned thing. He was hell-bent on making each one a second Gettysburg Address [Warren, p. 79].

3) Beau Brummell himself could not have remained spruce after lying in four inches of mud with six-foot pig-man on top of him [Wodehouse. Heavy Weather, p. 238].

4) – Тебе ничего не угрожает, – холодно сказала Инна, – ни тебе, ни твоей карьере. Я всё возьму на себя. – Александр Маргосов, – пробормотал Ястребов недовольно [Устинова. Первое правило королевы, с. 315].

5) It was the sort of mob-scene which would have made David W. Griffith scream with delight [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 21].

6) Больно у тебя фигура приметная с твоим баскетбольным ростом. Наша ментура, конечно, не Скотленд-Ярд, но если поступит ориентировка на дядю Степу иностранного вида, тебя в два счета сцапают [Акунин. Алтын-Толобас, с. 190].

7) “There! Willie roared. “There!” And he waved his right hand, the clutching the manuscript of his speech. “There is the Judas Iscariot, the lickspittle, the nose-wiper!” [Warren, p. 98].

8) Я б в торговые пошёл – пусть меня научат [Неделя. 2006. 1 нояб., с. 8].

Задание 2. Прочитайте следующие примеры. Найдите в них прецедентные феномены.

1) I didn’t know that Henry the Eighth was married more than once or that Shelley was a poet [Webster. Daddy-Long-Legs, p. 31].

2) “Be quiet, can’t you?” said Miss Lippett. Mr Braddock gazed austere into the depths. Except that the position of the characters were inverted and the tone of the dialogue somewhat different, it might

have been the big scene out of *Romeo and Juliet* [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 171].

3) В Москву! В Москву! К колесу! [Толстая, с. 577].

4) Very upsetting, especially since this is one more story that discusses fission before Hiroshima [Asimov, p. 13].

5) Churchill noting the despair now growing in many British hearts, responded with his famous “Blood, Tears, Toil and Sweat” speech [Asimov, p. 9].

6) Теперь самое время туристам вспомнить незабвенного Кису Воробьянинова со шляпой в руке: «Господа, подайте...» – ну и так далее... [Вечерний Омск – Неделя. 2007. 3 окт., с. 2].

7) И чтобы страховка не подвела [Российская газета. 2007. 27 июля, с. 7].

8) And I remember now the surprise I felt when I heard that word there in the air like the echo of a word spoken by somebody else God knows how many years before, and now unfrozen like a word in Baron Munchausen’s tale [Warren, p. 272].

9) I find that I am the only girl in college who wasn’t brought up on Little Women. I haven’t told anybody though (that WOULD stamp me as queer). I just quietly went and bought it with \$1.12 of my last month’s allowance [Webster. Daddy-Long-Legs, p. 31–32].

10) He passed from the room? Erect and dignified, like some young aristocrat of the French Revolution stepping into the tumbrel [Wodehouse. Heavy Weather, p. 238].

Задание 3. Определите тип прецедентного феномена. Прокомментируйте, каким путём происходит апелляция к данному феномену. Сопоставьте способы апелляции к прецедентным феноменам в английских и русских примерах.

1) Frederik hesitated. He came of a proud family. A Mulliner had once received the thanks of his Sovereign for services rendered on the field of Crécy [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 122].

2) The passengers on the Titanic sang “Nearer my God to Thee” as the ship was going down [Huxley, p. 81].

3) “Did you call me a slug?” he asked sternly. “In a purely Pickwickian sense,” said Lady Julia. “Ah,” said Pilbeam, his affability returning. “That’s different” [Wodehouse. Heavy Weather, p. 182].

4) I never read Mother Goose or David Copperfield or Ivanhoe or Cinderella or Blue Beard or Robinson Crusoe or Jane Eyre or Alice in Wonderland or a word of Rudyard Kipling [Webster. Daddy-Long-Legs, p. 19].

5) Публика, рванувшая со всей страны на Поле Чудес в Стране Дураков – а именно там это поле, как известно, и находится, тоже без стеснения торгует детьми [Толстая, с. 577].

6) Высадка американцев в Нормандии в 1944 году проходила под кодовым названием «Микки-Маус» (представим Иосифа Виссарионовича, склонившегося с трубкой над планом операции «Буратино»); 50-летие Мыши праздновали в Белом Доме (вообразим Чебурашку в Георгиевском зале, Сулова с Крокодилом Геной под блинами фотовспышек) [Толстая, с. 538–539].

7) Теперь нечего достать из широких штанин... Защитника футбольного «Зенита» Николаса Ломбертса во время визита его сборной Бельгии в Казахстан обокрали во время разминки команды. Неизвестные злоумышленники вытащили через окно тренировочные штаны защитника сборной Бельгии. В кармане брюк футболист оставил два мобильных телефона, бумажник с водительскими правами [Вечерний Омск – Неделя. 2007. 19 сент. № 51, с. 9].

8) Lying on the table in the morning-room he saw his own book of poems. What tact! He picked it up and opened it. ... He read at hazard. ... He put it down again, shook his head, and sighed. "What genius I had then!" he reflected, echoing the aged Swift [Huxley, p. 39–40].

9) "The village," she said in her quiet voice, "the village grows worse and worse every day." "What has happened now?" asked Mr. Bodiam, feeling suddenly very weary. "I'll tell you." ... In the village of Crome, it seemed, Sodom and Gomorrah had come to a second birth [Huxley, p. 89].

10) He seemed to be in complete agreement with Shakespeare's dictum that a friend, when found, should be grappled to you with hooks of steel [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 15].

11) Последнее восклицание получилось чересчур эмоциональным, пожалуй, даже детским, и, верно, сильно подпортило образ немногословного и сдержанного агента секретной службы её величества («Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд»), который, кажется, нарисовал себе Иосиф Гурамович [Акунин Алтын-Толобас, с. 257].

Задание 4. Определите, к каким дифференциальным признакам прецедентного имени происходит апелляция. Составьте краткий комментарий к прецедентному имени, учитывая контекст. Составьте использование прецедентных имен в английском и русском дискурсе.

1) Ещё разница в том, что медведь не хамил и не растлевал детей. А что делает ваша мама? – склоняется балаганный *Свидри-*

зайлов к прелестной провинциальной девочке, лет десяти с виду [Толстая, с. 576].

2) Порой он совершеннейший **микеланджелевский Давид**, только в смазных сапогах, и их блеск зеркален [Толстая, с. 438].

3) Frederick Mulliner gave himself up to gloomy reflection. He had just put in about two minutes' intense thought of a kind which would have made the meditations of **Schopenhauer** on one of his bad mornings seem like the day-dream of **Polyanna** [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 122].

4) "When the man comes down into the kitchen again you are waiting and you bean him one with a sandbag." – "I couldn't do it, petty, said Mr Molloy. I've never beaned any one in my life." Dolly exhibited the impatience which all wives, from **Lady Macbeth** downward through the ages, have felt when their schemes appear in danger of being thwarted by the pusillanimity of a husband [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 166].

5) – Не знаю никакую дачку, ничего не знаю, ничего не скажу тебе, гнида! – У-у, – протянул Архипов. – Ты у нас, оказывается, **Зоя Космодемьянская!** Он с силой постучал Витька лбом об пол, опять поднял и опять спросил: – Вспомнил, где дачка-то, партизан **Луиза Чайкина?** Или ещё постучать? [Устинова. Пороки и их поклонники, с. 247].

6) Well, I could go back to sleep now. Till my cash ran out anyway. I could be **Rip Van Winkle**. Only I thought that the Rip Van Winkle story was all wrong. You went to sleep for a long time, and when you woke up nothing whatsoever had changed [Warren, p. 111].

7) "And every day I realize more clearly that sooner or later I shall ask her to marry me." "Don't do it," said Mr McKinnon, a stout bachelor. "You're too young to marry." "So was **Methuselah**," said James, a stouter [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 158].

8) "I haven't got an office-boy. Who do you think I an – **Pierpoint Morgan?**" [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 95].

Задание 6. Сопоставьте использование ПФ в английских и русских текстах. Выявите сходство или различие. Составьте комментарий к данным прецедентным феноменам. При выполнении данного задания рекомендуется пользоваться энциклопедическими словарями Britannica, Americanna и отечественными энциклопедиями. Дополнительный материал можно найти в Интернет-источниках.

1) The other Gladys recognized from the portrait which she had seen on Lancelot's easel as that modern *Du Barry*, that notorious wrecker of homes and breaker-up of love-nests, Brenda Carberry-Pirbright [Wodehouse. *Mulliner Nights*, p. 183].

Думаю, любовница эта отнюдь не юная дама, явившаяся на похороны. Твоё дело вычислить кису и допросить её как следует. Теперь осталось сообразить, кто из дам «*маркиза Помпадур*» [Донцова. *Старуха Кристи отдыхает...*, с. 148–151].

2) *Gone With the Wind* Turbines: The scenic beauty of the Scottish landscape is being destroyed by large-scale eco-development [The Guardian. 2004. December 26]. Заголовок статьи, рассказывающей о том, что красота пейзажей Шотландии испорчена пристройками к ветряным мельницам, целью сооружения которых является поиск альтернативных источников энергии.

Табор уходит в школу: В Омске открыты цыганские классы [Российская газета. 2007. 5 окт., с. 18].

3) *Bell Tolls for Fletcher*: one more coach for whom the wheels fell off [The Times. 2007. January 29]. Заголовок статьи, сообщающей о том, что карьера тренера Д. Флетчера находится под угрозой.

– Да нечего тут рассказывать, – вскочил Чурилин, – подумаешь какая *сага о Форсайтах!* [Довлатов, с. 82].

4) *Don't worry, be happy*, look at the snowdrops: As a scientist devises a formula to prove that today is the most depressing day of the year, Times writers find reasons to be cheerful [The Times. 2005. January 24].

«*Сделать хотел грозу, а получил козу...*». Гениальные изобретения порой рождаются абсолютно случайно [Ваш Ореол. 2006. 11 окт., с. 23].

5) *May the water force be with you* [The Sunday Times. 2003. December 7] – название статьи о фанатах дайвинга.

Джина не любила сильных эмоций, потому что, подобно *рыцарю Джедаю*, чувствовала колебание «*великой силы*» [Устинова. *Первое правило королевы*, с. 213].

6) During all that time I didn't see Willie. I didn't see him again until he announced in the Democratic primary in 1930. But it wasn't a primary. It was hell among the yearlings and *the Charge of the Light Brigade* and Saturday night in the back room of Casey's saloon rolled into one [Warren, p. 337].

И почему никто у меня не спрашивает, что за *Совет в Филях?* [Устинова. *Пять шагов по облакам*, с. 24].

7) “I hope you don’t mean that as a compliment,” she said. “No, just a scientific observation.” “Well, it don’t make you any *Einstein*.” “You mean because it is not true that we have a lot in common or because it is so obviously true that it doesn’t take *Einstein’s* brain to figure it out?” [Warren, p. 337].

О боже, – закатила глаза Ленка, – вы, конечно, самый сообразительный у нас! Прямо Кричевский! – Кто? – Кричевский. – Наверное, ты хочешь сказать *Лобачевский* [Донцова. Бриллиант мутной воды, с. 268].

Глава 4

СТЕРЕОТИПЫ

Задания для самостоятельного изучения материала

1. Прочитайте текст. Сопоставьте определения стереотипов. Установите различия.
 2. Подготовьте краткое сообщение о механизме формирования и функционирования стереотипов
 3. Изучив текст, подготовьте сообщение об источниках получения информации о стереотипах.
 4. Ознакомившись с текстом, подготовьте сообщение о классификациях стереотипов. Какая классификация представляется вам более подробной и обоснованной?
-
-

Когда кто-нибудь уходит не прощаясь, немцы называют это «*Französisch Abschied nehmen*» (прощаться по-французски), французы – «*partir à l'anglaise*» (уходить по-английски), англичане – «*to take French leave*», а русские используют выражение «уходить по-английски». Носители каждой соответствующей лингвокультуры, не задумываясь, приписывают такой способ ухода представителям другой нации, имплицитно выражая мнение, что такая черта является необычной, и присуща только одной этнической группе. Это явление объясняется тем, что у каждого народа имеется набор стереотипов, ассоциирующихся с определенными национальными или социальными группами. Так, например, в глазах французов бельгийцы выглядят лишёнными юмора простаками-тугодумами, швейцарцы – ограниченными, скуповатыми и расчётливыми педантами, итальянцы – любителями приврать. В перечне французских этнических стереотипов грек представляется оборотистым человеком, турок – физически сильным, поляк – не дураком выпить. Англичан нередко упрекают в корыстолюбии и эгоизме. В русских французы ценят раз-

мах, широту, сердечность, выдержку и стойкость в беде [Садохин, Грушевицкая, с. 294]. В процессе интерпретации поведения представителей одной культуры представителями иной культуры его объяснение во многом определяется стереотипными представлениями каждой из сторон о другой, поэтому сопоставление функционирования стереотипов в разных лингвокультурах приобретает особое значение, так как оно позволяет прояснить природу данного явления и выявить сходство или различие стереотипов, выраженных средствами английского и русского языков.

Так, в русском языке существует поговорка «Рыбак рыбака видит издалека». Она имплицитно выражает мысль, что один представитель определенной группы может легко распознать другого представителя данной группы. Следовательно, в общественном сознании закреплена идея о существовании определенных характерных признаков представителя группы «рыбака», иначе говоря, стереотипа рыбака. В поговорке не содержится указаний на отличительные признаки этого стереотипа, но обращение к юмористическому дискурсу позволяет легко установить их. К ним относятся: склонность преувеличивать улов и привычка показывать руками размер якобы пойманной рыбы. В качестве примера можно привести следующий анекдот.

Один рыбак каждый раз, показывая размер пойманной рыбы, разводил руки в стороны и говорил: «Вот такую поймал!» Его друзьям это надоело, и однажды они связали ему руки и сказали: «Теперь покажи, какую поймал». Рыбак развёл в стороны пальцы и ответил: «Глаза вот такие!» [Досуг, с. 24].

В английском языке нет похожей поговорки, но характерные признаки стереотипа рыбака в английском юмористическом дискурсе ничем не отличаются от русских.

Two men were sitting in the bar-parlour of the Angler's Rest as I entered it; and one of them, I gathered from his low, excited voice and wild gestures, was telling a story. I could hear nothing but an occasional "Biggest I ever saw in my life!" and "Fully as large as that!" but in such a place it was not difficult to imagine the rest; and when the second man, catching my eye, winked at me with a sort of humorous misery, I smiled sympathetically back at him. When the story-teller finished his tale and left, he came over to my table. "Dreadful liars some men are," he said genially. "Fisher-

men,” I suggested, “are traditionally careless of the truth.” “He wasn’t a fisherman,” said my companion. “That was our local doctor. He was telling me about his latest case of dropsy” [Wodehouse. Meet Mr Mulliner, p. 9]. Рассказчик ошибочно принимает местного доктора за рыбака, так как поведение того соответствует стереотипу рыбака. Он находится в баре гостиницы, название которой предполагает, что она предназначена, в основном, для рыбаков. Доктор говорит взволнованно и делает размашистые жесты. Его речь содержит стереотипные для рыбака восклицания. Таким образом, рассказчика подвело его доверие стереотипам. Что же такое стереотип? Играет он в нашей жизни положительную роль или отрицательную?

4.1. Определение стереотипа

В повседневной речи слово «**стереотип**» функционирует как синоним предвзятости и негибкого, часто негативного, представления о людях, группах или нациях. Английские словари определяют стереотип как «fixed mental impression» [COD], «a fixed set of ideas about what a particular type of person or thing is like, which is (wrongly) believed to be true in all cases» [LDLC]. В «Кратком психологическом словаре» стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [Краткий психологический словарь, с. 447]. Однако в науке этот термин имеет более широкое толкование. Понятие «стереотип» было впервые использовано в качестве научного термина Уолтером Липпманном в 1922 г. [Lippmann, 1961]. До него этот термин использовался в языке печатников, где он означал копию первоначальной типографской формы для высокой печати. Липпманн понимал стереотип как схематичный и односторонний «образ в голове человека» какого-либо явления, человека, вещи – и одновременно мнение о нем, усвоенное из окружающей среды ещё до познания объекта [Lippmann, 1961]. Он объяснял функционирование стереотипов через анализ социально-психологических аспектов деятельности людей, рассматривая стереотип «в системе

тех факторов, которые вызывают его появление и детерминируют его функционирование» [Рыжков, 1988, с. 5].

Термин стереотип является междисциплинарным. Это понятие рассматривалось сначала в социологии, затем в психологии, философии, литературоведении, культурологии, этнологии, этнопсихолингвистике и лингвокультурологии. Оно оказалось важным для наук, занимающихся человеческим познанием и общественной коммуникацией, приобретает особое значение для исследований по межкультурной коммуникации. Его определение во многом зависит от того, какой из вышеперечисленных наук он используется, так как в каждой из них понятие «стереотип» получает несколько иную интерпретацию.

Социологический подход к определению стереотипа отражен в работах У. Липпманна и его последователей. Как отмечает В.В. Красных, У. Липпманн полагал, что «социальные стереотипы» помогают в первую очередь ориентироваться в массиве социальной информации. Они являются культурно детерминированными и определённым образом упорядоченными «картинками мира» в сознании человека, которые, с одной стороны, экономят его усилия при восприятии сложной информации, а с другой – фиксируют и сохраняют существующие ценности, способствуя тем самым сохранению высокой самооценки человека [Тер-Минасова, с. 139].

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т. е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». В.А. Маслова отмечает, что такое понимание стереотипа встречается в работах Е. Бартминьского и его школы [Маслова, 2001, с. 109]. Сам Е. Бартминьский предлагал следующее определение стереотипа: «устойчивое, т. е. воспроизводимое, а не создаваемое каждый раз заново сочетание, закрепившееся в коллективной памяти на уровне лексем» [Бартминьский, с. 155].

Понимание стереотипов с позиции этнокультурологии можно найти в работе А.П. Садохина и Т.Г. Грушевицкой. «Стереотипы – это представления об образе жизни, обычаях, нравах, привычках, то есть о системе этнокультурных свойств того или иного народа» [Садохин, Грушевицкая, с. 293]. Данная трактовка несколько сужает понятие стереотипа, так как она сводит оп-

ределение стереотипа, по сути, к одному виду: «этнокультурному» или «национальному» стереотипу. Тогда как предметом процесса **стереотипизации (формирования стереотипа)** может стать любая социальная или профессиональная группа.

В трудах по межкультурной коммуникации широкое распространение получило определение стереотипов, сформулированное О.А. Леонтович, которая считает, что стереотипы – это «упрощенные ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие моменты сходства между ними и игнорирующие различия» [Леонтович, 2005, с. 236]. Отличие данного определения стереотипов от определения Липпманна заключается в том, что О.А. Леонтович, во-первых, выделяет категориальный аспект стереотипов, а во-вторых, подчеркивает упрощенный характер стереотипов. Кроме того, представляется неправомерным сужение природы процесса стереотипизации, который, согласно определению О.А. Леонтович, охватывает только людей. В широком смысле стереотипизации могут подвергаться и другие категории (животные, птицы, насекомые, неодушевленные предметы и т. д.). Сравним фразеологические единицы, отражающие определенные стереотипы в английском и русском языках.

Например: drunk as a *lord* – пьян как *сапожник*, hungry as a *hunter* – голодный как *волк*, busy as a *bee* – трудолюбивый как *пчела*, *bull* in a china shop – неуклюжий как *медведь*, cold as *charity* – холодный как лед, American as *apple pie* – типично американский. Мы видим, что процесс стереотипизации, то есть минимизация различий между отдельными объектами и преувеличение сходства между ними, затрагивает не только людей.

В «Кратком психологическом словаре» приводится определение социального стереотипа, которое более точно устанавливает объект стереотипизации. «Упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте (группе, человеке, принадлежащем к той или иной социальной общности и т. п.) [Краткий психологический словарь, с. 342].

Существенное уточнение в рассмотрение понятия стереотипа вносит В.В. Красных с позиций этнопсихолингвистики и лингвокультурологии. «Стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной еди-

нице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей» [Красных, 2003, с. 232]. В этом определении чрезвычайно важным является выделение такого признака стереотипа, как национально-культурная маркированность. По мнению В.В. Красных, стереотип, с точки зрения содержания, есть некий фрагмент картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление. Это некая ментальная картинка, обладающая рядом специфических для неё свойств. Это устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации [Красных, 2003, с. 232]. Таким образом, отличительными свойствами стереотипа, кроме национально-культурной маркированности, являются устойчивость, минимизированность (сведение к минимуму дифференцирующих признаков объекта), наличие инварианта.

Д.Б. Гудков отмечает, что существует группа имён, которые способны в одних ситуациях выступать как общие имена, а в других – как индивидуальные имена. Он предлагает называть эту группу двусторонними именами (ДИ). Специфика их состоит в том, что в различных контекстах актуализируется та или иная сторона данного имени. Национальная детерминированность мифологического значения (по терминологии Д.Б. Гудкова) двусторонних имен является их характерной особенностью. «Свинья» для русского прежде всего значит «нечистоплотный человек», для японца же – «толстый человек». «Заяц» – «трус» для русского и «быстро что-либо делающий человек» для американца [Гудков, с. 15–17]. Похожую картину можно наблюдать, если перейти от зооморфизмов к ДИ, обозначающим этнические стереотипы. Русский вполне может сказать: «лёгок, как француз», «галантен, как француз», «изящен, как француз» и т. п.; однако подобные обороты невозможны в речи немца. С другой стороны, для русской речи вряд ли можно признать нормальными выражения: «скуп, как француз», «алчен, как француз», «эгоистичен, как француз», являющиеся вполне приемлемыми для немца (вне зависимости от личного отношения того или иного конкретного русского или немца к французам) [Гудков, с. 17]. Принципиально важным здесь является то, что Д.Б. Гудков устанавли-

вает сходство между этническими стереотипами и зооморфизмами, выступающими в качестве эталона одного или нескольких свойств для носителей определенной лингвокультуры, которые можно считать зоостереотипами. Основным отличительным свойством, объединяющим зоостереотипы и этнические стереотипы, Д.Б. Гудков справедливо признает национально детерминированное минимизированное представление определенного элемента культуры [Гудков, с. 17]. Он приводит следующий интересный пример. Одна из его коллег рассказала, что во время её работы со студентами из Индии она услышала от последних следующую характеристику своей походки: «Вы ходите, как слон». Как выяснилось позже, студенты имели в виду, что её походка исполнена собственного достоинства, уверенности в себе, отличается плавностью. В сознании же услышавшего это представителя русской культуры актуализировались такие представления о походке слона, как тяжеловесность, неуклюжесть и т. п. [Гудков, с. 20].

Анкетирование русских студентов второго курса, изучавших английский язык, показало, что из числа студентов не встречавших ранее фразеологизм *to assist in the French sense* и незнакомых с его смыслом «присутствовать, но не помогать», 100 процентов отметили в качестве отличительных признаков «помощи по-французски» такие свойства, как изящество, лёгкость, галантность.

Известный лингвист В.А. Маслова, представляющая лингвокультурное направление в исследовании проблем, связанных со стереотипами, считает языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т. д.: лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский [Маслова, 2001, с. 109]. По её мнению, стереотип – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации. Он являет собой некоторое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в

данном обществе. Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова, 2001, с. 110]. Отличительным признаком этого определения является характеристика стереотипа как способа хранения доминантных компонентов какой-либо культуры и идентификатора принадлежности к данной культуре. Это положение особенно важно, так как стереотипы всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то они представляют собой **квази-стереотипы** [Маслова, 2001, с. 110].

Квазистереотипы в разных культурах, совпадая в целом, различаются нюансами, деталями, часто имеющими принципиальное значение. Например, феномен очереди будет существенно отличаться в разных странах и культурах, а, следовательно, «очередь» является квазистереотипом. В.В. Красных, ссылаясь на М. Солли, пишет, что это может быть строгая «линия», в которой очередники стоят минимум в полуметре друг от друга (у англичан или шведов) или полный хаос и «сумбур вместо музыки» (у испанцев), а итальянца при одной мысли, что надо стоять в очереди разбирает смех. Во многих странах существуют специальные аппараты, выдающие номерок, который позволяет не стоять, а спокойно дожидаться своей очереди, сидя где-нибудь неподалеку. Но эта система прекрасно работает в Германии или Швеции, а в Италии превращается подчас в подобие игры, заключающейся в том, чтобы приехать загодя, собрать как можно больше билетов, а потом по баснословной цене перепродать их тем, кто опоздал [Красных, 2003, с. 261].

Или стереотип «класс», «учебная группа». Для всех преподавателей различных стран он в основном смысле совпадает, но для преподавателей английского языка из России или Германии он представляет сравнительно небольшую группу учащихся, а для преподавателей из Китая или Африки количество учащихся в группе может быть совершенно иным. Так, на форуме одного американского сайта для преподавателей английского языка мы нашли вопрос учителя из Китая: «How can I use games if my class of English is 100+?» Для учителя из Китая такой класс представляется нормальным, для учителя из России он немислим.

В самом общем виде можно определить **стереотип-представление** как национально-маркированную структуру ментально-лингвального комплекса, отражающую в упрощенном виде отдельную категорию людей, объектов или явлений на основе выделения сходных для одной категории черт и минимизации различий внутри данной категории и имеющую вербальную оболочку.

В чём заключается отличие стереотипа от концепта? По мнению В.В. Красных, концепт требует более высокого уровня абстракции, это своего рода «идея», «понятие». Стереотип – нечто более «конкретное», это «образ-представление», за стереотипом стоит фрейм – структура сознания. Концепт непрототипичен. Стереотип прототипичен. Концепт более широкое понятие, так как включает в себя «чисто» языковые компоненты (например, глагольную сочетаемость). Концепт проявляется в валентностях, которые могут предопределять блоки свободных ассоциаций, в то время как стереотип проявляется в конкретных реализациях, которые могут быть представлены предсказуемыми ассоциациями [Красных, 2003, с. 269]. Отличия стереотипа от концепта чётко показаны в таблице, предлагаемой В.В. Красных [Красных, 2003, с. 271].

Таблица 1

Отличия стереотипа от концепта

СТЕРЕОТИП	КОНЦЕПТ
1) образ-представление; прототипичен	1) «идея», «понятие»; непрототипичен
2) более «ограничен»	2) более «широкое» понятие
3) более «конкретен» (в силу своей образной природы)	3) понятие более абстрактного уровня; позволяет выводить архетипы
4) функционален; проявляется в коммуникативном поведении	4) феномен парадигматического плана
5) хранится в виде фрейм-структур	5) хранится в форме гештальтов и пропозиций; восходящий к архетипам концепт может храниться в виде фрейм-структур

Некоторые исследователи сближают понятия стереотипа и архетипа. Так, Ю.А. Щеголева при изучении стереотипного образа положительного героя ставит перед собой цель ответить на

вопрос, существует ли некий инвариант образа героя, общий для носителей русского языка [Щеголева, с. 182]. Она подробно рассматривает в своей работе понятия «миф», «мифологическое сознание» и «архетип», но не затрагивает само понятие стереотипа. В результате исследования она приходит к выводу, что ниша стереотипного образа положительного героя заполнена содержательно, но не формально [Щеголева, с. 249]. И это вполне объяснимо, так как «герой» скорее относится к архетипам или мифам. Понятие архетипа было введено в науку основателем аналитической психологии К.Г. Юнгом. Ю.А. Щеголева вслед за Юнгом понимает некие структурные предпосылки образов [Щеголева, с. 191]. Для Юнга архетипы – гипотетическая модель, бессознательное устремление, по проявлениям которого можно судить о его существовании. Но архетип это также и изначальные образы бессознательного. Эти первичные образы и идеи воплощаются в виде символов в мифах и верованиях. Чистейшие архетипы встречаются в мифологии и фольклоре. Как отмечает В.А. Маслова, «архетип» является синонимом к термину «мифологема» [Маслова, 2001, с. 101]. Таким образом, будет более точным говорить о «архетипе» положительного героя, чем о стереотипе. Архетип – понятие более абстрактного уровня, а стереотип более конкретен в силу своей образной природы.

4.2. Механизм формирования и функционирования стереотипов

Формирование стереотипов (стереотипизация) связано с особенностями человеческого мышления и психики. Оно представляет собой сложный и многоэтапный процесс, включающий восприятие, классификацию и оценку объектов окружающего мира на основе определенных представлений и системы ценностей. Стереотипизация предполагает статичный взгляд на общество и человека, неумение воспринимать уникальность человеческой личности, стремление свести всех людей к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик. Стереотипизация является одной из важнейших характеристик межгруппового и межличностного восприятия и отражает схематичность, аффективную окрашенность, свойственную этой форме социальной перцепции [Краткий психологический словарь, с. 342].

Если в общей психологии при изучении перцепции основной акцент делается на исследование процессов и механизмов порождения сенсорных образов, то в социальной психологии изучение перцепции началось с уточнения характеристик субъекта и объекта восприятия. В зависимости от соотношения субъекта и объекта восприятия выделились три относительно самостоятельных класса процессов социальной перцепции: межличностное восприятие, самовосприятие и восприятие межгрупповое. Так как стереотипы являются, в основном, групповыми представлениями о национальных или социальных группах, то представляется целесообразным при их рассмотрении обратиться к данным социальной психологии. Было установлено, что восприятие социальных объектов обладает специфическими отличиями от восприятия неодушевленных предметов. Во-первых, социальный объект не пассивен и не безразличен по отношению к воспринимающему субъекту. Во-вторых, внимание субъекта социальной перцепции сосредоточено не на моментах порождения образа как результата отражения воспринимаемой реальности, а на смысловых и оценочных интерпретациях объекта восприятия. В-третьих, восприятие социальных объектов характеризуется слитностью познавательных компонентов с эмоциональными (аффективными), большей зависимостью от мотивационно-смысловой структуры деятельности воспринимающего субъекта [Краткий психологический словарь, с. 242]. Как признаёт автор популярных книг об английском языке Билл Брайсон: «We tend to regard other people's languages as we regard their cultures – with ill-hidden disdain» [Bryson, 2001, p. 17].

Так, в конце XIX – начале XX века большой приток эмигрантов из Ирландии в США обусловил формирование многочисленной ирландской диаспоры в крупных городах на восточном побережье США, особенно в Нью-Йорке. По данным, которые приводит Б. Брайсон, с 1815 по 1915 год в США прибыло около пяти миллионов ирландцев (на 1,5 миллиона больше, чем проживало во всей Ирландии в 1994 году). Только в 1851 году четверть миллиона ирландцев приехали в Америку, и почти все они обосновались в Нью-Йорке и Бостоне. К 1855 году одна треть всего населения Нью-Йорка была ирландского происхождения. Кроме того, большинство из них были выходцы из сельской местности, и никогда раньше не видели пятиэтажного дома или толпу из тыся-

чи человек [Bryson, 1996, p. 135–136]. Социальные условия иммигрантов были ужасными. «Crime, prostitution, begging, disease, and almost every other indicator of social deprivation existed at levels that are all inconceivable now» [Bryson, 1996, p. 137]. Соответственно, будучи носителями другой культуры, иного варианта языка, ирландцы являлись социальной группой – объектом социальной перцепции для субъекта восприятия (населения Америки, проживавшего на этой территории до переселения ирландцев). Внимание субъекта перцепции, естественно, было сосредоточено на отрицательных оценочных интерпретациях объекта восприятия. Всем членам данной этнической группы приписывались сходные характеристики без осознания различий между ними. В результате, в американской лингвокультуре конца XIX – начала XX века сформировался стереотипный образ ирландца, отличительные признаки которого отразились в следующих фразеологизмах: Irish buggy (тачка), Irish beauty (женщина с двумя синяками под глазами), Irish confetti (кирпичи), to get one's Irish up (разозлиться, выйти из себя) [Bryson, 2001, p. 17].

Смысл этих фразеологических единиц выражает однозначную негативную оценку ирландского образа жизни в США в тот период. Если остальные люди ездят в повозках, то для ирландца повозка (buggy) – это тачка. Конфетти разбрасывают на праздниках, но то, что бросают ирландцы, – это кирпичи. Женщина, у которой подбиты оба глаза, иронично называется ирландской красавицей, что подразумевает якобы типичное свойство для ирландцев – избивать своих женщин. Вспылить, выйти из себя – значит уподобиться ирландцу. Анализ характеристик, приписываемых стереотипному ирландцу, отраженных в приведенных выше фразеологизмах, показывает, что для восприятия данного объекта перцепции присуща большая степень слитности познавательных компонентов (реальных условий жизни ирландцев в крупных городах США) с эмоциональными (негативной оценкой свойств ирландцев). Стереотипизация ирландских иммигрантов американцами выполняла ряд функций: поддержание идентификации личности в группе (мы не такие, как ирландцы) и оправдание негативных установок по отношению к другим группам (они плохие, потому что ирландцы).

Аналогичным образом в период формирования рыночных отношений в России сложился стереотип «нового русского», отли-

чительными признаками которого являлись как свойства характера (склонность к роскоши, мотовство, похвальба богатством, невежество и т. п.), так и внешность (малиновый пиджак, золотые цепи и т. п.). «Новыми русскими» стали называть всех разбогатевших людей в России. Естественно, что в структуру и стереотипа ирландца, и стереотипа нового русского входят основные (доминантные) признаки, второстепенные дифференциальные признаки и атрибуты стереотипа.

Атрибутами стереотипа можно считать элементы, связанные с означаемым стереотипа и хранящиеся в когнитивной базе представителей лингвокультуры. Апелляция к этим элементам потенциально возможна, но не является необходимой для сигнификации обозначаемого явления. Основные доминантные признаки закрепляются в стереотипе, а второстепенные носят чаще всего временный характер и в результате социальных или культурных изменений отходят на периферию ментального комплекса стереотипа либо исчезают. В случае со стереотипом «нового русского» неактуальными признаками оказались атрибуты стереотипа, связанные с внешностью. Новые русские перестали носить малиновые пиджаки и толстые золотые цепи, и анкетирование студентов показало, что подавляющее большинство из них не ассоциирует данные атрибуты со стереотипом «нового русского». Анализ юмористического дискурса (в частности, анекдотов последнего времени) также подтверждает это изменение. Актуальным признаком стереотипа «нового русского» остается «шестисотый мерседес» или «джип». Например: *«Летит **новый русский** на своём «шестисотом» под двести в час»* [333 1/3 анекдотов про ГАИшников, с. 84].

С ассимиляцией ирландцев американским обществом выперечисленные фразеологические единицы с отрицательной коннотацией, содержащие элемент «Irish», почти все вышли из употребления. Это указывает на то, что они отражали второстепенные признаки. Часто употребляющимся остался только фразеологизм «to get one's Irish up». «Late in the last century these epithets focused on the Irish, and often, it must be said, they were as witty as they were wounding. Now almost the only slur against these fine people is to get one's Irish up, and that isn't really taken as an insult» [Bryson, 2001, p. 17]. Это свидетельствует о том, что вспыльчивость остается основным признаком стереотипа ир-

ландца в американской лингвокультуре. Можно провести аналогию с грузинским темпераментом, стереотипизированным во многих кинофильмах и анекдотах.

Хотя многие авторы считают стереотипы негибкими феноменами, неспособными к изменениям, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что и стереотипы обладают способностью изменяться под воздействием социальных или культурных перемен. *In the UK the **stereotype of a university student** is someone who does not study very much, enjoys drinking a lot of alcohol, misses classes because they always wake up too late, and complains about not having enough money. Some people think students are lazy and do not deserve their grants. But these **ideas are changing, partly because most students no longer receive any government money, almost all students have a lot of debts by the time they get their degrees*** [LDLC].

Стереотип студента в русской лингвокультуре, отражённый в словах песни «От сессии до сессии живут студенты весело», также начинает меняться. По данным опросов многие респонденты связывают понятие «студент» со словами «подработка», «поиск работы».

Стереотипы усваиваются в процессе социализации и инкультуризации. Поскольку стереотипы представляют собой часть культуры, то «привычку» думать о других группах определённым образом ребёнок получает по мере вхождения в социум и приобщения к культуре. А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая выделяют следующие **факторы, влияющие на формирование стереотипов** в процессе социализации личности. Во-первых, многие стереотипы закладываются в сознании ещё родителями ребенка. Свою окончательную форму они приобретают между 12-м и 30-м годом жизни, после чего устойчиво закрепляются и меняются с большим трудом. Во-вторых, стереотипы формируются через восприятие чужого мнения в процессе общения с теми людьми, с которыми чаще всего приходится сталкиваться, – друзьями, сверстниками, учителями и т. д. В-третьих, стереотипы могут возникать у субъекта стереотипизации через ограниченные, личные контакты с объектом стереотипизации. Так, если вас обманул торговец иной национальности, то вы можете сделать вывод, что все представители данной национальности лживы. В таком случае, стереотип формируется на основе огра-

ниченной информации. В-четвертых, важное место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации, так как для многих людей они являются источником авторитетного мнения, которое не оценивается критически [Садохин, Грушевицкая, с. 296–297].

При рассмотрении факторов, влияющих на формирование стереотипов, нельзя игнорировать роль исторических, экономических и социальных факторов. Длительное соперничество и войны Англии с Голландией на море и на суше в XVI–XVII вв. оказали влияние на формирование стереотипа голландца, характерного для того периода. Это отразилось в многочисленных фразеологизмах с отрицательной коннотацией, передающих образ голландца: *to do the Dutch act* (дать деру, удрать), *Dutch courage* (храбрость во хмелю), *Dutch feast* (пир, на котором хозяин напивается первым). Так, на формирование стереотипа ирландца в американской культуре оказала влияние массовая иммиграция ирландцев в Америку. На формирование стереотипа «нового русского» – изменение характера экономики: переход от централизованной экономики к рыночным экономическим отношениям в России. В.А. Маслова считает, что чем древнее культура, тем более она стереотипизирована. Согласно данным её эксперимента, в белорусском языковом сознании стереотипизированных выражений намного меньше, чем в русской. Белорусская культура, будучи более молодой, чем русская, является менее стереотипизированной [Маслова, 2007, с. 144]. Английские фразеологические словари содержат больше фразеологизмов, отражающих этнические и социальные стереотипы, чем аналогичные словари русского языка.

К механизмам формирования стереотипов В.А. Маслова относит многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций: функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии [Маслова, 2001, с. 110]. Функция схематизации и упрощения, выполняемая стереотипами, основывается на принципе экономии усилий, свойственном повседневному человеческому мышлению. Данный принцип означает, что люди стремятся не реагировать на происходящие явления каждый раз со всей полнотой ощущений и переживаний, а подводят их под известные категории. Постоянно меняющийся мир просто перегружает

человека новой информацией и психологически вынуждает его классифицировать эту информацию в наиболее удобные и привычные модели, которые получили название стереотипов [Садохин, Грушевицкая, с. 295].

“You come from America?” “From America.” “Ah! – Said Mr Cornelius as if that explained everything” [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 67].

Так он француз? – А я всё не мог понять, почему все наши дамы от него без ума [Луконин, с. 143].

Д.Б. Гудков отмечает, что при структурировании представления, например, француза в той или иной культуре из всего множества черт, присущих данному национальному характеру, выделяются и фиксируются лишь определённые, остальные же отбрасываются как несущественные. Происходит минимизация, редукция сложного и диалектического понятия, которое приводится к определенному ограниченному набору характеристик, получающемуся в результате действия существующего в определенной культуре алгоритма минимизации того или иного элемента культуры. Результатом этого процесса редукции (минимизации) является национально-детерминированное минимизированное представление определённого элемента культуры [Гудков, с. 18].

Так, в английской лингвокультуре результатом минимизации явился такой отличительный признак этнического стереотипа «шотландец», как скупость, стремление экономить на всем:

1) *A man from Aberdeen came across a perfectly good crutch lying by the side of the road. He picked it up, hurried home with it and broke his wife’s leg.*

2) *Scotsman (leaving home for a few days): “Now, Maggie don’t forget to make our Alec take off his glasses when he is not looking through them”.*

3) *“Stand behind your lover” – said the Scotsman to his unfaithful wife. “I am going to shoot you both with one bullet”.*

4) *Why do all Scots have a sense of humour? – Because it’s a free gift* [Scottish Jokes, p. 8–65].

Фактически, этот признак стереотипа шотландца противоречит действительности. На самом деле шотландцы жертвуют больше благотворительным организациям на душу населения, чем жители любой другой части Великобритании [Mitchell, p. 4].

Другим отличительным признаком стереотипа шотландца стало пьянство:

1) *What is the difference between a wedding and a wake in Scotland? – There's one drunk less at a wake.*

2) *How do you get a Highlander onto the roof? – Tell him the drinks are on the house* [Scottish Jokes, p. 12–13].

Третьим отличительным признаком стереотипа шотландца можно считать упрямство.

*I don't know if you know these Shropshire fellows at all, Pilbeam, but they can be **as obstinate as Scotsmen*** [Wodehouse. Heavy Weather, p. 195].

Атрибутами данного стереотипа можно считать килт, волынку и виски. *“When men think of Scotland they often think of men wearing kilts and playing bagpipes”* [LDLC]. Шотландская поговорка гласит: *«Never drink whisky with water and never drink water without whisky»*.

А в русской лингвокультуре результатом минимизации стал такой дифференциальный признак этнического стереотипа «украинец», как прижимистость. Атрибутами этого стереотипа в русской лингвокультуре стали сало и горилка.

Украинский хутор. Жена прибегает к мужу, засидевшемуся у друга: Грицко, у меня для тебя две новости: хорошая и плохая. С какой начать? – Давай плохую. – С рельсов вагон сошел и прямоком в нашу сторону. Хату всю разворотил. – А хорошая? – Так вагон же с салом [Ваш Орел. 5.03.08].

Дифференциальным признаком стереотипа эстонца в русском дискурсе стала медлительность.

В соревнованиях на стометровке первым к финишу пришёл эстонец. Все остальные туда прибежали [Анекдоты как на подбор, с. 136].

Необходимо отметить, что после этапа минимизации происходит гиперболизация одного из нескольких выделившихся признаков, и он становится **доминантным признаком стереотипа**. Доминантным признаком из нескольких дифференциальных признаков стереотипа можно считать тот, который наиболее часто актуализируется в дискурсе и языке. Так, в английской лингвокультуре результатом гиперболизации дифференциальных признаков стереотипа «tinker (лудильщик)» стал доминантный признак данного стереотипа, отразившийся во многих фра-

зоологических единицах, которые выражают один смысл – грубость. Например: *to swear like a tinker, as quarrelsome as a tinker, I don't care a tinker's damn, it is not worth a tinker's damn*. Только одна фразеологическая единица указывает на другой отличительный признак стереотипа «tinker» – пьянство: *as drunk as a tinker*. В русской лингвокультуре аналогичный процесс, включающий минимизацию и гиперболизацию признаков, можно наблюдать в случае со стереотипом «сапожник». Фразеологические единицы «пьян как сапожник» и «ругаться как сапожник» аналогичны признакам стереотипа «tinker» – грубость и пьянство. Соответственно, из двух дифференциальных признаков стереотипа шотландца доминантным признаком из всех отличительных признаков стала скупость. Пьянство и упрямство остались дифференциальными признаками.

Экспериментальное выявление стереотипов национального характера (СНХ), проведенное И.М. Кобозевой, показало, что ядром СНХ англичанина в русской наивной картине мира является его стремление, прежде всего, к сохранению покоя внутри и вокруг себя. Эту характеристику поддержали 34 реакции из 49, т. е. 70 % релевантных ответов [Кобозева, с. 110].

Функция формирования и хранения групповой идеологии проявляется в формировании двух базовых стереотипов *мы/свои* и *они/чужие* (в английской терминологии соответственно *we/ingroup* и *they/outgroup*), которые находятся в оппозиции друг другу. «Свои» воспринимаются с положительными эмоциями, им отдается предпочтение перед «чужими». При этом, как отмечают психологи, наблюдаются следующие когнитивные последствия: 1) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»; 2) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»; 3) оценки «чужих» тяготеют к крайностям. Они бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Bootzin, Bower, Crocker, Hall, p. 645]. В русской пословице «Что для русского здорово, то для немца смерть» отражена именно такая оппозиция. В ней имплицитно выражено предпочтение «своим» перед «чужими». Такие стереотипы способствуют самоутверждению группы. Среди английских фразеологизмов много единиц, включающих компонент Dutch (голландский), и почти все они имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию. Например, *Dutch bargain* (сделка, выгод-

ная лишь для одной стороны, сделка, завершённая выпивкой), *Dutch courage* (храбрость во хмелю, пьяная удаль), *Dutch comfort* (слабое утешение), *Dutch concert* (кошачий концерт), *Dutch defense* (притворная защита) и т. д.

Так как механизмы формирования стереотипов связаны с особенностями человеческого мышления и психики, к ним можно отнести склонность личности делать инференции на основе собственного культурного опыта. Например, согласно российским правилам дорожного движения, автомобили должны ездить по правой стороне дороги. Исходя из этой посылки, россиянин предполагает, что именно движение по правой стороне улицы является нормой. Однако, эти инференции станут для него опасными, если он окажется в Великобритании, где левостороннее движение является нормой [Леонтович, 2005, с. 237]. В романе С. Моэма «Cakes and Ale» описан процесс формирования стереотипа писателя как человека, говорящего на непонятном для окружающих языке, на основе личного культурного опыта общения с писателями членов высших слоёв английского общества.

*Many authors from their preoccupations with words have the bad habit of choosing those they use in conversation too carefully. They form their sentences with unconscious care and say neither more than they mean. It makes intercourse with them somewhat formidable to persons in the upper ranks of society whose vocabulary is limited by their simple spiritual needs, and their company is consequently sought only with hesitation. No constraint of this sort was ever felt with Roy. He could talk with a dancing guardee in terms that were perfectly comprehensible to him and with a racing countess in the language of her stable boys. **They said of him with enthusiasm and relief that he was not a bit like an author.** No compliment pleased him better [Maugham. Cakes and Ale, p. 43].* Рой, по мнению гвардейцев и графинь, не походил на стереотипный образ писателя, потому что он общался на языке, понятном им.

При оценке, классификации и категоризации явлений окружающей действительности люди, как правило, используют эвристические подходы. Результатом могут стать неоправданные обобщения и формирование стереотипов. О.А. Леонтович выделяет три механизма формирования стереотипов:

1. Ошибки в индуктивном мышлении.

Многие американцы заботятся о своём здоровье. Многие американцы питаются в «Макдональдсе». Значит, те, кто питается в «Макдональдсе», заботятся о своём здоровье.

2. Ошибки в дедуктивном мышлении, приводящие к абсурдным результатам.

Все, кто много пьют, – алкоголики. Русские много пьют, значит, все русские – алкоголики.

3. Сведение воедино разнородных характеристик людей как обязательно сопутствующих друг другу. Это явление получило свое отражение в так называемой теории имплицитной личности. Например, в американской культуре определение blond очень часто встречается в паре с dumb [Леонтович, 2007, с. 254–255]. В стереотипе dumb blond отражено ошибочное сведение разнородных характеристик: характеристики по внешности и характеристика по интеллекту. Нет никаких научных данных, однозначно доказывающих более низкий уровень интеллекта у блондинок. Тем не менее наличие большого количества анекдотов и шуток о блондинках указывает на распространенность данного стереотипа:

Новый тарифный план «Блондинка» – все «погоди, я не поняла...» теперь абсолютно бесплатно! [Анекдоты как на подбор, с. 7].

Рассмотрим механизм формирования стереотипа работника ГАИ/ГИБДД, основанный на ошибке в индуктивном мышлении. Работники ГИБДД выписывают штрафы, которые означают для водителей финансовые потери. Часть работников ГИБДД берет взятки. Значит, работники ГИБДД берут взятки.

Добрая половина российских гаишников берёт взятки, а злая половина ещё и отбирает права [333 1/3 анекдотов про ГАИшников, с. 185].

Атрибутом данного стереотипа становится предмет, наиболее часто ассоциирующийся с образом работника ГИБДД.

«Ну, пора и деньги зарабатывать», – сказал Гарри Потер и покрасил свою палочку в чёрные и белые полоски [333 1/3 анекдотов про ГАИшников, с. 184].

Одной из основных функций стереотипа является роль эталона. Стереотипы служат точками отсчета какого-либо свойства на шкале человеческих ценностей. Имплицитно использование данного стереотипа выражает мысль, что с точки зрения

уровня интеллекта быть блондинкой – плохо. Брюнетки и шатенки якобы умнее блондинок.

Как называется, когда блондинка красится под брюнетку? – Искусственный интеллект [Комсомольская правда. 28.02.08, с. 45].

С точки зрения успеха в жизни стереотип блондинки однозначно позитивен, о чём свидетельствуют многочисленные примеры из кинофильмов. Например: “Gentlemen Prefer Blonds”, “Legally Blond”.

Стереотип шотландца выступает в качестве эталона скупости, стереотип жителя графства Йоркшир выполняет роль эталона хитрости: *come Yorkshire over somebody* (обмануть, надуть кого-либо). В русской лингвокультуре жителям определённых регионов также приписывается ряд стереотипизированных признаков: сибирское здоровье, кавказское долголетие.

Язык играет ведущую роль в создании стереотипов. С точки зрения физиологии, стереотипы формируются на основе системы условных рефлексов. Постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводит к тому, что их значение оседает в подкорке головного мозга, а восприятие их происходит автоматически, без участия высшего сознания. Носители языка не задумываются над содержанием клишированных фраз, принимая их как данность. Стереотипы становятся таковыми после многократного повторения и фиксации в сознании многих людей. Однажды сформировавшись, они приобретают высокую степень устойчивости и с трудом поддаются модификации. Язык закрепляет многие стереотипы как в виде устойчивых клише, так и в виде фразеологизмов, которые, репродуцируясь в дискурсе, способствуют упрочнению стереотипов. Так, в словарной статье «Longman Dictionary of Language and Culture» даётся следующее определение слова *milkman*. “*Milkman – a person who sells milk, especially one who goes on a regular journey from house to house each day to deliver it*” [LDLC]. Эта дефиниция дополнена комментарием, иллюстрирующим формирование стереотипа *milkman* и образование клишированного выражения, употребление которого в речи способствовало закреплению данного стереотипа. “*In the past, especially, people sometimes joked about milkmen having sex with women whose husbands were at work. If a child did not look*

very much like other members of his family, people joke that his father was the milkman” [LDLC]. Дифференциальным признаком этого стереотипа является *having sex with women whose husbands were at work*, а клишированной фразой, способствовавшей фиксации стереотипа, была фраза *his father was the milkman*. Затем этот стереотип был тиражирован в анекдотах и шутках, которые являются средством закрепления стереотипа в сознании носителей лингвокультуры.

Mr White never worried about his marriage until he had to move from New York to California and discovered that he still had the same milkman [Такова жизнь, с. 17].

В русской лингвокультуре существует стереотип сибирского здоровья. «Для настоящего сибиряка сто градусов не мороз, сто километров не расстояние». Клишированной фразой, способствовавшей фиксации данного стереотипа, явилась фраза «Желаю вам сибирского здоровья».

Как отмечает О.А. Леонтович, на коммуникативном уровне стереотипизация происходит на основе:

1) акцентов (например, хорошо известный всем и часто пародируемый грузинский акцент в России или южный акцент в США);

2) манеры произнесения слов и постановки ударений (московский говор или волжское оканье);

3) особенностей интонации;

4) темпа речи (например, речь южан в США более медленная, чем северян; замедленная речь эстонцев в русских анекдотах);

5) манеры говорить громко или тихо (американцы говорят громче, чем большинство европейцев);

6) выбора лексики (обращение *brother*, распространенное среди афро-американцев, и *браток* в речи «новых русских»);

7) клишированных фраз;

8) синтаксических особенностей;

9) речевых стратегий;

10) коммуникативной дистанции (у русских и американцев она меньше, чем у англичан, в результате чего русские воспринимают американцев как более сердечных, а англичан – как более отстраненных) [Леонтович, 2005, с. 239].

Существуют две противоположные точки зрения на роль стереотипов в межкультурной коммуникации. Важнейшими ха-

раактеристиками стереотипов со времен Липпманна считаются их неточность, ложность и эмоционально-оценочный характер [Красных, 2003, с. 230]. Соответственно, считается, что стереотипизация предполагает неумение воспринимать уникальность личности, стремление свести всех разнообразных представителей одной категории (рыбаков, сапожников, шотландцев, французов, ирландцев и др.) к одному типу со стандартным, заранее определенным набором характеристик. По образному выражению О.А. Леонтович стереотипы являются «кривым зеркалом», в котором в размытом или искаженном виде отражаются представители различных групп [Леонтович, 2005, с. 239].

Другие исследователи полагают, что стереотипы помогают человеку дифференцировать и упрощать окружающий мир. Они становятся своего рода подсказками, помогающими сформировать суждения, предположения и оценки других людей [Садыхин, Грушевицкая, с. 293–294]. Стереотип – не только негативен, но и позитивен: он удовлетворяет психическую потребность в экономии познавательных усилий, а также поддерживает внутреннюю спаянность сообщества «своих» [Маслова, 2007, с. 144]. При всей своей схематизации и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок [Тер-Минасова, с. 139]. Оценки (чужих) и самооценки как ментальные стереотипы (как неосознаваемые или полуосознаваемые установки) предопределяют готовность или неготовность к вербальному и невербальному общению или отказу от него и влияют на характер самого общения (конфликтующий или гармонизирующий) [Сорокин, с. 43].

Иными словами, стереотипы выполняют роль амортизатора культурного шока, возникающего при столкновении с представителями иных культур. В зависимости от способов и форм использования стереотипы могут быть полезны или вредны для коммуникации.

4.3. Источники получения информации для изучения стереотипов

С.Г. Тер-Минасова, рассматривая источники информации о национальном характере, отмечает, что наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты. То есть анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на неё по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота [Тер-Минасова, с. 139]. Иными словами, международные анекдоты отражают отличительные признаки стереотипа, хранящиеся в когнитивной базе представителей одной национальности. В этих анекдотах могут быть представлены стереотипы как своей, так и чужой национальности.

Тонет корабль. Капитан просит всех пассажиров перебраться в шлюпки, но пассажиры боятся прыгнуть с борта в утлые шлюпки. Тогда капитан подходит к каждому пассажиру, что-то им говорит, и все быстро прыгают в шлюпки. Помощник спрашивает капитана:

– Скажите, а что вы им такое сказали, что все послушались?

– К каждому нужен свой подход. Немцам я сказал, что это приказ. Американцам я сказал, что это патриотично. А русским – что это запрещено [Досуг, с. 88].

В этом примере наглядно представлены национальные стереотипы, существующие в русской лингвокультуре. Немцы уважают порядок и выполняют приказ. Для американцев большое значение имеет патриотизм. Русские часто действуют вопреки запретам.

В американской шутке по поводу национальности Иисуса Христа, приведённой в книге С.Г. Тер-Минасовой, явно видны отличительные признаки стереотипов разных национальностей, хранящиеся в когнитивной базе среднего представителя американского национально-культурного сообщества [Тер-Минасова, с. 141].

*Three proofs that Jesus was **Irish**:*

- 1. He never got married.*
- 2. He never had a steady job.*

3. *His last request was for a drink.*
Three proofs that Jesus was Italian:
1. *He talked with his hands.*
2. *He took wine with every meal.*
3. *He worked in the building trade.*

Так, одним из отличительных признаков стереотипа итальянца для американцев является жестикация, а отличительными признаками ирландца – отсутствие постоянной работы и приверженность к выпивке.

Другим источником, к которому (хотя и с большой осторожностью) советует обращаться С.Г. Тер-Минасова, являются шутки и анекдоты разных видов, не только международные [Тер-Минасова, с. 139]. В последнее время анекдоты часто служат материалом для исследования лингвокультурного пространства, так как устойчивые структуры ценностей и поведенческие модели в каком-то смысле столь же однотипны, сколь и формальный состав сказки, найденный Проппом [Жданова, с. 178].

Третьим источником можно считать анкетирование и проведение экспериментов, вызванных увлечением проблемами различия культур и национальных характеров. Анкетирование и эксперимент являются методами, используемыми в лингвистических исследованиях, но при изучении стереотипов они позволяют определять с достаточной степенью точности характеристики стереотипов, называемые дифференциальными или отличительными признаками, хранящиеся в когнитивной базе представителей той или иной лингвокультуры.

Например, Ю.А. Щеголева провела анкетирование 41 жителя Москвы с целью установления факта существования единого стереотипного образа героя, общего для носителей русского языка, и определения качеств, которые ему приписываются [Щеголева, с. 203–262].

Исследование, проведённое Д. Пибоди, А.Г. Шмелевым, М.К. Андреевой, А.Е. Граменицким, методологической базой которого явилась технология семантического шкалирования, показало, что русские судят о русских как о людях с низким уровнем «рационального самоконтроля» и «самоуверенности», хотя при этом самим себе приписывают данные черты в меньшей степени, чем стереотипизированному образу «типичного русского» [Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, с. 108–109].

Указанными авторами было проведено анкетирование студентов второго курса факультета иностранных языков, целью которого был ответ на вопрос, существует ли некий стереотипный образ принца Гамлета. В случае, если стереотипный образ Гамлета существует, необходимо установить, какие дифференциальные признаки ему приписываются и насколько эти признаки отличаются от образа, созданного Шекспиром в его трагедии. Суть проблемы заключается в том, что образ Гамлета многократно воспроизводился в театральных постановках и экранизациях пьесы, что не могло не сказаться на его корректировке в сознании студентов. Анкетирование подобного рода позволяет прояснить роль искусства и средств массовой информации в формировании дифференциальных признаков стереотипа, фиксирующихся в когнитивной базе представителей национально-культурного сообщества. Так, 98 % респондентов отметили в качестве отличительного признака данного образа «стройность», а 100 % респондентов признали несвойственными образу Гамлета такие свойства, как «тучность» и «отдышка». Это указывает на противоречие сложившегося стереотипного образа с оригиналом. В сцене поединка Гамлета с Лаэртом Гертруда говорит: «He's fat and scant of breath» [Шекспир, с. 118]. Такое отличие стереотипа от оригинала может быть объяснено тем, что режиссеры на роль Гамлета выбирали, в основном, молодых и стройных актёров.

О.А. Леонтович для определения соотношения эндостереотипов и экзостереотипов во взаимовосприятии русских и американцев провела психолингвистический эксперимент, для которого использовалась достаточно распространенная методика «подталкивания» испытуемых к стереотипизации. В эксперименте участвовали 100 русских и 100 американцев в возрасте от 18 до 82 лет с высшим образованием или обучающихся в высших учебных заведениях. Испытуемым было предложено написать по десять типичных черт русских и американцев, а также привести по пять вариантов окончания фраз типа «Русские всегда / Russians always...», «Американцы никогда / Americans never...» [Леонтович, 2007, с. 259].

Эксперименты в области изучения стереотипов, в основном, связаны с наблюдением за поведением людей в группе в искусственно создаваемых ситуациях. Стереотипы поведения, которые хранятся в сознании в виде штампов сознания, высту-

пают в роли канона и определяют коммуникативное поведение в той или иной коммуникативной ситуации [Красных, 2003, с. 232]. Наблюдение за поведением людей (в том числе и за вербальной реакцией) позволяет выявлять особенности таких стереотипов.

С.Г. Тер-Минасова в качестве интересного примера такого эксперимента приводит описание серии документальных фильмов, снятых 4-м каналом британского телевидения, о группах отдыхающих из Германии, США, Англии и Японии, получивших путёвки в один из пансионатов в Турции. Особенности их реакции на определённые стимулы поведения в различных ситуациях, создаваемых искусственно с помощью актёров, фиксировались скрытой камерой. Например, актёр, игравший роль водителя автобуса, на котором туристы должны были отправиться на экскурсию, сел за руль, изображая опьянение. Англичане, увидев это, отказались садиться в автобус. Японцы оставались невозмутимыми, пока руководитель их группы не указал на бутылку спиртного, стоявшую у ног водителя. Немцы стали волноваться, что его могут уволить с работы, если они поднимут шум.

Во время экскурсий, в которых принимали участие все четыре группы, актер закурил, хотя в автобусе курить было запрещено. Англичане вежливо попросили его потушить сигарету. Японцы, не желавшие нарушать гармонию, предпочли молчать. Немцы сначала устроили голосование и только потом выразили недовольство. Американцы стали курить сами. В третьем эпизоде в баре, когда бармен ушел из-за стойки, актёр начал брать, не заплатив, бутылки пива. Англичане и американцы радостно последовали его примеру [Тер-Минасова, с. 142].

Таким образом, эксперимент выявил определённые особенности национальных стереотипов поведения, которые определяются спецификой национальной культуры. Для японцев огромное значение имеет авторитет старшего, поэтому в первом эпизоде они стали высказывать протест только после указания руководителя группы. Кроме того, для японцев очень важна гармония в отношениях с окружающими. Для нации, проживающей на небольшой густонаселённой территории, важно «не раскачивать лодку», поэтому во втором эпизоде они предпочли проигнорировать нарушение водителем правил. Они готовы были пожертвовать комфортом ради сохранения гармонии. По-

ведение американцев во втором и третьем эпизодах подтверждает присутствие в стереотипе их поведения такой особенности, как склонность действовать в нарушение устоявшихся правил.

Следующим источником сведений о национальном характере С.Г. Тер-Минасова предлагает считать национальную классическую литературу. Она выделяет именно классическую литературу, потому что литература, имеющая этот ранг, прошла испытание временем. Её произведения заслужили признание, повлияли на умы и чувства представителей данной культуры [Тер-Минасова, с. 142]. Такое ограничение может быть справедливым при изучении столь сложного феномена, как национальный характер, что и рассматривает С.Г. Тер-Минасова. При исследовании стереотипов представляется возможным использовать любые тексты, содержащие указание на стереотипы, существующие в данной лингвокультуре: художественные тексты (не ставшие классическими), публикации в средствах массовой информации и даже учебные тексты. Так, следующие примеры стереотипа француза были обнаружены, соответственно, в произведениях английского юмориста П.Дж. Вудхауза и в романе Б. Акунина.

That the girl, in a previous situation some little time back, had been a colleague of Anatole, sir. And Anatole, as is the too frequent practice of these Frenchmen, had made love to her [Wodehouse. Carry on, Jeeves, p. 214].

Зато д'Эвре повёл себя, как подобает истинному французу, – спешил и поклонился [Акунин. Турецкий гамбит, с. 31].

В тексте учебного пособия «New Headway: English course» можно найти отражение стереотипа как англичанина в американской культуре, так и американца в британской культуре. Американка Терри, прожившая некоторое время в Англии, рассказывает в своём интервью о личных впечатлениях от англичан и о восприятии американцев англичанами. «*The average Englishman is cold and not very open. But Americans in England are thought to be a little inferior because they get excited by everything. They think everything is so "cute"*» [New Headway, p. 133].

Важным источником информации о стереотипах являются данные толковых словарей, особенно словарей лингвокультурного характера. Словарь Longman Dictionary of Language and Culture даёт следующую характеристику стереотипа государствен-

ного служащего, существующего в английском культурно-национальном сообществе. “In the UK the *stereotype of a civil servant* is a *boring* man *who wears a dark formal suit*. He typically pays too much attention to small unimportant rules in order to seem very official, and people think that he actually does not do much useful work” [LDLC]. В данном описании выделены основные отличительные признаки стереотипа английского государственного служащего как по внешности – *wears a dark formal suit*, так и по характеру – *boring*.

При сопоставлении дефиниций словаря Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, описывающих понятие «*macho*», существующее в англоязычном лингвокультурном сообществе, можно выявить основные отличительные признаки данного стереотипа поведения.

Macho – (adj) macho behaviour emphasizes a *man’s physical strength, lack of sensitive feelings* and other qualities *considered to be typical of men*.

Machismo – *traditional male behaviour* that emphasizes how *brave, strong* and *sexually attractive* a man is.

Macho man – a man who *is always trying to show* that he is *strong, brave* etc. [Macmillan].

Анализ дефиниций показывает, что такое поведение считается акцентированным, неестественным и показным. Об этом свидетельствует использование следующих элементов дефиниций: *emphasizes, to show*. Можно сделать вывод, что отличительными признаками данного стереотипа являются физическая сила мужчины, храбрость, отсутствие чувствительности и сексуальная привлекательность (*man’s physical strength, strong, brave, lack of sensitive feelings, sexually attractive*). Кроме того, в словарной статье имплицитно выражено негативное отношение социума к этому стереотипу через использование в дефиниции *macho man* видо-временной формы Present Continuous (Progressive) *is trying to show*, которая в сочетании с *always* выражает критическое отношение к объекту. Проникнув в русскую лингвокультуру, посредством таких носителей культуры, как кинофильмы и песни, этот стереотип приобрел положительную культурную коннотацию, т. е. стал квазистереотипом.

Стереотипы могут храниться во фразеологии. Многие исследователи, занимающиеся проблемами лексикологии, подчер-

квивают роль фразеологических единиц как языковых носителей культурной информации. Как отмечает В.Н. Телия, «фразеологизмы, отображающие типовые представления, могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты культурных знаков» [Телия, с. 249–250]. Количество и качество идиом, отражающих положительную или отрицательную оценку тех или иных качеств, можно считать показателем отношения нации через культуру и язык к миру, другим народам и культурам [Тер-Минасова, с. 148].

Фразеологизмы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Маслова, 2001, с. 82]. Поэтому фразеологический фонд языка имеет такое большое значение как источник информации о стереотипах. Именно стереотипность, символичность или эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику [Телия, с. 250]. Так, фразеологизм *Mexican breakfast* в американской лингвокультуре означает «голодный паёк». Для американцев «мексиканский завтрак» – это сигарета и стакан воды [Голденков, с. 216]. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что на формирование этой фразеологической единицы повлиял тот факт, что мексиканские иммигранты составляют в американском обществе одну из наименее обеспеченных групп населения США. Приравнивание завтрака мексиканца к одной сигарете представляет собой смысл, содержащийся во внутренней форме этого фразеологизма, который придает ему культурно-национальную специфику, проявляющуюся в стереотипизации образа мексиканца американским национально-культурным сообществом. Мексиканцы для некоторых американцев являются символом бедности, а иногда и глупости [Голденков, с. 216].

Русский фразеологизм «*незванный гость хуже татарина*» также не отражает реальное отношение русского национально-культурного сообщества к одной национальности, а выражает стереотип, сложившийся в ходе длительного процесса развития русской культуры под влиянием определённых исторических событий.

В.А. Маслова справедливо замечает, что разные типы фразеологических единиц (как указывала и В.Н. Телия) по-разному отражают культуру [Маслова, 2001, с. 83]. Достаточно просто объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Например, фразеологическая единица *painting the Forth Bridge* имеет значение «undertaking a task that can never be completed». Денотативный аспект связан с прямым значением этого выражения «покраска определённого моста в Шотландии». Культурно-национальная специфика данного фразеологизма обусловлена эталонизованностью образного основания фразеологизма, так как климат в Шотландии сделал необходимым постоянное возобновление работ по покраске данного моста. «The steel structure of the Forth Bridge in Scotland has required continuous repainting» [ODI, p. 257]. Соответственно, работа по покраске этого моста стала эталоном нескончаемой работы. Приведённый пример подтверждает положение В.В. Красных о близости прецедентных феноменов и стереотипов при широком понимании прецедентности, сформулированной Ю.Н. Карауловым [Красных, 2003, с. 186–187]. Прецедентные явления, становясь фразеологизмами и приобретая статус языковых единиц, получают характеристики, свойственные стереотипам.

Для сопоставления проанализируем русские фразеологизмы, компонентом которых является объект, имевший значение для национальной культуры: *не лыком шит, всякое лыко в строку, лыка не вязать. Не лыком шит* имеет значение «не из простых, неглупый, умеет что-нибудь делать». Из лыка плелись лапти. Носили их самые бедные люди. Люди более богатые не носили «лыком шитого» – простого [Шанский, Зимин, Филиппов, с. 89]. Лыко становится символом простоты. *Всякое лыко в строку* означает, что любая ошибка ставится в вину. «От плетения лаптей из лыка. При их плетении не всякое лыко шло в строку, т. е. в полоску на лапте» [Шанский, Зимин, Филиппов, с. 34]. В данном случае, по выражению В.Н. Телия фразеологизм выполняет роль стереотипа культурно-национального мировидения [Телия, с. 250]. Значение фразеологизма определяется его культурным смыслом, связанным со стереотипизацией повседневной, рутинной работы.

Однако в большей части фразеологического массива культурная прикрепленность имеет иной характер. Прежде всего,

здесь имеются в виду образно-эмотивные по своей сути фразеологизмы, т. е. такие, в значении которых чрезвычайно важно образное основание [Маслова, 2001, с. 83–84]. Например, фразеологизмы *a blue-eyed boy, a fair-haired boy* имеют значение «a man who is liked and admired by someone in authority» [CIDI]. Они отражают стереотипный образ молодого человека, приятного начальству. Отличительными признаками этого стереотипа являются характеристики внешности: «голубоглазый», «светловолосый». Как поясняет Оксфордский словарь идиом: «The significance of blue eyes may be their association with the innocence and charm of a very young child» [ODI]. Можно сделать вывод, что в английской лингвокультуре «голубые глаза» или «светлые волосы» считаются положительным признаком.

Сопоставительный анализ фразеологии показывает, что многие фразеологические единицы в английском и в русском языке отражают сложившиеся стереотипы. Например, *пьян как сапожник, женская логика, woman's reason, drunk as a lord, drunk as a fiddler* и др.

Интересные результаты дает изучение стереотипов, отраженных во фразеологизмах по данным фразеологических словарей, в сочетании с анализом дефиниций компонентов фразеологических единиц. Так, согласно ODI, фразеологизм *Mexican overdrive* означает «the neutral gear position used when costing downhill». Словарь Macmillan дает следующую дефиницию слова *overdrive* (ускоряющая передача): «extra gear in a car that allows it to continue to travel fast *while using less power*» [Macmillan]. Таким образом, смысл фразеологизма заключается в том, что нейтральное положение передачи позволяет спускаться с холма, не расходуя много топлива, т. е. не затрачивая энергии. То, что этот способ называют «мексиканской ускоряющей передачей», отражает стереотип мексиканцев в американской лингвокультуре, как людей, старающихся не затрачивать много сил на работу, на что указывает компонент дефиниции *using less power*.

Для получения полной информации о стереотипах необходимо использовать все источники: художественные и учебные тексты, анекдоты и шутки, эксперимент, анализ фразеологизмов и лексикографических данных.

4.4. Виды стереотипов

Существует несколько классификаций стереотипов, различающихся как подходом к их выделению, так и количеством выделяемых видов.

Т. Нельсон, используя аксиологический подход, выделяет **позитивные** и **негативные** стереотипы [Нельсон, с. 22–23]. Позитивные стереотипы отражают положительную оценку, сформировавшуюся в определённой среде по отношению к объекту стереотипизации. Так как было установлено, что стереотипы имеют вербальную оболочку и являются единицами языка или дискурса, то они обладают теми или иными коннотациями. В позитивном стереотипе доминируют положительные оценочные коннотации. В негативном – отрицательные. Так, в русской лингвокультуре стереотипы кавказского долголетия или сибирского здоровья являются позитивными, а стереотип цыгана, отражающийся в анекдотах и устойчивых сравнениях, является негативным.

Оборванный как цыган. *Прост. Неодобр.* Об очень плохо, грязно и небрежно одетом человеке.

Торговаться как цыган. *Неодобр. или ирон.* О человеке, который долго и упорно сговаривается в цене, требует уступок.

Хитрый как цыган. *Прост. Ирон.* Об очень хитром, изворотливом человеке [Мокиенко].

Лексикографические пометы в этом словаре отражают неодобрительное, ироничное или шутливо-ироничное отношение к объекту стереотипизации, сложившееся в русской лингвокультуре.

Стереотип джентльмена, сформировавшийся в английской лингвокультуре, несомненно, относится к позитивным. Это отражается в дефиниции фразеологизма ***gentleman's agreement*** в Oxford Dictionary of Idioms. «An agreement between two or more people that relies upon ***honour*** rather than being a legally enforceable contract» [ODI]. Ключевым словом, выражающим доминантный отличительный признак данного стереотипа, является слово ***honour***.

*Now, by all laws of good taste, I should before this have made a dignified exit. It was plain that I was not regarded as an essential ornament of this portion of the Ware Cliff. By now, if I had been the **Perfect Gentleman**, I ought to have been a quarter of a mile away [Wodehouse. Love among the Chickens, p. 107].*

Стереотип юриста в английской лингвокультуре относится к негативным. Отличительными признаками данного стереотипа являются нечестность, стремление получить максимальную выгоду.

1) *“You are lying so clumsily,” said the judge to the defendant, “that I would advise you to get a lawyer”.*

2) *Judge: Have you anything to offer the court before sentence is passed on you?*

Prisoner: No, your honour, my lawyer took my last dollar [Политика. Бизнес. Право, с. 62].

Однако деление стереотипов на позитивные и негативные является весьма условным. Как в русской, так и в английской лингвокультурах редко встречаются стереотипы, состоящие либо только из одних отрицательных характеристик, либо только из одних положительных свойств. С.Г. Тер-Минасова приводит интересный пример международной шутки, ярко иллюстрирующей смешанный характер стереотипов. *«Paradise is where cooks are French, mechanics are German, policemen are British, lovers are Italian and it is all organized by Swiss. Hell is where cooks are British, policemen are German, lovers are the Swiss, mechanics are French, and it is all organized by Italians»* [Тер-Минасова, с. 141]. (Британцы – хорошие полицейские, но плохие повара. Немцы – отличные механики, но своей приверженностью к порядку, имплицитно выраженной в шутке, могут превратить жизнь остальных в ад.)

О.А. Леонтович отмечает, что подход к делению стереотипов, ставший уже классическим, – это рассмотрение двух базовых стереотипов **мы / свои** и **они / чужие**. В английской терминологии соответственно – **we / ingroup** и **they / outgroup** [Леонтович, 2005, с. 236]. Развивая эту идею, В.А. Маслова выделяет **автостереотипы**, отражающие то, что думают люди сами о себе, и **гетеростереотипы**, относящиеся к другому народу [Маслова, 2001, с. 108]. В целом, это деление представляется верным, хотя и в известной степени обобщенным. Сопоставление английских и русских стереотипов показывает, что не всегда национально-культурное сообщество представляет себя как единое целое. Далеко не всегда инвариантная совокупность валентных связей, репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за определённой языковой единицей, относится ко всей нации. До-

вольно часто в пределах национальной когнитивной базы формируются стереотипы отдельных регионов. Так, йоркширцы дифференцируются в английском национальном коллективном сознании по такому отличительному признаку, как хитрость (*come Yorkshire over somebody*). Прозвище жителей Корнуолла **Cousin Jack** (кузен Джек), с одной стороны, подчёркивает принадлежность жителей Корнуолла к английскому культурно-национальному сообществу (кузен – родственник), но, с другой, имплицитно их дистанцирует, так как кузен не является родственником по прямой линии. В компонентном анализе английских терминов родства такая родственная связь обозначается термином *ablinal*.

Москва и москвичи выделяются в русском коллективном сознании. Например, «*Москва слезам не верит*», «*Москва бьёт с носка*». В Болгарии отличительным признаком жителей города Габрово является скупость. У англичан популярны анекдоты о шотландской скупости, но сами шотландцы создали ряд анекдотов о скупости жителей города Абердин. “In Scotland the **Scottish joke** is replaced by the **Aberdeen joke**” [Mitchell, p. 5].

Более точным представляется объяснение, предлагаемое Ю.А. Сорокиным. Процессы идентификации и самоидентификации тесно связаны между собой: в ходе их осуществляется приписывание определенных признаков некоторым объектам (в данном случае – представителям тех или иных этносов), носящих ярко выраженный аксиологический характер. По-видимому, они существуют как противопоставленные (оппозитивные) единства: без идентификации не существует и самоидентификации и, наоборот, без самоидентификации не существует идентификации. Идентификация как приписывание оценок кому-либо предполагает и собственную оценку. Иными словами, идентификация и самоидентификация – это оппозитивное и диалогическое единство. Это диада, в рамках которой соотносятся и ранжируются определенные этнические качества (свойства) [Сорокин, с. 43]. Следовательно, как идентификация, так и самоидентификация предполагают некоторую степень дробности (членности). Ранжировка этнических свойств ведёт к выделению в стереотипах более частных групп, чем целый этнос или нация. Примерами таких стереотипов и будут являться стереотипы жителей Абердина, Йоркшира, москвичей и т. д.

В.А. Маслова полагает, что гетеростереотипы более критичны, чем автостереотипы. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчётливости, у другого народа – проявление жадности [Маслова, 2001, с. 108]. С этим также нельзя абсолютно согласиться. Сопоставление английских и русских анекдотов показывает, что и те и другие в достаточной степени критичны по отношению к своим народам. Например:

Русские пьют двумя способами. До тех пор, пока не кончатся деньги или до состояния полной невменяемости. Впрочем, создаётся впечатление, что деньги у них никогда не кончаются [Анекдоты как на подбор, с. 91].

The jokers in the seventies said that the typical American was a guy who had just driven home from a French movie in his German car, was sitting on Danish furniture, drinking Columbian coffee out of an English china cup, writing a letter on Irish linen paper with a Japanese manufactured ballpoint pen, complaining to his congressman about too many imports coming into the country [Политика. Бизнес. Право, с. 27].

Данные психосемантического анализа стереотипов показывают, что русскоязычные испытуемые оценивают самих себя ближе к стереотипу «русского», сложившемуся к середине 80-х годов у европейцев, чем к «типичному русскому», каким он выглядит в их собственных глазах. Европейский стереотип «русского» включает следующие отличительные признаки: серьёзный, твёрдый, трудолюбивый, осторожный, умный, скромный, боевитый, активный, уверенный [Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, с. 108]. Характерологический портрет «типичного русского» по данным русскоязычных испытуемых включает следующие основные признаки: откровенный, щедрый, бесшабашный, приятный, прощающий, непрактичный, доверчивый, миролюбивый [Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, с. 107].

Ежи Бартминьский, исходя из понимания стереотипа как устойчивого, т. е. воспроизводимого, а не создаваемого каждый раз заново сочетания, закрепившегося в коллективной памяти на уровне лексем, а также учитывая, что между семантическим уровнем языка и его формальным планом нет полного соответствия и симметрии, предлагает выделить три разновидности стереотипов в зависимости от структуры плана содержания и плана выражения: 1) топика, 2) формулы, 3) идиомы [Бартминьский,

с. 155]. К первому типу он относит устойчивые сочетания чисто семантических единиц, которым ещё не соответствует определенная (стабильная) форма вербализации (топика).

Негры выполняют самую тяжелую работу.

Сапожники пьют.

Кукушка предсказывает будущее.

Сообщаемые в этих предложениях суждения приписывают лицам и предметам (вторично – также целым событиям, как в третьем предложении) характеристики, принятые в среде носителей определенной разновидности языка.

К следующему типу он относит устойчивые семантические сочетания, имеющие своё постоянное формальное выражение (формулы).

Мавр сделал своё дело, мавр может уйти.

Ругаться как извозчик.

Галантный как француз.

Волчий аппетит.

К третьей группе Е. Бартминьский относит формальные устойчивые сочетания, не имеющие уже для носителей языка прозрачной семантической мотивации (идиомы).

Вешать собак (на кого-либо).

Чертовски холодно.

Иди в болото.

Ни в зуб ногой [Бартминьский, с. 155–156].

Он справедливо замечает, что в ходе развития языка топика преобразуется в формулы, а формулы – в идиомы. По его мнению, для лингвиста самой важной разновидностью стереотипа являются формулы, значительную часть которых описывает фразеология [Бартминьский, с. 157].

В качестве критических замечаний по этой классификации можно высказать следующее. Деление на формулы и идиомы по степени прозрачности семантической мотивации лексической единицы для носителей языка весьма условно, так как для разных социальных групп степень прозрачности может быть различной. Кроме того, идиомы, не имеющие для носителя языка достаточно прозрачной семантической мотивации, превращаются в языковые единицы, утратившие непосредственную связь с обозначаемым стереотипом. Носители языка часто могут только выдвигать гипотезы относительно их связи со стереотипом. На-

пример, русский фразеологизм *идёт коза рогатая за малыми ребятами* по одной из версий, представленной в этимологическом словаре русского языка, утратил первоначальную форму *идёт козара рогатая за малыми ребятами*. Козары или хазары являлись народом, совершавшим набеги на Русь и уводившим население в плен. Поэтому так угрожающе, возможно, звучала эта фраза, которой матери пугали непослушных детей, говоря «*идёт за малыми ребятами*». Очевидно, что изначально имелся в виду увод детей в плен. Рогатой козара была потому, что представители этого народа были в основном идолопоклонниками и поклонялись двурогому туру. Соответственно, идя в бой, они надевали шлемы с рогами туров [Бирих]. В английском языке идиома *merry (lively) as a grig* явно отражала изначально какой-то определенный стереотипный образ, так как построена по той же модели, что и фразеологизмы *grave as a judge, busy as a beaver, mad as a hatter* и т. д. Но по данным словаря идиом, этимология слова *grig* неясна [ODI]. Связь со стереотипом-образом утеряна.

Более универсальная классификация (представлена на схеме 2) была предложена В.В. Красных. Она выделяет **стереотипы поведения** и **стереотипы-представления**. Стереотипы-представления затем подразделяются на **стереотипы-ситуации** и **стереотипы-образы** [Красных, 2002, с. 179–180].

Схема 2. Классификация стереотипов В.В. Красных

В большинстве работ, касающихся феномена стереотипа, последний рассматривается как некая модель действия, поведения. Эта модель связана с выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации, детерминированным принадлежностью к определённому национально-культурному сообществу. С.Г. Тер-Минасова приводит в своей книге пример, наглядно иллюстрирующий национально-культурную природу стереотипов поведения. Американский антрополог Л. Бохэннен пересказывала «Гамлета» Шекспира туземцам Западной Африки. Они восприняли сюжет через призму своей культуры. Клавдий – молодец, что женился на вдове брата, так и должен поступить хороший человек, но нужно было сделать это немедленно после смерти мужа и брата, а не ждать целый месяц. Полоний вызвал неодобрение: зачем он мешал дочери стать любовницей сына вождя – это честь и много дорогих подарков. Гамлет убил Полония совершенно правильно, в полном соответствии с охотничьей культурой туземцев. Услышав шорох, он крикнул: «Что, крыса?» А Полоний не ответил, за что и был убит. Именно так и поступает каждый охотник в африканском лесу: услышав шорох, окликает и, если нет человеческого отклика, убивает источник шороха и, следовательно, опасности [Тер-Минасова, с. 24].

Существуют узкие и широкие трактовки стереотипов поведения. В узком смысле **стереотип поведения** – обобщённое представление о поведении и манерах какого-либо народа: немецкая аккуратность, испанские страсти, цыганское веселье, русская беспшашность [Маслова, 2007, с. 143]. В широком смысле **стереотип поведения** можно интерпретировать как коммуникативную единицу определённого этноса, способную оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности, формируя в ней соответствующие мотивации. В.В. Красных считает, что такие стереотипы было бы более корректно называть **стереотипами речевого поведения**, которые хранятся в сознании в виде **штампов** и выступают в роли **канонов** [Красных, 2002, с. 180].

Исходя из сложившихся стереотипов, от партнера по коммуникации заведомо ожидают определенного поведения, в том числе и речевого. Так, например, для многих европейцев американское коммуникативное поведение ассоциируется с невнятным носовым произношением, трудным для понимания

(«жвачкой во рту»), развязностью и фамильярностью [Леонтович, 2005, с. 245].

Стереотипы поведения представляют собой инварианты деятельности и определяют коммуникативное (и в том числе – вербальное) поведение в той или иной коммуникативной ситуации. Они диктуют, предписывают определенное поведение, т. е. выполняют **прескриптивную** функцию.

Так, в романе П.Дж. Вудхауза «Sam the Sudden» американская мошенница решает явиться в дом главного героя под видом английской дамы.

“Does a guy named Shotter live here?” asked the visitor. Then, with the air of one remembering a part and with almost excessive refinement, “Could I see Mr Shotter, if you please?” [Wodehouse. Sam the Sudden, p. 109]. Первый вариант её вопроса не соответствует стереотипу речевого поведения английской дамы при разговоре с незнакомцем. Осознав ошибку (**remembering a part**), американка корректирует речевое поведение в соответствии с коммуникативной ситуацией.

Сходным образом стереотип поведения определяет изменение коммуникативной стратегии в русском языке.

Взъерошенный студент в очках возмущился: «А ты куда без очереди лезешь?» Та, которую он принял за первокурсницу, покраснела и негромко произнесла: «Вообще-то, я – ваш преподаватель и иду принимать зачёт». Студент побагровел: «Простите великодушно. Проходите, пожалуйста» [Луконин, с. 101].

Стереотипы речевого поведения определяются традициями, сложившимися в данном социуме. Например, в английском национально-культурном сообществе стереотип поведения определяет, что на вопрос «How are you?» достаточно краткого ответа «Fine, thank you», в то время как стереотип поведения в русском культурном сообществе предписывает нам, что в случае близких, дружественных или родственных отношений аналогичный вопрос «Как поживаете?» требует более развёрнутого ответа. А. Вежбицкая, описывая естественный семантический метаязык, утверждает, что использование этого метаязыка может выявить как различия между культурами, так и природу вариативности и изменений внутри отдельной культуры [Вежбицкая, 2001а, с. 162]. Пример, который она приводит в своей

книге, подтверждает культурную детерминированность стереотипов речевого поведения. Британский дирижер Симон Рэттл дирижировал оркестром Берлинской филармонии. Когда он овладел немецким языком чуть-чуть лучше, пошёл к преподавательнице Гёте-Университета и сказал: «Послушайте, я хочу уметь сказать оркестру: *“Look, I’ve always found that it works better if we do this (Послушайте, мне кажется, было бы лучше, если бы мы играли так)”*». А она почесала голову и сказала: «Конечно, можно найти способ сказать это по-немецки, но никто не станет этого делать. Нужно сказать: **man muss (надо)**» [Вежибицкая, 2001а, с. 163].

Нарушение стереотипов поведения на коммуникативном уровне (как вербальном, так и невербальном) приводит к коммуникативным неудачам и даже к конфликтам. В американском фильме «What Women Want (Чего хотят женщины)» можно увидеть, что американка, занимающая высокую должность в рекламной компании, разговаривает по телефону, положив ноги на стол. Такое поведение совершенно не соответствует стереотипу поведения деловой женщины в России, хотя для американской культуры это является нормой. Американский бизнесмен, проводя переговоры с потенциальными партнерами из Саудовской Аравии, положил ноги на сиденье стула, стоявшего перед ним, как это свойственно американцам. Подошвы его обуви оказались повернуты в сторону партнеров. Жители Саудовской Аравии сочли такое поведение оскорбительным и прекратили с ним всякие контакты.

Бывший служащий госдепартамента США был нанят межнациональной корпорацией в качестве представителя в Саудовской Аравии. Он посетил дом видного местного жителя, чтобы заинтересовать того участием в совместном предприятии. Так как это была их первая встреча, араб начал, как этого диктуют национальные традиции, с беседы о здоровье родственников гостя. На вопрос «Как поживает Ваш отец?» американец ответил: *“Oh. My father, yes, he is fine, but he is getting a little deaf. I saw him a few months ago during Christmas when we took him out of the **nursing home** for a few days”*. После этого житель Саудовской Аравии не пожелал вести дела с американцем [Insights into Business, p. 32]. Причина коммуникативной неудачи кроется в стереотипе отношения к родителям в разных культурах. Как поясняет словарь Longman: *“In the US and UK, it is common for*

people to put their parents in a nursing home when their parents are too old to take care of themselves” [LDLC]. Для арабской культуры свойственно проявлять постоянную личную заботу о своих престарелых родителях. Для жителя Саудовской Аравии представляется совершенно невыносимым поместить своего престарелого отца в специальное заведение, поэтому он будет считать человека, поступившего подобным образом, бесчестным или ненадежным. Для русской культуры также свойственны более тесные отношения между родителями и их взрослыми детьми. «Русские по-восточному уважают стариков и плохо реагируют на примеры отторжения стариков в европейских семьях, “ссылку” стариков в дома престарелых» [Российская газета. 06.07.07, с. 14].

Сопоставление английских и русских фразеологизмов позволяет выявить некоторые расхождения в отражениях стереотипов поведения в одних и тех же ситуациях. Например, анализ дефиниций компонентов фразеологизма *have a nodding acquaintance with someone* (know someone slightly) выявляет культурный смысл данной фразеологической единицы: приветствовать малознакомого человека кивком (*nod*). Культурный смысл аналогичного русского фразеологизма *шапочное знакомство с кем-либо* отражает обычай снимать головной убор (*шапку*), приветствуя кого-либо. Знакомство, ограничиваемое только такими контактами, считалось поверхностным. Специфичные признаки стереотипного поведения английского джентльмена, детерминированные национальной культурой, нашли своё выражение во фразеологизме *a stiff upper lip* (a quality of uncomplaining stoicism). Oxford Dictionary of Idioms отмечает, что эта черта ассоциируется с британцами, их невозмутимостью при любых обстоятельствах: «a characteristic particularly associated with the British» [ODI]. В Англии XIX века, когда человек не произносил звук [h] в начале слова, считалось, что такая черта речевого поведения является признаком плохого образования или принадлежности к «низшим» слоям общества. Этот стереотип речевого поведения отразился во фразеологизме *drop one's aitches*. *This man takes more trouble to drop his aitches than ever his father did to pick them up* [ODI]. В мюзикле «My Fair Lady» показано, как героиня настойчиво старается улучшить своё произношение (в частности, научиться выговаривать начальное [h]), чтобы повысить свой социальный статус.

Стереотип-представление, по определению В.В. Красных, есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемой данной единице и репрезентирующей образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа, представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [Красных, 2002, с. 178].

Стереотип-ситуация является структурой ментально-лингвального комплекса, хранящейся в сознании в виде клише / штампа и включающей в себя определённое (предсказуемое, ожидаемое) поведение участников коммуникации. Например: *после драки кулаками не машут; двое дерутся, третий не лезь*. Перечисленные фразеологические единицы отражают стереотип-ситуацию «драка». В.В. Красных считает, что стереотип-ситуация некоторым образом предопределяет стереотип поведения (например, стереотип-ситуация: *транспорт* → *билет*; стереотип поведения: обращение к ближайшему пассажиру «*Пробейте / Передайте, пожалуйста*» и т. д. [Красных, 2002, с. 180].

Стереотип-образ является структурой ментально-лингвального комплекса, хранящейся в сознании в виде клише, которое в результате процесса стереотипизации функционирует как национально детерминированное минимизированное представление определенного элемента культуры, содержащее минимальное количество дифференциальных признаков и атрибутов. В качестве стереотипов-образов В.В. Красных приводит следующие примеры:

пчела → труженица,

французский → грация, изысканные, изящные,

Баран ← упрямый,

Лимон ← **кислый, жёлтый** [Красных, 2002, с. 188].

Сопоставим отражение стереотипа «джентльмена» в дискурсе английского и русского языков.

Роман Моэма «Пирог и пиво» заканчивается подробным описанием портрета прощельги подрядчика Джорджа Кемпа, с которым жена писателя Дриффилда Розы сбежала в Америку, и её словами, выражающими отношение Розы к нему:

Rosie's eyes travelled to a picture on the wall that for some reason had escaped my notice. It was an enlarged photograph of

*Lord George in a carved gilt frame. ... It showed him in a long frock coat, tightly buttoned, and a tall silk hat cocked rakishly on one side of his head; there was a large rose in his buttonhole; under one arm he carried a silver-headed cane and smoke curled from a big cigar in his right hand. He had a heavy moustache, waxed at the ends, a saucy look in his eye, and in his bearing an arrogant swagger. In his tie was a horseshoe in diamonds. He **looked like a publican dressed up in his best to go to the Derby.***

"I'll tell you," said Rosie. "He was always such a perfect gentleman" [Maugham. Cakes and Ale, p. 196].

Сомерсет Моэм столь тщательно перечисляет все детали облика Джорджа Кемпа, чтобы подчеркнуть, что он больше походит на владельца паба, вырядившегося для похода на скачки, чем на джентльмена. Сарказм Моэма проявляется в том, что для влюблённой женщины вульгарный мошенник Кемп выглядит идеальным джентльменом. Сравните смысл данного отрывка с английской пословицей: *It is **not the gay coat that makes a gentleman.***

*«Работать с начальником службы безопасности Евробетбанка Владимиром Ивановичем Сергеевым было одно удовольствие. Этот **респектабельный, подтянутый** господин в неизменном твиде, с щеточкой коротко подстриженных усов очень походил на **английского джентльмена** из той породы, что канула в Лету вместе с распадом британской империи»* [Акунин. Алтын-Толобас, с. 288]. Писатель приводит дифференциальные признаки и атрибуты стереотипа английского джентльмена.

Сопоставление стереотипов-образов, отраженных во фразеологии показывает, что многие дифференциальные признаки наиболее старых стереотипов сходны в английской и русской лингвокультурах. Например: *голодный как волк; волком смотреть; как волка ни корми, он в лес смотрит; работа не волк – в лес не убежит; с волками жить – по-волчьи выть*. В этих фразеологических единицах отразилось отрицательное отношение к волку в русской культуре. Сходные признаки наблюдаются и в английских фразеологизмах: *cry **wolf**, see **a wolf**, keep the **wolf** from the door, one must howl with the **wolves**, who keeps company with the **wolves** will learn to howl*.

Сравнение с волком часто используется в дискурсе для выражения негативных свойств. *Lord Tilbury, with the geniality of a*

trapped wolf, admitted to being in robust health [Wodehouse. Heavy Weather, p. 8].

– Ты чего, в первый раз, что ли? – Влад покачал золотистой головой. – Тогда тем более круто. Такого **волка** уделал [Акунин. Алтын-Толобас, с. 288].

Однако не всегда легко развести стереотип-ситуацию и стереотип-образ, так как стереотип – это особое представление о предмете или ситуации. Соответственно, предмет может входить в число «обязательных» для определённой ситуации, и, наоборот, ситуация может относиться к числу таковых для определённого предмета. Например, **соболезнование** (чёрная рамка, чёрные платья, траур) может быть интерпретировано и как стереотип-ситуация, и как стереотип-образ [Красных, 2002, с. 188–189]. Часто стереотип-образ вытекает из стереотипной ситуации. Например, в статье, посвящённой созданию сверхсовременных пляжных шезлонгов, говорится следующее: «And no matter how early towel-wielding Germans get up, the loungers can be reserved by mobile texts» [The Sun. 2008. July 11]. Образ рано встающих немцев, занимающих с помощью полотенец первыми шезлонги, вытекает из стереотипной для англичан ситуации, когда лучшие места на пляже или у бассейна заняты немцами, оставившими на них свои полотенца. «It'll stop our European cousins getting their towels on first» [The Sun. 2008. July 11].

Существует и другой подход к классификации стереотипов, кроме предложенной В.В. Красных схемы. А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая предлагают выделять следующие виды стереотипов в зависимости от характера объекта, подвергнувшегося стереотипизации, и его места в социальной структуре: **групповые, профессиональные, этнические, возрастные** и т. д. [Садохин, Грушевицкая, с. 295]. Сам принцип классификации представляется удачным, так как её основой является положение о том, что объектом стереотипизации могут являться отдельные категории действительности (хотя авторы ограничивают её этносом). Это обеспечивает возможность создания более подробной классификации стереотипов, включающей не только два или три вида. С другой стороны, авторы вышеупомянутого деления стереотипов не определили чётко категории объектов, подвергающихся стереотипизации. Это проявилось в незаконченном характере классификации, так как их перечень можно продол-

жить, добавив к названным ими видам **гендерные стереотипы** и **зоостереотипы**. Кроме того, профессиональные и возрастные стереотипы являются результатом стереотипизации отдельных групп социума и по своей сути являются групповыми. Следовательно, выделение группового типа выглядит излишним.

Применительно к межкультурной коммуникации сходную классификацию предлагает О.А. Леонтович, которая выделяет 1) расовые, 2) этнические, 3) географические, 4) гендерные, 5) социальные, 6) политические, 7) профессиональные и т. д. [Леонтович, 2005, с. 240]. В её классификации приводится больше видов стереотипов, но и она не является исчерпывающей. Формулировка классификации Леонтович предполагает, что к уже перечисленным типам могут быть добавлены и другие.

Используя в качестве основы для классификации стереотипов категории объектов стереотипизации, можно выделить два основных класса стереотипов-представлений: стереотипы, в основе которых лежат одушевлённые объекты, и стереотипы, в основе которых лежат неодушевлённые объекты. Наиболее широко в английском и русском дискурсе представлен первый класс. Его можно разделить на следующие виды стереотипов:

1. Этностереотипы (куда входят автостереотипы и гетеростереотипы), которые можно, в свою очередь, подразделить на:

1.1. **Национальные** стереотипы. Объектом стереотипизации при этом является нация или раса в целом. *Take French leave; assist in the French sense; Dutch courage; Mexican breakfast; It is Greek to me.* Сравните: *китайская грамота; что русскому здорово, то немцу смерть; немецкий порядок; незванный гость хуже татарина; французская галантность* и т. д.

1.2. **Этнорегиональные** стереотипы. Объектом стереотипизации при этом является не весь этнос в целом, а только какая-либо часть его. В американской культуре можно выделить стереотипы южан и жителей Нью-Йорка. *To be bored to death in French is "être de Birmingham," literally "to be from Birmingham" (which is actually about right)* [Bryson, 2001, p. 17]. Многие фразеологизмы отражают этнорегиональные стереотипы: *Come Yorkshire over somebody; Kentish fire* (шумные продолжительные аплодисменты или шумное выражение аудиторией своего несогласия, нетерпения). В русской фразеологии отражены этнорегиональные стереотипы москвичей. Сравните: *Москва*

слезам не верит; жить в Москве – пожить в тоске; в Москву бресть – последнюю копейку несть и т. д.

2. Социальные стереотипы, в которых объектом стереотипизации являются те или иные категории социума. Их можно подразделить на:

2.1. Собственно социальные стереотипы, в которых объектом стереотипизации являются те или иные социальные слои (безотносительно их профессиональной, гендерной или возрастной принадлежности). Например: стереотип джентльмена или стереотипы «интеллигента», «нового русского», «братка». *Drunk as a lord; gentleman's agreement; ladies who lunch*. Сравните: *бедному жениться, ночь коротка; хозяин – барин* и т. д. *Вздых и пожатие плеч – типичный ответ советского интеллигента на призыв к действию* [Веллер, с. 174].

2.2. Профессиональные стереотипы, в которых объектом стереотипизации являются представители определенных профессий. Например: стереотипы *lawyer, milkman, civil servant, fisherman*. Многие из них нашли отражение во фразеологии. *Swear like a tinker; as drunk as a tinker; as grave as a judge; as sober as a judge; ambulance chaser*. Сравните: стереотип *рыбака, сапожника, актрисы, работника ГАИ/ГИБДД, врача*. *Пьян как сапожник; ругаться как сапожник; рыбак рыбака видит издалека. "Now you mustn't flirt with me, Colonel," she cried, giving a roguish, delicious glance. "Just because I'm an actress you think you can take liberties with me"* [Maugham. Theatre, p. 40]. **Актрисе по штату положено влюбляться в режиссёра, а не во врача «скорой»** [Веллер, с. 143].

2.3. Гендерные стереотипы, в которых объектом стереотипизации является гендерная принадлежность. "In the UK and US, pink is thought of as a pretty colour that is worn by women and girls. Today many parents avoid dressing their girls in pink because they think it strengthens sexual stereotypes" [LDLC]. Например: *dumb blond; fair-haired boy; macho man; woman's reason; a mummy's boy; a man is as old as he feels and a woman as old as she looks; like father like the son*. Сравните: *женская логика, бабы сказки, баба с возу – кобыле легче, мужское дело*.

2.4. Возрастные стереотипы, в которых отражаются стереотипизированные представления о свойствах, присущих тем или иным возрастным группам. Например: *Don't teach your*

grandmother to suck eggs; old dog barks not in vain; an old dog will learn no new tricks; awkward age, tender age; яйца курицу не учат, молодо-зелено.

2.5. **Семейные** стереотипы, в которых отражаются стереотипизированные представления о семейных отношениях. Наиболее ярко выражаются отличия английской и русской лингвокультур в стереотипизированной оппозиции «теща – зять», ставшей предметом многочисленных русских анекдотов. В английской культуре, хотя и встречаются часто шутки типа «*I have good news for you. – What! Your mother is not coming!*», нет выраженного преувеличения ненависти, которое можно обнаружить в русских анекдотах и шутках. «*Хоронили тещу, порвали два баяна*». «*Почему ты такой грязный? – Провожал тещу. Паровоз целовал*».

3. **Политические** стереотипы, в которых объектом стереотипизации являются политические партии или движения и лица, принадлежащие к ним: «*I'd think someone around Scott had a defeatist complex, like the Commies had the stuff and we had to get it back*» [Knebel, Bailey, p. 38].

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / перевод с польского. – М., 2005.
2. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002.
3. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
4. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.
5. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007.
6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.
7. *Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре: монография. – М., 2007.
8. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Культурология. Теория культуры: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – М., 2004.
9. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М., 2000.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Какой подход к определению стереотипа отражен в работах Уолтера Липшманна и его последователей?
2. Какие ещё подходы к проблеме стереотипа вы можете назвать?
3. Почему термин стереотип следует считать междисциплинарным?
4. Как определяется стереотип с позиций лингвокультурологии?
5. В чём заключается отличие стереотипа от концепта, архетипа и прецедентных феноменов?
6. С чем связано формирование стереотипов (стереотипизация)?
7. Что следует считать доминантными, второстепенными признаками и атрибутами стереотипа?
8. Какие механизмы формирования стереотипов выделяет О.А. Леонтович?
9. Какую роль могут играть стереотипы в межкультурной коммуникации?
10. Что относится к автостереотипам и гетеростереотипам?
11. Какие разновидности стереотипов выделяет Е. Бартминьский?
12. Какие типы стереотипов выделяет В.В. Красных?
13. Как можно иначе классифицировать стереотипы?

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ИТОГОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

1. Приведите примеры стереотипа поведения, свойственные английской и русской лингвокультуре. Сопоставьте их.
2. Приведите примеры стереотипа-ситуации.
3. Приведите английские и русские примеры стереотипа-образа. Сопоставьте их.
4. Приведите английские и русские примеры автостереотипов и гетеростереотипов. Сопоставьте их.
5. Приведите английские и русские примеры социальных стереотипов. Сопоставьте их.
6. Приведите английские и русские примеры профессиональных стереотипов. Сопоставьте их.
7. Приведите английские и русские примеры национальных стереотипов. Сопоставьте их.
8. Приведите примеры оснований стереотипизации на коммуникативном уровне из английского и русского дискурса (по О.А. Леонтович). Сопоставьте их.
9. Приведите примеры источников информации о стереотипах.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И КОММЕНТИРОВАНИЯ ИЗУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА

Задание 1. Выделите в приведённых ниже отрывках стереотипы. Являются они автостереотипами или гетеростереотипами? Являются ли автостереотипы менее критичными, чем гетеростереотипы?

1. Один американец – индивидуалист; двое американцев – фирма; трое американцев – монополия. (Джером Лоуренс – американский писатель) [Душенко, с. 25].

2. В Англии я предпочел бы быть мужчиной, или лошадью, или собакой, или женщиной, – именно в этом порядке. В Америке порядок был бы обратный. (Брюс Гулд, американский писатель) [Душенко, с. 27].

3. Россия: сотни миль полей и по вечерам балет. (Алан Хакни, английский писатель) [Душенко, с. 710].

4. Вся Россия – пьющий Гамлет. (Фазиль Искандер, российский писатель) [Душенко, с. 711].

5. В английском суде подсудимый считается невиновным, пока он не докажет, что он ирландец. (Тед Уайтхед, английский писатель) [Душенко, с. 28].

6. Хэппи энд – вот наша национальная политика. (Мэри Маккарти, американская писательница) [Душенко, с. 26].

7. Американцы переплывут океан, чтобы сражаться за демократию, но не перейдут улицу, чтобы проголосовать. (Билл Вон, американский юморист) [Душенко, с. 24].

8. Американец занимается делами, а в свободное время женщинами. Итальянец занимается женщинами, а в свободное время делами. (Сари Габор, американская киноактриса) [Душенко, с. 329].

9. What an Englishman is cannot be stated concisely; you would have to be acquainted, firstly with an English club-waiter, or with a booking-clerk at a railway, or above all, with a policeman. A gentleman, that is a measured combination of silence, courtesy, dignity, sport, newspapers and honesty. (Карел Чапек – чешский юморист) [Čapek, p. 45].

Задание 2. Изучите приведённые ниже отрывки. Выделите в них стереотипы. Используя классификацию В.В. Красных, охарактеризуйте стереотипы. Сопоставьте функционирование стереотипов в английском и русском дискурсе.

1. In the States it's very different. We start conversation with people in the street. We're a lot more enthusiastic and spontaneous than people here. You know, when I first came, I couldn't understand

what was wrong, but now I see that I was trying to be too friendly too soon. But Americans in England are thought to be a little inferior [New Headway, p. 133].

2. To the English, their private lives are very important, their holidays are important, their gardens are important, their dogs are important, but for Americans, work is the most important thing in our lives. We Americans are like the Japanese in this respect. We live to work [New Headway, p. 133].

3. He told us that it had been a fine day today and we told him it had been a fine day yesterday, and then we told each other that we thought it would be a fine day tomorrow [Jerome, p. 166].

4. I hadn't expected Freddie to sing when he saw me looming up with child complete, but I did think he might have showed a little more manly fortitude, a little more of the Old British bulldog spirit [Wodehouse. Carry on, Jeeves, p. 177–178].

5. We said how strange it was that, in the face of things like these, there should be a popular notion that the Germans hadn't any sense of humour [Jerome, p. 166].

6. Lord Tilbury looked like a trapped wolf who had thought as much [Wodehouse. Heavy Weather, p. 9].

7. Belgian taxi drivers call a poor tipper “un Anglais (англичанин)” [Bryson, 2001, p. 17].

8. И уж лучше бы он проявил навязчивость, откуда в нас столько английской благопристойности [Веллер, с. 406].

9. В той же статье было написано, что русская угрюмость вызвана иным поведенческим этикетом – меньшей приветливостью и ослабленной социальной ролью вежливости, однако Николас не видел большого греха в том, что улыбка в России не утратила своего первоначального смысла и не превратилась в пустую, ничего не значащую гримасу [Акунин. Алтын-Толобас, с. 121].

10. «Вот он, истинный русский характер», – подумал Фандорин. Внешне человек неприветливый, колючий, можно даже сказать неприятный, а какая готовность прийти на помощь [Акунин. Алтын-Толобас, с. 55].

11. Ты напоминаешь сейчас анекдот об англичанине, которому довелось пить с русскими. Назавтра он ответил о своих впечатлениях: «Вечером я боялся, что умру. А утром пожалел, что не умер» [Веллер, с. 358].

12. Эстонская новогодняя песенка: Маленькой елочке холотно зимой. Из лессу елочку взяли мы домой, А пока из лессу притащили ель – весело-веселло встретили апрель [Комсомольская правда. 14.01.08, с. 16].

Задание 3. Изучите приведённые ниже отрывки. Найдите в них отражение стереотипов. Используя более детальную классификацию, определите, к какому виду стереотипов они относятся. Сопоставьте функционирование стереотипов в английском и русском дискурсе.

1. A ship with heterogeneous passenger list stranded on an idyllic Polynesian islet. Soon the little spot was a beehive of activity. The Germans were drilling the natives into an army. The Americans opened a general store and auto agency. The Australians started a race track, the French – a restaurant, and a couple of Englishmen were still standing around waiting to be introduced [Почепцов, с. 47].

2. Николас был поражен тем, что директор архива дает мало-знакомому человеку совет, да ещё по такому интимному поводу, как стиль одежды. Немного подумав, магистр решил, что это, хотя и бесцеремонно, но очень по-русски и, пожалуй, даже симпатично [Акунин. Алтын-Толобас, с. 52].

3. In children's stories, especially fairy tales the stepmother is usually a very evil character who is cruel to her stepchildren [LDLC].

4. Француженка, немка, англичанка и уж тем более американка мигом бросила бы пьянчугу, не пожелав портить свою жизнь. Русская же баба с молоком матери впитывает истину: бьёт – значит любит, а пьёт – значит, как все [Донцова. Букет прекрасных дам, с. 87–88].

5. Aberdeen lady dropped a two pence piece in front of a bus. She jumped in front of the vehicle to retrieve her money and was killed outright. As she was only twenty years of age a post mortem examination was carried out – revealing she'd died of natural causes [Mitchell, p. 5].

6. Дальше Фандорин не слышал, потому что уже нырнул в спасительный проём и сломя голову, через три ступеньки заскакал по лестнице. Боже, благослови грузинов и их вспыльчивый нрав [Акунин. Алтын-Толобас, с. 121].

7. Three proofs that Jesus was from California: 1. He never cut his hair. 2. He walked around barefoot. 3. He invented a new religion [Тер-Минасова, с. 142].

8. "What is your age?" asked the judge. "Remember you are under oath." "Twenty-one years and some months," the woman answered. "How many months?" the judge protested. "One hundred and eight" [Почепцов, с. 47].

9. "What makes you think the baby is going to be a great politician?" asked young mother anxiously. "I'll tell you," answered the young father, "he can say more things that sound well and mean nothing at all than any kid I ever saw" [Политика. Бизнес. Право, с. 19].

10. Visiting New Yorkers – pale, tetchy, chain-smoking, dressed entirely in black – do well here [Jones, p. 140].

11. Стоит учиться в МГУ и практиковаться в Ленинграде, чтобы ловить ваших глухарей. Ты через неделю отбудешь, продолжать весёлую жизнь столичного студента [Веллер, с. 195].

12. It's almost an understood thing for a French actress to have a lover [Maugham. Theatre, p. 180].

Задание 4. Изучите приведённые ниже отрывки. Найдите в них отражение стереотипов. Опишите предполагаемый механизм формирования стереотипа. Определите, на основе чего происходит стереотипизация на коммуникативном уровне.

1. They were trying an Irishman, charged with a petty offence, in an Oklahoma town, when the judge asked: "Have you any one in the court who will vouch for your good character?" "Yis, your honour", quickly responded the Celt, "there's the sheriff there." Whereupon the sheriff evinced signs of great amazement. "Why, your honour," declared he, "I don't even know the man." "Observe your honour," said the Irishman triumphantly, "observe that I've lived in the country for over twelve years an' the sheriff doesn't know me yit! Ain't that a character for ye?" [Почепцов, с. 95].

2. Clark again assumed his drawl. "Ah'm not arguin' with you Mistuh President, Jordie, suh." He reverted to normal accents. "Either way, by fall, you'll be in better shape." Lyman laughed. "Ray, if I didn't know you better I'd think George Bernard Shaw picked you as the model for Eliza Doolittle. How do you decide when to turn that cracker dialect on and off?" Clark's smile was slow and lazy. "Mr. President, a man has to keep in practice. In Georgia I'm a country boy trying to keep Sherman from coming back. In Washington I'm a graduate of the Harvard Law School [Knebel, Bailey, p. 61].

3. Знаю я этих английских батлеров, они будут почище своих лордов [Акунин. Коронация..., с. 20].

4. Сколько нужно блондинок, чтобы ввинтить электрическую лампочку? – Три. Одна будет держать лампочку, а две другие будут крутить первую блондинку [Досуг, с. 75].

5. Тот зычно крикнул вслед с характерным кавказским акцентом: Э! Нэ понял! ... – Сначала извинись, потом бэги! – потребовав второй кавказский голос [Акунин. Алтын-Толобас, с. 86].

6. The proper procedure for Americans in making purchases in France is as follows: 1. Ascertain the value of the franc. 2. Make the purchases of whatever it is you want. 3. Ask "*Combien?*" (How much?)

4. Say “Trop cher.” (What the hell!) 5. Try to understand the answer. 8. Pay the price and leave the shop swearing in English, American or other mother tongue [Политика. Бизнес. Право, с. 32].

7. At a banquet at Princeton University, the well-known Chinese diplomat, Dr. Wellington Koo, was the guest of honor and main speaker. As one of a number of representatives of the student body on this occasion, a member of the Princeton football team found himself seated next to Dr. Koo. Very embarrassed by the formality of the occasion and utterly at a loss for conversation, the young man turned to Dr. Koo during the soup course and said, “Likee soupee?” Dr. Koo bowed his head and grinned. Later he delivered a polished, thoughtful and witty address. Sitting down amidst applause, Dr. Koo turned to the chagrined student and said smiling, “Likee speechee?” [Политика. Бизнес. Право, с. 29].

8. – Я, – снова произнёс в трубку новорусский мачо. – Ты че, Толян, с клубники упал, как Мичурин? Ага, щас. Нашёл терпилу... Какие, блин, реутовские? Че ты мне гонишь? Рамсы развести проблем нет, только не плачь, потом... Ладно, Толян, забили.

Этот разговор вёлся совсем в иной манере, чем предыдущий. Теперь Николас и вовсе ничего не понял. Правда, выражение «развести рамсы» в блокноте имелось. На криминальном арго оно означало «уладить конфликт». Выходит, этот человек не политик и не бизнесмен, а уголовник? [Акунин. Алтын-Толобас, с. 182].

9. В Интернете появился опус, который, говорят, выдают всем американцам, выезжающим в Россию во второй половине декабря, в качестве инструкции. «Русские считают, что иностранцы не умеют пить – они не закусывают, смешивают коктейли, водку не пьют, а потягивают. Это связано с дороговизной алкоголя и врождённой жадностью. Русские же пьют сколько в них влезет и остаются в живых» [Комсомольская правда. 27.12.07–03.01.08, с. 5].

Задание 5. Изучите приведённые ниже отрывки. Найдите в них отражение стереотипов. Определите вид стереотипа. Выделите дифференциальные признаки или атрибуты стереотипов. Сопоставьте отражение стереотипов в английских и русских текстах.

1. В чём дело? – строго спросила она своим самым «докторским» голосом и таким же, очень «докторским» движением сняла шапку и шубейку [Устинова. Подруга особого назначения, с. 74].

2. Мощным усикам над пухлой красной губкой могло позавидовать любое лицо кавказской национальности [Донцова. Букет прекрасных дам, с. 12–13].

3. Old Angus was taken to hospital with splinters of glass in his tongue. “How did it happen?” asked the nurse. Angus’s tongue was too full of splinters for him to explain. Helpfully, the nurse gave him a pencil and a sheet of paper. He wrote: “I dropped a bottle of whisky on the kitchen floor” [Scottish Jokes, p. 88].

4. Whisky to a Scotsman is as innocent as milk to the rest of the human race. – Mark Twain [Mitchell, p. 14].

5. Ещё недавно всё было ясно с первого взгляда. Надел шляпу – интеллигент. Сморкается в рукав – не интеллигент. Надел шляпу, но сморкается в рукав – интеллигент в первом поколении [Мишин, с. 175].

6. “And how *do* you pretend to be a lawyer?” Lancelot considered. “Lawyers cough dryly, *I know that*,” he said. “And I suppose one would put the tips of the fingers together a good deal and talk about *Rex v. Biggs Ltd* and torts and malfeasances and so forth [Wodehouse. *Mulliner Nights*, p. 51].

7. На собачьих бегах встретились немец, американец и русский. Немец говорит: – Мой пёс перед забегами слушает записи с немецкими маршами и поэтому постоянно побеждает. Американец: – Мы с ним перед соревнованиями всегда идем в Мак-Дональдс, поэтому нам победа обеспечена. Русский говорит: – Это всё ерунда! Вот я своему перед стартом наливаю водочки, граммов так 200! Немец и американец в один голос: – И что, он побеждает после этого? – А на фига нам это! Зато на старте он самый весёлый и забавный! [Русские и «русскость», с. 139–140].

8. Ну, конечно, Алтын Мамаева – журналистка, как он сразу не догадался? И цепкий взгляд, и натиск, и манера говорить. К тому же, в машине на заднем сиденье магистр углядел «кэнон» с нешуточным профессиональным объективом [Акунин, Алтын-Толобас, с. 123].

9. В немецком аэропорту мужчина чуть не умер от алкогольного отравления. Он выпил залпом литр водки, отказавшись отдать её, как этого требуют новые правила. ...Пришлось вызвать бригаду скорой помощи, которая доставила его в больницу Нюрнберга. А наш российский турист на месте того бедолаги наверняка потребовал бы «продолжение банкета» [Вечерний Омск. 21.12.07, с. 3].

10. – Что общего между гаишниками и китайцами? – И тех и других очень много, и кормятся они палочками [333 1/3 анекдотов про ГАИшников, с. 107].

11. The wits say that everybody seems to be dieting in California. They’re even planning to divide the state into NO-Cal and Low-Cal [Такова жизнь, с. 61].

Задание 6. Сопоставьте английские и русские фразеологизмы. Объясните отражение в них стереотипов.

Тянуть лямку. Заниматься тяжёлым, неприятным делом. Из речи бурлаков, тянувших баржи против течения реки, впрягшись в лямки.

Топорная работа. Плохо, грубо сделанная работа. Первоначально о работе плотников, противопоставляемой более тонкой работе столяров.

Спустя рукава. Небрежно, кое-как (работать, делать что-либо). Старорусская одежда обычно имела длинные рукава, которые засучивали, чтобы они не мешали, когда человек принимается за работу.

Плевать в потолок. Ничего не делать. Крестьянин во время отдыха лежал на полатах или на печке и, покуривая, сплевывал с губ табачные крошки. Полаты располагались близко к потолку.

Мастер кислых щей. Плохой мастер. Кислые щи – крестьянские щи, изготовление которых не представляло особых трудностей [Шанский, Зимин, Филиппов].

Neither fish, flesh, nor good red herring. Of indefinite character and difficult to identify or classify. With allusion to distinctions made in dietary laws formerly laid down by the Church.

Dutch courage. Bravery induced by drinking alcohol. With allusion to the long-standing British belief that the Dutch are extraordinary heavy drinkers.

Boys will be boys. Irresponsible, mischievous, or childish behaviour is typical of boys or young man. Used to indicate that such behaviour should not cause surprise when it occurs. The equivalent female proverb *girls will be girls* is far less common.

Scratch a – and find a –. An investigation of someone or something soon reveals their true nature. First in English E19, translating French *grattez le Russe et vous trouverez le Tartare* (scratch the Russian and you will find the Tartar), attributed to Napoleon.

Trail one's coat. Deliberately provoke a quarrel or fight. Trail-ing one's coat (or coat-tails) is likely to result in someone's stepping on it, either intentionally or unintentionally, thus enabling one to pick a fight. This behaviour was traditionally associated with Irishmen at donnybrook Fair. "Party spirit is equally ready to give offence and to watch for it. It will trail its coat like the Irishman in the fair. (C.M.Younge. Womankind, 1877)" [ODI].

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. – М., 2003.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польского. – М., 2005.

Бенуас Л. Знаки, символы и мифы. – М., 2004.

Бирих А.Н. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. – М., 1999.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2001.

Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М., 2001а.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001б.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М., 2007а.

Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007б. – С. 10–11.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997.

Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Барнаульский гос. пед. университет. – Барнаул, 2004.

Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., 1989.

Голденков М.А. Осторожно! Hot dog!: Совр. актив. English. – М., 1998.

Гудков Д.Б. Структура и функционирование двусторонних имён (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1994. – № 6. – С. 14–21.

Гудков Д.Б., Красных В.В., Захарченко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.

Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: лингво-культурологические этюды / сост. В.В. Красных. – М., 2006. – С. 7–178.

Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Попова З.Д. и др. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2005. – С. 70–91.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. – М., 2007. – С. 12–13.

Карасик В.И., Стернин И.А. Предисловие // Антология концептов. – М., 2007. – С. 5–6.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасова Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. – М., 1994.

Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–125.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1995. – № 3. – С. 102–117.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдения над русским словоупотреблением конца XX в. – СПб., 2001.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград, 2001.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002. – 284 с.

- Краткий политический словарь. – М., 1987.
- Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1985.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – 4-е изд. – М., 2007.
- Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. – М., 2007.
- Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.
- Лисоченко О.В.* Явление прецедентности в современной русской литературной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2002.
- Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН – СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996.
- Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.Н. Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 129–142.
- Маковский М.М.* Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. – М., 1996.
- Маленова Е.Д.* Наивная картина мира и её отражение в английской медицинской терминологии в социолингвистическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006а.
- Маленова Е.Д.* Наивная картина мира и её отражение в английской медицинской терминологии в социолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006б.
- Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология. – Киев, 2004.
- Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре: монография. – М., 2007.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.
- Мещерякова Ю.В.* Красота // Антология концептов. – М., 2007. – С. 88–102.
- Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. – СПб., 2003.
- Нельсон Т.* Психология предрешений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб., 2003.
- Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е.* Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 101–109.
- Пименова М.В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007. – С. 14–16.
- Попова З.Д. и др.* Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – Кемерово, 2005.

- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М., 2007а.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007б. – С. 7–9.
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. – М., 1990.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.
- Рыжков В.А.* Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. – М., 1988. – С. 4–16.
- Рябцева Н.К.* Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 83–95.
- Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Культурология. Теория культуры: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – М., 2004.
- Скаличка В.* Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., 1989.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
- Смирнов И.П.* Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака) // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderbund. 17. – 1985.
- Солохина А.С.* Свобода // Антология концептов. – М., 2007. – С. 165–182.
- Сорокин Ю.А.* Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других) // Вопросы языкознания. – № 6. – С. 43–53.
- СРФ – Словарь русской фразеологии. – СПб., 1999.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.
- Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М., 1996.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
- Тхорик В.И., Фанян Н.Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М., 2005.
- Урнов М.* Роберт Луис Стивенсон // Роберт Луис Стивенсон. «Избранное» на английском языке. – М., 1972. – С. 7–27.

- Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. – М., 2006.
- Человеческий фактор в языке / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М., 1988.
- Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М., 1987.
- Щеголева Ю.А.* Стереотип положительного героя в традиционной культуре и современном массовом сознании // Русские и «русскость»: лингво-культурологические этюды / сост. В.В. Красных. – М., 2006. – С. 179–262.
- Юдин А.В.* Славянские древности: этимологический словарь в 5-ти томах: рецензия // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 169–173.
- Яранцев Р.И.* Русская фразеология: словарь-справочник. – М., 1997.
- Bootzin R.R., Bower G.H., Crocker J., Hall E.* Psychology today. – New York, 1991.
- Bryson B.* Made in America: an informat history of the English language in the United States. – New York, 1996.
- Bryson B.* The Mother Tongue: English and How It Got That Way. – New York, 2001.
- Cambridge International Dictionary of Idioms (CIDI). – Cambridge, 1998.
- Concise Oxford Dictionary (COD). – Oxford, 1972.
- Longman Dictionary of Language and Culture (LDLC). – Harlow, 2002.
- Lippmann W.* Public Opinion. – New York, 1961.
- Macmillan – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Oxford, 2004.
- Mitchell R.* What's Under the Kilt? – Edinburgh, 2002.
- Oxford Dictionary of Idioms (ODI). – Oxford, 2000.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Акунин Б.* Турецкий гамбит. – М., 2000.
- Акунин Б.* Коронация, или Последний из романов. – М., 2002.
- Акунин Б.* Алтын-Толобас. – М., 2005.
- Анекдоты как на подбор / авт.-сост. Н.В. Белов. – Минск, 2006.
- Белянин О.А.* Моя жена – ведьма. – М., 2003.
- Веллер М.* Приключения майора Звягина. – СПб., 2003.
- Гоголь Н.В.* Мертвые души // Сочинения. – М., 1956.
- Довлатов С.* Чемодан. – СПб., 2001.
- Донцова Д.А.* Букет прекрасных дам. – М., 2003.
- Донцова Д.А.* Бриллиант мутной воды. – М., 2005.
- Донцова Д.А.* Старуха Кристи отдыхает! Британец китайского производства. – М., 2006.
- Досуг: сборник шуток, анекдотов и тостов. – М., 1997.
- Душенко К.В.* Большая книга афоризмов. – М., 1999.
- Луконин В.С.* Остров императора. – М., 2002.
- Мишин М.А.* Пауза в мажоре. – Л., 1981.
- Мякшин А.* Бой бес правил. – М., 2005.
- Политика. Бизнес. Право: сборник юмора на английском языке. – М., 2001.
- Почепцов Г.Г.* Язык и юмор. – К., 1990.
- Розовский М.Г.* Дело о «конокрадстве». – М., 2006.
- Русские и «русскость»: лингво-культурологические этюды / сост. В.В. Красных. – М., 2006.
- Сноу Чарльз П., Грин Гр., Френсис Д.* Английский детектив / пер. с англ. – М., 1983.
- Такова жизнь: сборник юмора на английском языке / сост. Э.Н. Муратов. – М., 2001.
- Толстая Т.Н.* Не кысь. – М., 2006.
- 333 1/3 анекдотов про ГАИшников / сост. Р. Трахтенберг. – М., 2006.
- Устинова Т.В.* Подруга особого назначения. – М., 2005.
- Устинова Т.В.* Пять шагов по облакам. – М., 2005.
- Устинова Т.В.* Пороки и их поклонники. – М., 2005.
- Устинова Т.В.* Первое правило королевы. – М., 2005.
- Чейз Дж.Х.* Свидетелей не будет: романы / пер. с англ. – М., 2007.
- Шекспир У.* Гамлет. Избранные переводы: сборник / сост. А.Н. Горбунов. – М., 1985.

- Asimov Isaak.* The Great Science Fiction Stories. V. 2. – New York, 1979.
- Čapek K.* Letters from England. – Prague, 1966.
- Gordon R.* Doctor at Large. – Middlesex, 1975.
- Fitzgerald F.S.* Selected Short Stories. – M., 1979.
- Fodor's 89.* Soviet Union. – New York, 1989.
- Francis Dick.* Dead Cert. – London, 1976.
- Jerome Jerome K.* Three Men in a Boat. – London, 1994.
- Jones L.* New progress to First Certificate / Student's book. – Cambridge, 1994.
- Insights into Business.* – Oxford, 1997.
- Knebel F., Bailey Ch.* Seven Days in May. – M., 1970.
- Huxley Al.* Crome Yellow. – M., 1979.
- Hunt M.* Ideas & Issues. Advanced. – Обнинск, 2000.
- Maugham S.W.* Theatre. – London, 1978.
- Maugham S.W.* Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. – M., 1980.
- New Headway: English course.* – Oxford, 1998.
- Priestley J.B.* The Good Companions. – London, 1981.
- Scottish Jokes /* edited by Ch. Findlater. – London, 2006.
- Shakespeare W.* A Midsummer Night's Dream. – Hong Kong, 1979.
- Warren R.P.* All the King's Men. – M., 1979.
- Webster Jean.* Daddy-Long-Legs. – Новосибирск, 2007.
- Wodehouse P.G.* Heavy Weather. – Harmondsworth, 1978.
- Wodehouse P.G.* Sam the Sudden. – Harmondsworth, 1978.
- Wodehouse P.G.* Meet Mr Mulliner. – Harmondsworth, 1981.
- Wodehouse P.G.* Mulliner Nights. – Harmondsworth, 1981.
- Wodehouse P.G.* Carry on, Jeeves. – M., 2004.
- Wodehouse P.G.* Love among the Chickens. – M., 2005.

АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

- Автостереотип 153
- Анализ концепта, лингвокультурный 60
- Анализ текста, лингвокультурный 34
- Антропология, культурная 11
- Антропология, лингвистическая 13
- Атрибут стереотипа 132

- База, когнитивная 80

- Включения, интертекстуальные 79

- Гетеростереотип 153
- Гештальт 57
- Гипероним 56

- Зоостереотип 165

- Инсайт 56
- Интертекстуальность 79

- Картина мира 25
- Картина мира, культурная (понятийная) 26
- Картина мира, наивная 27
- Картина мира, научная 27, 28
- Картина мира, языковая 28, 29
- Картинки, мыслительные 56
- Квазистереотип 127
- Концепт 43
- Концепт, индивидуально-культурный 55
- Концепт, калейдоскопический 57
- Концепт, ключевой 54
- Концепт, когнитивный 44
- Концепт, культурный 44
- Концепт, лингвокультурный 45
- Концепт, содержание 51
- Концепт, социокультурный 55
- Концепт, структура 50, 51
- Концепт, типы 56

Концепт-уникалия 54
Концепт-универсалия 54
Концепт, этнокультурный 55
Концептология 42
Концептосфера 48, 49
Культура 16
Культурология 11

Лингвистика, антропологическая 11, 13
Лингвистика, когнитивная 12
Лингвистика, культурная 13
Лингвокультуроведение 13
Лингвокультурология 10
Лингвокультурология, сопоставительная 21
Лингвокультурология, сравнительная 21
Лингвострановедение 13
Логоэпистема 79

Метод, сопоставительный 21
Модели, пропозициональные 41
Модели, метафорические 42

Определение концепта, лингвокогнитивное 44
Определение концепта, лингвокультурное 45

Парадигма, антропоцентрическая 18
Параметры картины мира 30
Прецедентная ситуация (ПС) 85
Прецедентная ситуация, инвариант восприятия 87
Прецедентное имя (ПИ) 91
Прецедентное имя, дифференциальные признаки 91
Прецедентное имя, атрибут 94
Прецедентное высказывание (ПВ) 102
Прецедентное высказывание, структура 104
Прецедентный текст (ПТ) 89
Признаки прецедентной ситуации 86
Пропозициональные модели 41

Социолингвистика 13
Стереотип 122
Стереотип, возрастной 166
Стереотип, гендерный 165, 166
Стереотип, доминантный признак 136
Стереотип, национальный 165
Стереотип, негативный 152

Стереотип-образ 162
Стереотип-представление 162
Стереотип поведения 158
Стереотип, позитивный 152
Стереотип, политический 167
Стереотип, профессиональный 166
Стереотип речевого поведения 158
Стереотип, семейный 167
Стереотип-ситуация 162
Стереотип, собственно социальный 166
Стереотип, социальный 166
Стереотип, этнорегиональный 165
Стереотипа, атрибут 132
Стереотипизация 124
Схема 56, 57
Сценарий 56, 57
Схематизация опыта 42

Феномены, прецедентные 73
Феномены, прецедентные, межнационально-прецедентные 81, 83
Феномены, прецедентные, национально-прецедентные 81
Феномены, прецедентные, социумно-прецедентные 81
Феномены, прецедентные, универсально-прецедентные 81, 82
Формирование стереотипа 129
Фрейм 56, 57

Характер картины мира, антропоцентрический 26
Характеристики концепта, базовые 47

Этнолингвистика 11
Этнопсихоллингвистика 11
Этностереотип 165

Учебное издание

Моисеев Михаил Владимирович
Гичева Наталья Гермогеновна

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Учебное пособие

*(для студентов специальностей 031202.65 «Перевод
и переводоведение» и 031201.65 «Теория и методика
преподавания иностранных языков и культур»)*

Санитарно-гигиенический сертификат
№ 77.99.60.953 Д 007673.07.08 от 18.07.2008

Технический редактор *М.В. Быкова*
Редактор *С.А. Рыжова*
Дизайн обложки *З.Н. Образовой*

Подписано в печать 24.02.2009. Формат бумаги 60×84 1/16.
Печ. л. 11,6. Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 100 экз. Заказ 125.

*Издательство Омского государственного университета
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а, госуниверситет*